

ДРЕВНОСТЬ:
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ
И СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКА

**ANTIQUITY:
HISTORICAL KNOWLEDGE
AND SPECIFIC NATURE OF SOURCES**

Moscow
Institute of Oriental Studies
2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ДРЕВНОСТЬ:
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ
И СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКА**

Материалы международной научной конференции,
посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского
и Дмитрия Сергеевича Раевского

Выпуск IV

14–16 декабря 2009 года

Москва
ИВ РАН
2009

Оргкомитет конференции:
В.П. Андросов (председатель);
Е.В. Антонова,
А.С. Балахванцев (отв. секретарь),
М.Н. Погребова,
Л.А. Чвырь

Ответственный редактор:
А.С. Балахванцев

Художник:
Т.П. Удыма

ISBN 978-5-89282-382-1

© Институт востоковедения РАН
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
<i>Авилова Л.И. (ИА РАН)</i> Серебряный топор и золотое веретено (о семантике некоторых орудий труда в эпоху бронзы на Ближнем Востоке).....	10
<i>Александров Б.Е. (МГУ)</i> Взаимоотношения Хеттского царства со странами Верхней Месопотамии в XIII в. до н. э.: новые источники и новые интерпретации	12
<i>Антонова Е.В. (ИБ РАН)</i> О верблюдах в БМАК	15
<i>Балабина В.И. (ИА РАН)</i> Миксоморфизм и еще один ракурс семантики антропоморфных и зооморфных изображений у ранних европейских земледельцев.....	18
<i>Балахванцев А.С. (ИБ РАН)</i> К реконструкции истории древней Колхиды во второй половине VII в. до н. э.	21
<i>Башарин П.В. (РГГУ)</i> Осетинское <i>wæzdan</i> или к вопросу о происхождении узденей	23
<i>Большаков В.А. (РУДН)</i> К вопросу о роли царственных женщин эпохи Нового царства (рабочая гипотеза).....	25
<i>Брилева О.А. (ГМИНВ)</i> Свидетельства всаднического культа на Кавказе.....	28
<i>Васильева О.А. (ГМИИ)</i> Гибель Осириса: древнеегипетский «апокалипсис».....	30
<i>Виноградова Н.М. (ИБ РАН)</i> Открытие памятников эпохи средней бронзы на юге Таджикистана	32
<i>Вольная Г.Н. (СОГУ)</i> К вопросу о происхождении бронзовых фигурок оленя из памятников раннего железного века на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа	34
<i>Ворошилов А.Н. (ВГУ)</i> О серии акинаков келермесского типа	36
<i>Демидчик А.Е. (НГПУ)</i> К политической истории древнеегипетской Герacleопольской монархии	38

<i>Демичева И.Ю. (ИА РАН)</i>	
Предметы коропластики: терракотовые статуэтки майя Классического периода как исторический источник.....	40
<i>Зубова О.И. (ИБ РАН)</i>	
254-е речение Текстов пирамид и 622-е речение Текстов ковчегов с точки зрения трансляции древнеегипетского религиозного текста	42
<i>Иванчик А.И. (ВДИ)</i>	
К вопросу о языковой ситуации в эллинистической Бактрии: новые данные из Тахт-и Сангина	43
<i>Канторович А.Р. (МГУ), Маслов В.Е., Петренко В.Г. (ИА РАН)</i>	
Находка бронзовых элементов управления быками (носовых колец) в 2009 г. и проблема передневосточных связей майкопской культуры Северного Кавказа.....	44
<i>Карлова К.Ф. (Москва)</i>	
Солярный аспект в «Сетовом имени» эпохи II династии (на материале памятников Перибсена)	46
<i>Клейменов А.А. (Тула)</i>	
Олонештский клад как материальное свидетельство македонского военного присутствия в Северо-Западном Причерноморье в IV в. до н.э.	48
<i>Ковалевская В.Б. (ИА РАН)</i>	
Доместикация и использование коня в Евразии в V–III тыс. до н.э.	50
<i>Колганова Г.Ю. (ИБ РАН)</i>	
«8» дворцов Ашшурнацирапала II в Кальху	52
<i>Корниенко Т.В. (Воронеж)</i>	
Гёбекли Тепе — неординарный археологический памятник Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита: к вопросу об интерпретации	53
<i>Коровчинский И.Н. (МОПУ)</i>	
Генезис архитектуры «храма с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум	56
<i>Кузьмина Е.Е. (Ин-т Культурологи)</i>	
Кыргызстан — центр распространения культурных влияний Запада в Синьцзяне	58
<i>Кулланда С.В. (ИБ РАН)</i>	
A la recherche des Scythes perdus.....	60
<i>Лаврентьева Н.В. (ГМИИ), Чегодаев М.А. (РГГУ)</i>	
Приношение для Сепи: об одном из элементов погребального инвентаря саркофагов Среднего царства	62
<i>Ладынин И.А. (МГУ)</i>	
Внутренние рубежи первого цикла египетской истории в произведении Манефона и других свидетельствах историко-литературной традиции	64

<i>Ладынин И.А. (МГУ), Немировский А.А. (ИВИ РАН)</i> Принципы контаминации исторических сообщений в сведениях Манефона о военно-политической истории Египта II тыс. до н. э.	66
<i>Лебединский В.В. (ИВ РАН)</i> Исследование абразии береговой линии херсонесского городища по картографическим данным	68
<i>Лепехова Е.С. (ИВ РАН)</i> Статуи бодхисаттв Каннон и Майтрейи в Древней Японии: к вопросу о посмертных изображениях принца Сётоку	69
<i>Литвинский Б.А. (ИВ РАН)</i> Храм Окса и проблемы генезиса бактрийской культуры	72
<i>Лурье П.Б. (Эрмитаж, отдел Востока)</i> Сыновья Афрасиаба и первое поколение Нартов	74
<i>Маккавеев Н.А. (МГУ)</i> Из истории древней картографии: Персидский залив в сочинениях Непарха и Птолемея	75
<i>Малых С.Е. (ИВ РАН)</i> Древнеегипетский погребальный обряд у частных лиц в эпоху V–VI династий	77
<i>Медведская И.Н. (ИВ, СПб)</i> Письмо астролога Аккуллану от 657 г. до н. э.: возвышение Лидии или победа киммерийцев?	80
<i>Мехакиян А.Х. (Москва)</i> Философское приложение лингвистических наук в кашмирском шиваизме: лингвистика и метафизика	82
<i>Миронова А.В. (РГГУ)</i> «Гранитное святилище» Тутмоса III и «солярный алтарь» храма Ахмену: смысловая взаимосвязь	83
<i>Михайлов Д.А. (САГС)</i> Гносеологическая природа погребального памятника	85
<i>Мошинский А.П. (ГИМ)</i> Дигорская культура и Дигорско-Рачинский металлургический очаг	87
<i>Никитина А.Д. (МИЭП)</i> Обычаи и нормативные источники в Шумере (влияние шумерских традиций на развитие права во II тыс. до н. э.)	90
<i>Николаева Н.А. (МГОУ)</i> Миграции древнеевропейцев на Северный Кавказ в III тыс. до н. э. по данным археологии, лингвистики и мифологии	92
<i>Никольская К.Д. (ИСАА)</i> Об одном пищевом ограничении для новобрачных (по данным «Ашвалаяна-грихьясутры»)	95

<i>Никулина Н.М. (МГУ)</i> О культуре эллинистического периода и художественных тенденциях в греческом искусстве в преддверии эллинизма	98
<i>Петрова А.А. (ИВ РАН)</i> Развитие представлений о загробном мире в текстах и изображениях вельможеских гробниц 5 династии	100
<i>Пилипко В.Н. (ИА РАН)</i> Два сюжета на батальную тему из Старой Нисы.....	101
<i>Погребова М.Н. (ИВ РАН)</i> Памятники лчашенского типа. Особенности культуры восточного ареала	103
<i>Пронина Ю.А. (ИВ РАН)</i> Опыт подводно-археологических исследований Херсонеса Таврического	105
<i>Сафронов А.В. (ИВ РАН)</i> Об этнониме «Сечетиу» Элефантинской стелы Сетнахта	106
<i>Соколова М.И. (Москва)</i> Признаки устного бытования Текстов саркофагов	109
<i>Соловьева С.С. (МГУ)</i> Киш в контексте месопотамской истории III тыс. до н. э. (от триумфа до фиаско)	114
<i>Тер-Мартirosов Ф.И. (ИА НАН РА)</i> Предание о Паруйре Скайорди и Скифское царство в Передней Азии	115
<i>Трейстер М.Ю. (Бонн), Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. (ИА РАН)</i> Техника инкрустации золотом по серебру и железу в V–IV вв. до н. э. (по материалам из Филипповского могильника)	118
<i>Чандрасекаран С. (Гос. Музей Берлина / Университет Оксфорда)</i> Кому был посвящен Пергамский алтарь?.....	120
<i>Чவர்ь Л.А. (ИВ РАН)</i> Цветовая символика в культуре Туркестана (I–II тыс.н.э.)	123
<i>Шелестин В.Ю. (Москва)</i> Алалах и Хатти в эпоху сирийских походов Хаттусили I	125
<i>Эдельман Д.И. (ИЯ РАН)</i> Динамика языка древнеперсидских текстов и социолингвистическая ситуация в ахеменидском Иране	128
<i>Эрлих В.Р. (ГМИНВ)</i> О вещах переднеазиатской и закавказской традиции в Ульских курганах...	130
<i>Hedayatifard Derakhshan. (Peum)</i> The Origin of Sumerian	133

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник содержит материалы конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского, проводимой в Институте востоковедения РАН с 1996 года. Материалы конференции публиковались в сборниках, выходявших под названием: «Древность: историческое знание и специфика источника» (1996 и 2000 гг.), а также «Восток в эпоху древности. Новые методы исследований: междисциплинарный подход, общество и природная среда» (2007 г.). Таким образом, находящийся в руках читателя сборник является уже четвертым выпуском в этом ряду. Комплексный и широкомасштабный подход к изучению источников, заложенный организаторами конференции, оказался очень плодотворным и стал важным объединяющим принципом, привлечшим ученых самого разного профиля: историков, археологов, культурологов, филологов, политологов, социологов, философов и палеоэкологов. Синтез всех этих направлений в рамках конференции позволяет глубже познакомиться с новыми открытиями коллег, вырабатывать оригинальные концепции и методы работы в самых разных сферах науки о древности и дает возможность лучше рассмотреть разнообразие наших источников.

*Отдел Истории и культуры Древнего Востока
Института востоковедения РАН*

Серебряный топор и золотое веретено (о семантике некоторых орудий труда в эпоху бронзы на Ближнем Востоке)

В ряде элитарных комплексов бронзового века на Ближнем Востоке (Месопотамия, Анатолия) обнаружены реплики плотницких орудий, изготовленные из драгоценных металлов (топоры, тесла, пилы, долота). Бронзовые плотницкие орудия присутствуют среди драгоценных изделий клада А в Трое II, в кладах на храмовом участке Телль Хазны.

Драгоценные орудия труда, непригодные для практического использования, предполагают обрядовое участие их владельцев в каких-то работах. Такие орудия, предназначенные для использования царем (и членами царской семьи) в религиозных церемониях, изготавливались из того же драгоценного металла, что и высшие символы царской власти — оружие, украшения и пр. и включались в круг таких символов. Анализ контекста комплексов, содержащих реплики плотницких инструментов, анализ древних письменных источников и изобразительных материалов позволяют утверждать, что, начиная с Раннединастического периода в Месопотамии и тесно связанной с ней культурно Анатолии строительная деятельность осмыслялась как важнейшая функция обожествляемого правителя, царя-жреца, по поддержанию жизни конкретной городской общины и миропорядка в целом.

Другая группа предметов, обнаруженных в памятниках бронзового века в Анатолии, представляет собой стержни 10–15 см длиной с надетыми на них дисками. Вещи изготовлены из металлов, в том числе драгоценных. Авторы раскопок однозначно определяют их как веретена с пряслицами. Все находки происходят из могильников элиты и датируются серединой — второй половиной III тыс. до н. э. (СБВ). Это царские гробницы могильника Аладжахейюк в Центральной Анатолии (погребения L, H, A bis). Одно веретено серебряное; другое бронзовое, обтянутое золотой фольгой, третье — бронзовое. По крайней мере часть погребений, из которых происходят эти находки, можно идентифицировать как женские по набору инвентаря. Так, гробница L содержала две женские статуэтки, золотой гребень, несколько пар так называемых «кастаньет» — металлических дисков с полыми вертикальными ручками (их считают ударными музыкальными инструментами вроде литавр). Два веретена (одно из электра, другое бронзовое) происходят из разграбленного царского некрополя Хорозтепе (Центральная Анатолия). Здесь также имеются «кастаньеты» и «систры» (конструкции в виде рамы с поперечными стержнями, на которые надеты подвижные пластины или диски, звенящие при встряхивании). В могильнике Караташ (Юго-западная Анатолия) в богатом погребении 366 найдено бронзовое веретено с биконическим пряслицем.

Представляется, что мы имеем дело с тем же явлением изготовления реплик орудий труда из ценных материалов — бронзы и драгоценных металлов, — что и в случае с плотницкими инструментами. Они являются «женским» аналогом «мужского» набора символически насыщенных предметов, знаков высокого

социального статуса, куда помимо веретен могли входить музыкальные инструменты.

Изобретение прядения и ткачества — достижение неолитической эпохи. Древнейшие находки тканей происходят из Чатал Гююка, слой VI. С древности и до Нового времени прядение было одним из основных занятий женщины в сфере домашнего производства и осмыслялось как таковое, причем эта идея присутствует в идеологических представлениях разных эпох и культур. Разделение труда на мужскую и женскую сферы мыслится как изначальное, общечеловеческое явление, в нем женщине отводится роль пряжи (миф об Арахне, средневековые изображения прародительницы Евы).

Сохранились этнографические свидетельства того, как пол человека определял сферу его трудовой деятельности с момента рождения: «У новорожденной девочки пуповину почти всегда перерезают на прялке или веретене, чтобы она стала искусной пряхой; у мальчика перерезают пуповину на топоре...» (Зеленин).

Прядение было распространено во всех социальных слоях, включая элиту. Елена Спартанская в «Одиссее» занимается прядением на пиру, причем описаны драгоценные «орудия труда», включая золотое веретено. Вместе с ними упоминаются волшебное снадобье, разгоняющее печаль. Таким образом, Елена предстает царицей, владелицей драгоценных вещей, причастной тайным знаниям.

Существовала связь в осознании женских функций прядения и продолжения рода, ассоциация нити пряжи с пуповиной, кровным родством (хеттск. *uaru-alan* означает «семья», «потомство»). Пряжа соотносится с нитью жизни и судьбой: три Мойры прядут нить человеческой жизни; нить Ариадны спасает жизнь Тесею. Вращение веретена осмыслялось и в космическом аспекте. Так, Платон считал устройство космоса результатом действия веретена, приводимого в движение Необходимостью — Ананке.

Свое осмысление получила тема прядения в христианской литературе. Согласно апокрифическим текстам, Дева Мария жила при Иерусалимском храме и прядла пурпурные нити для храмовой завесы, что прообразует формирование человеческой плоти Христа в ее лоне. На древнерусских иконах Богородица изображается за пряжей в сцене Благовещения в полном соответствии с этими текстами.

Связь веретена, прядения с тайными женскими знаниями также существует на протяжении длительного времени. В западноевропейском и восточнославянском фольклоре веретено играет роль волшебного предмета (сказка о Спящей красавице Ш. Перро, русские сказки о Финисте, Буренушке, Царевнелягушке, молодильных яблоках и живой воде). Веретена и прядение фигурируют и в восточнославянских заговорах от болезней.

Сакрализация труда путем изготовления символических (нефункциональных) реплик орудий из драгоценных материалов — существенная черта идеологии раннеклассовых обществ. Такие вещи визуализировали иерархическую структуру общества. Их присутствие в погребальных комплексах отражает основную цель культа мертвых — обеспечение умершим предком (вождем-жрецом, царственной жрицей) благополучия живых потомков, семьи, и шире — общины, государства.

Взаимоотношения Хеттского царства со странами Верхней Месопотамии в XIII в. до н. э.: новые источники и новые интерпретации

Взаимоотношения Хеттского царства со странами Верхней Месопотамии (Митанни/Ханигальбатом и Ассирией) были ключевыми для формирования его внешней политики на юго-восточном направлении в XIV–XIII вв. до н. э. Корпус источников по данной проблеме на рубеже 80–90-х гг. прошлого века включал, прежде всего, междуцарскую корреспонденцию (около 20 писем), а также ряд текстов иных жанров. На основе этих источников было сформулировано несколько исторических реконструкций, которые расходились между собой, прежде всего, по частным вопросам (различное размещение отдельных событий и их блоков). Что касается общей интерпретации хетто-ассирийских контактов, то было принято констатировать их антагонистический характер, причина этого обычно усматривалась в стремлении двух сторон утвердить за собой контроль над торговыми путями и ресурсами Северной Сирии и Юго-Восточной Анатолии. Ярким свидетельством хетто-ассирийской конфронтации признавались сообщения о сражении при Нихрии (письмо из Угарита RS 34.165, договор с неизвестным вассалом хеттского царя КВо 4.14), а также данные договора хеттского царя Тудхалии IV с правителем Амурру Шаушгамувой, где прямо констатируется состояние войны между двумя странами (KUB 21.1+). Общим местом стало указание на то, что ассирийская экспансия на запад при царе Адад-нерари I (1295–1264 гг. до н. э.), грозившая обернуться для хеттов вторым фронтом на восточном направлении, послужила для них толчком к заключению мира с Египтом (1270 г. до н. э.). Иногда высказывалось мнение об ассирийском факторе в падении Хеттского царства в начале XII в. до н. э.

Впоследствии, с середины 90-х гг., наступил принципиально новый этап в изучении хетто-ассирийских отношений, который длится до сих пор. Его характерным признаком стало существенное обогащение источниковой базы. В научный оборот были введены архивные документы из провинциальных центров на западе Среднеассирийской державы (Дур-Катлимму/Телль-Шейх-Хамад; Харбе / Телль-Хувера; Телль-Саби-Абьяд), иллюстрирующие контакты западных ассирийских провинций с хеттскими вассальными государствами в Сирии. Был переиздан корпус хетто-ассирийской междуцарской корреспонденции (Mora, Giorgieri 2004; Miller 2006). К анализу стали привлекать тексты из Эмара, важного вассального царства хеттов на Среднем Евфрате. Были предложены многочисленные реинтерпретации давно известных источников (например, Orlamünde 2001; Vetrograd 2002; Немировский, Александров 2007; Freu 2007). Наконец, появились чисто археологические исследования, посвященные распространению ассирийского влияния в Северной Месопотамии XIV–XIII вв. до н. э. (Tenu 2009) Привлечение в столь значительном масштабе археологических источников придает изучению хетто-ассирийских отношений по-настоящему комплексный характер.

Если суммировать данные новонайденных письменных источников, то они свидетельствуют скорее в пользу мирного характера взаимоотношений Хеттского царства и Ассирии на протяжении большей части правления ассирийского царя Тукульти-Нинурты I (1233–1197 гг. до н. э.). Таким образом, говорить о каком-либо прямом ассирийском влиянии на события, связанные с дезинтеграцией Хеттской державы, невозможно (Frey 2003). Несмотря на эпизодические всплески конфронтации (середина и конец царствования Адад-нерари I; начало и 2-я половина правления Салманасара I, 1263–1234 гг. до н. э.; непродолжительная вражда в начальные годы Тукульти-Нинурты I) на протяжении XIII в. на его финальном отрезке хетты и ассирийцы смогли достичь компромисса, который позволил обеим сторонам совместными усилиями решать общие задачи в сфере экономики и обороны.

Помимо уточнения событийной канвы новые источники способствовали выдвижению новых концепций. Одна из них, сформулированная итальянской исследовательницей К. Мора, предлагает объяснение особенностей функционирования хетто-ассирийской царской корреспонденции как особого жанра (Mora 2005a, b). Мора считает, что хеттоязычные черновики, составляющие большую часть этого корпуса, на самом деле, весьма далеки от тех посланий на аккадском, которые реально отправлялись в Ашшур. Основной аргумент исследовательницы состоит в том, что неуважительные и даже оскорбительные выражения, допускаемые хеттскими авторами по отношению к своим ассирийским адресатам, якобы находятся в вопиющем противоречии дипломатическому этикету, принятому на древнем Ближнем Востоке. Соответственно, информация о вражде с Ассирией, встречающаяся в этих черновиках, вызывает принципиальное подозрение, особенно на фоне сообщений синхронных ассирийских источников, рисующих взаимовыгодное сотрудничество двух держав. Мора заключает, что хеттские цари сознательно преувеличивали конфликтность отношений с Ассирией, рисовали ее правителей в образе врага с тем, чтобы сплотить хеттскую элиту перед лицом мифической внешней угрозы. Таким образом, хетто-ассирийская царская переписка — это не официальные документы дипломатического ведомства, а памятники государственной пропаганды. Содержащаяся в них информация должна квалифицироваться как малодостоверная. В докладе будет показано, что данная концепция Мора едва ли может быть признана убедительной.

Вместе с тем будет продемонстрировано, что помимо чисто экономического измерения хетто-ассирийские противоречия имели и идеологическую подоплеку, связанную с особой концепцией великоцарственности.

Также будет предложена историческая интерпретация ряда конкретных недавно изданных источников:

- тексты из Харбе (документы №2, 24, 25, 26, 54, 56 по изданию: Jakob 2009)
- тексты из Телль-Саби-Абьяда (Akkermanns 2006)
- тексты из Хаттусы (КВо 50.54; КВо 50.74; КВо 50.92a, b, KUB 31.6)

ЛИТЕРАТУРА:

- Немировский, Александров 2007 — Немировский А. А., Александров Б. Е. «На Солнце, отца моего, я полагаюсь»: ИВот I 34 и история Верхней Месопотамии в XIII в. до н. э. М., 2007.
- Akkermans 2006 — Akkermans P. M. M. G. The Fortress of Ili-pada. Middle Assyrian architecture at Tell Sabi Abyad, Syria // *Les espaces syro-mésopotamiens. Dimensions de l'expérience humaine au Proche-Orient ancien. Volume d'hommage offert à Jean-Claude Margueron.* Turnhout, 2006. Subartu XVII. P. 201—211.
- Bemporad 2002 — Bemporad A. Per una riattribuzione di KBo 4.14 a Šuppiluliuma II // *Anatolia Antica. Studi in memoria di Fiorella Imparati* / ed. S. de Martino, F. Pecchioli Daddi. T. 1. Firenze, 2002. Eothen 11. P. 71—86.
- Freu 2003 — Freu J. De la confrontation à l'entente cordiale: les relations assyro-hittites à la fin de l'âge du Bronze (ca. 1250–1180 av. J. C.) // *Hittite Studies in Honor of Harry A. Hoffner Jr. on the Occasion of His 65th Birthday* / eds. G. Beckman, R. Beal, G. McMahon, Winona Lake, 2003. P. 101–118.
- Freu 2007 — Freu J. La bataille de Niðriia, RS 34.165, KBo 4.14 et la correspondance assyro-hittite // *Tabularia Hethaeorum. Hethitologische Beiträge. Silvin Košak zum 65. Geburtstag* / hrsg. von D. Groddek und M. Zorman. 2007. P. 271–292.
- Jakob 2009 — Jakob S. Die mittelassyrischen Texte aus Tell Chuēra in Nordost-Syrien. Wiesbaden, 2009.
- Miller 2006 — Keilschrifttexte aus Boghazköi. Fünfzigstes Heft (Texte historischen Inhalts) / J. L. Miller. Berlin, 2006.
- Mora 2005a — Mora C. Il conflitto tra Ittiti e Assiri e le molteplici interpretazioni di un evento non narrato // *Narrare gli eventi. Atti del convegno degli orientalisti italiani in margine alla mostra «La battaglia di Qadesh»* a cura di F. Pecchioli Daddi e M. C. Guidotti. Roma, 2005. *Studia Asiana* 3. P. 245–256.
- Mora 2005b — Mora C. Grands rois, petits rois, gouvernants de second rang // *Res Antiquae*. 2005. 2. P. 309–314.
- Mora, Giorgieri 2004 — Mora C., Giorgieri M. Le lettere tra i re ittiti e i re assiri ritrovate a Dattuša. Padova, 2004. HANEM VII.
- Orlamünde 2001 — Orlamünde J. Zur Datierung und historischen Interpretation des hethitischen Orakelprotokolls KUB 5.1+ // *Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie. Würzburg, 4.–8. Oktober 1999* / hrsg. von G. Wilhelm. Wiesbaden, 2001. *StBoT* 45. S. 511–523.
- Tenu 2009 — Tenu A. L'expansion médio-assyrienne. Approche archéologique. Oxford, 2009. BAR International Series 1906.

О верблюдах в БМАК

Время появления домашних верблюдов до сих пор остается не вполне ясным. Разные авторы писали о распространении дромедаров и бактрианов из первичных очагов уже в III тыс. до н. э. (Шнирельман В.А., 1980, с.232), при этом бактрианы предшествовали дромедарам. Свидетельства запряжки бактрианов в повозки в Южной Туркмении относятся к рубежу III–II тыс. до н. э. (Масон В.М., 1976, с.42). Согласно недавним исследованиям, фигурки верблюдов из глины появляются уже в конце периода ранней бронзы, 2700–2250 гг. до н.э. (Кирчо Л.Б., 2004, с.154).

Есть мнения и о более раннем одомашнивании верблюда: на раскопках Анау как будто обнаружены останки двугорбого верблюда, датирующиеся с V тыс. до н. э. (Масон В.М., 1986, с.86).

Верблюды в подгорной полосе могли применяться в хозяйстве и с эпохи энеолита, но широко — в более позднее время (Каспаров А.К., 2006, с. 62–63).

Свидетельства использования верблюдов обнаружены и в более южных регионах. Если в Туркмении их датируют в основном начиная с IV тыс. до н. э. и все III тыс. до н. э., то в Систанском Шахри-Сохте — 2700–2600 гг. до н.э., а в Пираке II (дол. Качи) относят ко II тыс. до н. э. (J.-F.Jarrige, M.Santoni, 1979, p. 92–93).

Не требует новых доказательств общепринятое положение о том, что древние воспринимали мир через призму мифа. Животные особенно широко использовались для создания повествований и обрядов об отношениях людей между собой и окружающей их природы. При этом в их поведении и внешнем облике выделяли характерные черты, которые позволяли в образно-мифологической форме представить эти отношения. Внешний облик и мощь верблюда послужили для выражения силы, ярости. Недаром его нередко изображали с оскаленной «хищной» пастью. В представлениях народов Центральной Азии он ассоциировался с божествами, служил символом правителя.

Особенно почитаем был верблюд зороастрийцами, у которых он связывался с Вэрэтрагной и считался наиболее ценным животным среди «крупного скота» (см.: Б.А. Литвинский, И.Р. Пичилян, 1992). Верблюд ассоциировался с образами правителей (Смирнова О.И., 1987).

Новые находки в Маргиане позволили существенно удревнить представления о верблюде и обрядах с ним. Немаловажным в связи с ними представляется замечание Г.П.Снесарева: «Будет неверным связывать наличие пережитков культа верблюда с одной лишь зороастрийской религией. Гораздо больше оснований искать прототипы этих верований в древнейших религиозных представлениях народов Средней и Передней Азии, учитывая то обстоятельство, что именно на данной территории находится родина этого животного и с ними связан процесс его одомашнивания.» (Снесарев Г.П., 1969, с. 319).

О самом существовании домашних верблюдов и связанных с ними представлениях можно судить по их останкам в разнообразных контекстах и различ-

ным изображениям, которые в памятниках БМАК довольно немногочисленны и в основном однообразны. Среди последних преобладают изображения, нанесенные на печати-амулеты.

Для понимания их смысла имеют значение не одиночные, а многофигурные композиции. К ним, вероятно, следует отнести и двусторонние изображения, где находящиеся на разных сторонах фигуры скорее всего дополняют друг друга (Сарианиди В.И., 1998, р. 24). Впрочем, и такие композиции далеки от ясности даже в тех случаях, когда они передают внешне реальные, а не фантастические персонажи.

Среди образцов такого рода — печать, на одной стороне которой изображен маленький человек, возможно, мальчик, ведущий за повод верблюда, с другой — дерево с двумя ветвями и сидящими на них двумя птицами (Сарианиди В.И., 1998, 888). Изображения ведущих верблюдов людей вообще очень многочисленны (на них приходится почти половина учтенных здесь экземпляров). Так, на крестообразной подвеске из опоки (Сапаллитепе) с одной стороны — верблюд с повернутой назад головой, с другой — человек, бегущий за ним — возможное указание на то, что изображения на противоположных сторонах действительно дополняли друг друга (Аскаров А., 1977, с. 78).

Следующий экземпляр — прямоугольная хлоритовая печать. На одной ее стороне — бактриан, которого за повод ведет человек. На другой — нагой персонаж, опустившийся на одно колено, с орлиной головой, в короткой подпоясанной юбке. Он держит за хвосты двух змей, а над плечами его расположены два козла (Сарианиди В.И., 1998, 916).

Некоторое сходство с предыдущим экземпляром имеет двусторонняя печать (Сарианиди В.И., 1998, 919), на одной стороне которой изображен заштрихованный верблюд с вертикальной плетенкой перед ним, на другой — человек в юбке, также присевший на одно колено, с головой животного (?). Одна его рука направлена вверх, другая уперта в бок. Помимо неясных мелких изображений заслуживают упоминания находящиеся за ним вертикально стоящий бык и змея.

Сочетания верблюдов с крылатыми существами разнообразны, но лишь в одном случае сам верблюд показан крылатым, но без выраженных горбов (Сарианиди В.И., 1998, 958); его длинный хвост закинут вверх.

Экземпляр 1633 — на одной стороне верблюд, на другой — два разнонаправленных орла, между ними — две змеи.

Упомянем две цилиндрические печати. На одной помимо неясных изображений (1770) — бактриан, которого держит за повод человек, сидящий с поднятым коленом. За верблюдом — горбатый бык, над ним — собака.

Ритуальное, а вероятно и календарное значение подобных изображений не вызывает сомнений. На оттиске цилиндра на булле (1761) — стоящая нагая женщина с поднятыми руками, перед ней — собака, далее — бактриан. Между женщиной и собакой — фаллический символ. На основании печати — 3 орла.

Уникален фрагмент каменного амулета с Тоголока-21, выразительный несмотря на свою фрагментарность (выс. 4 см, толщ. 1 см). Среди изображений на трех плоскостях доминирующее положение занимает фигура верблюда,

изогнувшегося и предположительно кусающего свою заднюю ногу. Грива и ряд деталей проработаны рельефом. Животное явно находится в ярости, что, как и его поза, послужило основанием для предположения, что это — сохранившаяся часть изображения двух дерущихся верблюдов, подобные которым были распространены в степях в железном веке (Королькова Е.Ф., с. 91; Art..., 2003, р.374–375). Против этого высказался, в частности А.Франкфор (2005, с. 712 сл.), полагающий, что изображен один верблюд. На обороте в двух полях, разделенных плетенкой, сверху — бегущий бык и сохранившаяся часть фигуры опрокинутого им человека и три «орла» над ними. На основании — часть сцены охоты на козлов в горах, от которой сохранилась также фигура собаки, лук и две летящие стрелы.

Вещь вызвала широкий интерес, в частности, в связи с генезисом составляющих изображений, истоки которых видели в Сирии, на Ближнем Востоке в широком смысле, Мохенджо-Даро и др. Один из вопросов — случайно ли сочетание сцен? Случайность кажется маловероятной хотя бы потому, что в многочисленных зафиксированных этнографами обрядах сцены борьбы и охоты играют важную роль, будучи элементами ритуалов, происходивших в разное время хозяйственного года и в различных социальных контекстах, да и вещи БМАК нередко несут изображения обрядовых сцен.

Примечательно также изображение схематичных луков, прочерченных на сосудах, из «тайника» явно богатого, хотя и ограбленного захоронения на Гонурдепе (Сарианиди В.И., 2006, с. 171–172). Здесь в помещении 3220 найдено 2 золотых, 17 серебряных и 5 медно-бронзовых сосудов. На 5 из них изображены бактрианы, на трех над ними — предметы, чрезвычайно напоминающие луки. Эти изображения, хотя гораздо более лаконичные, чем на «амулете с верблюдом», все же находятся в пределах того же смысла — верблюд-охота. На особый характер вещей указывают драгоценный металл и исключительно высокое качество исполнения «амулета».

Известна еще одна категория вещей — обрядовые сосуды с наклепными фигурками животных, в том числе верблюдов (Сарианиди В.И., 1990, с. 7–28, 193–194; Антонова Е.В., 2004). Не исключено, что их использовали в сезонных ритуалах. Связь верблюдов с водой и плодородием, в том числе людей (Чவர் Л.А., 2006, с. 76) зафиксирована этнографами (Снесарев Г.П., 1969, с. 318). Примечательно, что бои верблюдов устраивали на Новый год (Снесарев Г.П., 1969, с. 316–317) для гадания об урожае.

Одна из основ интерпретации смысла значения образа верблюда в БМАК — находки их останков в погребениях. В раскопках В.И.Сарианиди полные костяки были обнаружены в явно элитарных погребениях, в том числе содержащих принесенных в жертву людей (погребения 3200, 3210, 3225). Количество животных — 1–2, при этом их кости встречаются и вместе с костями других животных (Сарианиди В.И., 2006, с. 164–165, 171–172, 177, 179).

Если во время этих обрядов часто готовили блюда из мелкого скота, о чем говорят находки их костей, то отдельные кости верблюдов встречаются относительно редко, что предполагает и редкость употребления их в пищу во время подобных действий (Сатаев Р.М., 2008, с. 144–145). Известны случаи находки

дения костей крупных животных в печах; однажды это была голова верблюда (Сарианиди В.И., 2004, с. 237).

Обрядово-мифологическое значение существ, очевидно, связано и с той практической ролью, которую они играли в определенные моменты истории. Не случайно изображения верблюдов распространяются в эпоху широкого развития обмена и торговли в кон. III — нач. II тыс. до н. э. от Анатолии до территории БМАК (Collon, 1987, p. 142). Верблюд — выносливое и мощное животное — служил для перевозки продуктов обмена и, по всей вероятности, был принадлежностью верхнего социального слоя. Но участием верблюдов в похоронах и поминальных обрядах социальной верхушки их роль явно не исчерпывалась.

Имеющихся данных пока недостаточно, чтобы судить более определенно о месте верблюда в образе мира носителей БМАК. Однако нет сомнений, что его образ играл в пору существования этой культуры роль, которая в дальнейшем могла обогатиться. Нет сомнений, что разнообразие изображений и материал печатей-амулетов с верблюдами соответствовали разным социальным рангам их владельцев. К сожалению, дифференцированный анализ представленного корпуса материалов и синхронизация отдельных памятников пока невозможны.

В. И. БАЛАБИНА

Миксморфизм и еще один ракурс семантики антропоморфных и зооморфных изображений у ранних европейских земледельцев

В изобразительном творчестве миксморфные персонажи фигурируют более 10 тысяч лет. В целом построение большинства их сводимо к нескольким моделям.

1 *«антропоморфная»*: фигуры, подобные людям, но с зооморфными чертами или особенностями сложения, а также животные в человеческих позах, в костюмах.

2 *«зооморфная»*: фигуре животного (птицы) придаются черты человека (полный или частичный антропоморфизм головы, частичный антропоморфизм туловища).

3 *«идеограмма»*: уподобление человеческой фигуры (или ее верхней части) парциальному изображению животного и признаки антропоморфизма на парциальных зооморфных изображениях, фигуры-перевертыши, четвероногие фигуры, у которых над головой животного присутствует еще и человеческая голова.

4 *«равнооставная фигура»*: к четвероногому туловищу приставлен полный торс человека.

В пластике древнейших европейских земледельцев большинство миксморфных персонажей соответствует *антропоморфной* или *зооморфной* моде-

лям. Известны также *идеограммы*. В рамках *антропоморфной модели* в большинстве культур (неолит — энеолит) зооморфные головы, личины, рога, уши, могут иметь женские, мужские изображения и персонажи без признаков пола. В нескольких группах артефактов выявлено образное соответствие женщине=бовину, женщине=медведице женщине=птице, мужчине=барану, мужчине=бовину. Есть и неясные пока персонажи. Хронология и география *идеограмм*, представляющих собой наиболее очевидное подобие смысловых билингв, столь же широки, но их образный ряд пока включает женщину=бовина, и человека=бовина. Миксморфизм, отвечающий *зооморфной модели*, фиксируется в неолите — среднем энеолите. Образный ряд составляют миксморфные бараны, бовины, ежи, птицы.

Большинство миксморфных образов воспроизводилось в нескольких категориях (и типах) артефактов. Поэтому сами образы допустимо понимать как *инварианты*, а их воспроизведение в виде тех или иных артефактов, в качестве *вариантов*.

Человек и бовин. В рамках *антропоморфной модели* ковши и ложки, флаконы и бутылки, а также тарные сосуды с полным или частичным зооморфизмом голов соответствуют образу женщины=бовина. Группа персонажей с чертами бовинов, выявляемая среди статуэток, включает изображения с признаками разного пола и без них, а также композицию «мать и дитя». Так выявляется смысловое поле *люди=бовины*, объединяющее все эти инварианты (женщина=бовин, мужчина=бовин, человек=бовин, мать и дитя=бовины).

В рамках *зооморфной модели* отмечался преимущественно частичный антропоморфизм голов, соотносимый с тем же смысловым полем: *люди=бовины*. Инварианту бовин=человек следуют навершия крышек, чаши, четвероногие сосуды-фигуры с отверстием спереди и в спине. Бовина=женщину изображают чаши, сосуды с отверстием в спине и статуэтки, бовина=мужчину — статуэтки и чаши.

Идеограммы тоже соотносятся со смысловым полем *люди=бовины*, (инварианты: женщина=бовин, человек=бовин).

В целом, группе инвариантов, образующих смысловое поле *люди=бовины*, следуют не менее шестнадцати групп (*вариантов*) артефактов, представленных в разных культурах. При этом частота их воспроизведения не одинакова (женщину=бовина отражает восемь вариантов, человека=бовина — пять, мужчину=бовина — три). Количество вариантов (в рамках этого смыслового поля), принадлежащее одной культуре, тоже бывало достаточно велико.

Человек и птица. В рамках *антропоморфной модели* инварианту женщина=птица соответствуют фигурки с полным или частичным орнитоморфизмом головы и сосуды с частичным орнитоморфизмом сложения. В рамках *зооморфной модели* частичный антропоморфизм сложения по-разному проявляется у фигурок и нескольких разновидностей сосудов. В одних случаях его можно соотнести с инвариантом птица=человек, в других с птицей=женщиной. На семантическую близость женского персонажа с образом птицы иногда указывают и особенности декора предметов пластики

Человек и медведь. В рамках *антропоморфной модели* по статуэткам пока можно констатировать сравнительно узкое территориально и хронологически (неолит-ранний энеолит (Старчево-Криш, Винча)) воспроизведение инварианта женщина=медведица.

Человек и баран. Об образе мужчины=барана свидетельствуют миксморфные изображения, в рамках *антропоморфной* и *зооморфной* моделей, а также одна из более поздних *идеограмм*. Данный инвариант, фигурировавший в позднем неолите — раннем энеолите, представлен четырьмя разновидностями артефактов.

Человек и еж. Отвечающие *зооморфной* модели сосуды в виде ежей, крышки от которых иногда имеют антропоморфные личины, выявлены только в одной культуре. Уточнить их образную принадлежность пока не удастся.

Перекрестные связи указывают на изоморфизм и равнозначность трех моделей построения фигур. Сопряженность их тоже не вызывает сомнений. Высокая вариативность артефактов, отмеченных миксморфизмом, и принадлежность многих из них к разным категориям не только сакрализованных, но и обиходных предметов указывает на разветвленную и многоуровневую структуру невербальной фиксации общего для ранних земледельцев культурного текста, который буквально пронизывал все их бытие и, по определению Ю.М. Лотмана, имел исключительно мнемоническое значение. Следует отметить важную особенность его функционирования: миксморфные изображения маркируют много разновидностей артефактов, но их присутствие в любой из них сравнительно низкое. Это — своего рода «проговоры», изредка проскальзывающий расширенный комментарий. Нам он позволяет выявить внутреннюю (для данной традиции) связь между зооморфными и антропоморфными образами; взаимосвязи между группами таких образов, а также семантическую, «сакрализирующую» связь между множеством артефактов, отмеченных ими.

Поскольку смысловое тождество всех *вариантов* изображений, восходящих к *общему инварианту*, очевидно, нам придется принять равнозначность женщины=птицы и птицы=женщины, женщины=бovina и bovina=женщины, и так далее. В общем же виде такие связи указывают на тождество массы соответствующих антропоморфных и зооморфных образов — в виде скульптуры, сосудов, символических украшений на разнообразных обиходных предметах. Тем самым значительно расширяются возможности анализа. Именно многоуровневое увязывание разнообразных артефактов позволяет увидеть структуру, «каркас» сопряженных понятий, весьма напоминающих те, которые этнологи выявляют в традиционных обществах.

К реконструкции истории древней Колхиды во второй половине VII в. до н. э.

В тридцать третьей книге своего энциклопедического сочинения Плиний Старший сообщает о победе колхидского царя Савлака над египетским царем Сезострисом, который имел обыкновение ежегодно запрягать в колесницу нескольких из покоренных им царей и так следовать в праздничной процессии. Здесь же рассказывается об огромных богатствах Сезостриса, состоявших, в частности, из серебряных колонн, которые в конце концов достались его победителю (Plin. NH. XXXIII. 52). Все исследователи, занимавшиеся историей древней Колхиды, проходили мимо этого свидетельства римского автора, явно считая его абсолютно фантастическим [1; 2, с. 219–272; 3, р. 145]. Однако следует ли с порога отвергать возможность существования в этом рассказе исторического зерна?

В сообщении Плиния особый интерес вызывает одна деталь, которая встречается и у других древних авторов (Diod. I. 58. 2; Luc. BC. X. 276–277): колесница с запряженными в нее покоренными царями. Эта информация поистине уникальна, так как ни один из египетских, хеттских, нововавилонских, персидских или эллинистических царей никогда не делал ничего подобного. Единственным исключением является царь Ассирии Ашшурбанапал, который в 645 г. до н. э. во время празднования Нового года запряг в ярмо своей колесницы захваченных в плен трех эламских царей — Паэ, Умманалдаша, Таммариту — и одного арабского — Уайте, и так проследовал в храм Иштар Ниневийской [4, с. 392; 5, р. 285]. О том же Ашшурбанапале известно, что среди захваченной им в Фивах добычи имелись две колонны, выполненные из сплава на основе серебра общим весом 2,5 тыс. талантов. В высоту каждая колонна достигала 6,9 м. [6, р. 23–25]. Легко заметить, что между сведениями, почерпнутыми из царских надписей Ашшурбанапала, и сообщением Плиния Старшего наблюдается поразительное сходство. Однако прежде чем утверждать, что у Плиния речь идет о победе Савлака над последним великим царем Ассирии, необходимо, во-первых, разобраться в механизме формирования египетской традиции о Сезострисе, и, во-вторых, ответить на вопрос об источниках, лежащих в основе сообщения Плиния.

Греческий читатель познакомился с египетской традицией о великом завоевателе Сезострисе благодаря Геродоту, который дополнил услышанные им в Египте рассказы своими собственными наблюдениями и умозаключениями (Hdt. II. 102–110). К последним, безусловно, относятся приводимые «отцом истории» доказательства родства между колхами и египтянами (Hdt. II. 104–105), а также присутствия Сезостриса во Фракии, Скифии и Малой Азии (Hdt. II. 103, 106). После исключения этих мест можно прийти к выводу, что еще до Геродота в египетской традиции содержались, в частности, утверждения, будто армия Сезостриса добралась до скифов и колхов. Именно упоминание двух этих народов позволяет установить время и место возникновения легенды о Сезострисе.

Начнем со скифов. А.И. Иванчик объясняет появление разбивших персов и ставших благодаря этому известными в Египте скифов в перечне покоренных Сезострисом народов стремлением фольклорной традиции продемонстрировать превосходство египетского фараона над персидским царем Дарием [7, с. 198]. Однако А.И. Иванчик не учитывает здесь того, что скифы стали известны египтянам на сто лет раньше, когда фараон Псамметих дарами и просьбами сумел предотвратить их нападение на Египет (Hdt. I. 105), поэтому необходимости датировать возникновение *всей* традиции о Сезострисе временем правления Дария I не существует. Еще более интригующим является то, какое важное место в рассказах о Сезострисе — как в повествовании Геродота, так и у других античных авторов — занимают колхи, которые не только никогда не соприкасались с египтянами, но и не могли стать им известными через посредство персов. Последнее объясняется тем, что колхи находились на периферии интересов Ахеменидов и вообще не упоминались в официальных персидских источниках.

Поэтому мы склонны предположить, что легенда о завоеваниях Сезостриса была лишь испечена в египетской печи, а заквашена в Ассирии. Благоприятные условия для возникновения этой традиции сложились в середине — второй половине VII в. до н. э., когда Египет сначала был частью мировой ассирийской державы, а затем вступил с нею в союз против Вавилона и даже приютил последнего ассирийского царя Ашшурбаллита, бежавшего на египетскую территорию с остатками двора и армии. В этой ситуации убежденности египтян в своем праве на ассирийское наследие наряду с воспоминаниями о годах унижительного чужеземного господства — по закону психологической компенсации — с неизбежностью должны были привести к формированию легенды о египетском фараоне — завоевателе всего мира, благо рассказы ассирийцев о былом величии их державы давали для этого богатейший материал. Заметим, что такое «присвоение» чужеземных завоевателей имело место в египетской традиции неоднократно [7, с. 206, прим. 65], что приводило к ее трансформации под воздействием новых реалий, порожденных персидским или греко-македонским господством.

Однако сообщение Плиния Старшего явно не зависит от египетской традиции, в которой Сезострис просто не мог потерпеть поражения, и, в конечном счете, должно восходить к рассказу самих колхов. Видимо, в этом рассказе говорилось о победе царя Савлака над могущественным противником, из образа которого местная устная традиция удержала лишь самые яркие детали — обладание несметными богатствами (серебряными колоннами) и проезд в колеснице, влекомой побежденными царями. Затем, не ранее конца V в. до н. э. эта информация попала в сочинение неизвестного греческого автора, хорошо знакомого с геродотовским логосом о Сезострисе, благодаря чему соперник Савлака и получил это имя.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что у Плиния Старшего (Plin. NH. XXXIII. 52) речь в действительности идет о победе царя Колхиды Савлака над ассирийским царем Ашшурбаналом. Это событие могло произойти не ранее 645 г. до н. э., запомнившегося современникам и потомкам проездом царя по Ниневии, и не позднее 630 г. до н. э., когда долгое правление Ашшурбаналы подошло к концу. Битва между двумя армиями могла состояться только на

территории бывшего Урарту, гибель которого по данным немецких археологов относится к середине VII в. до н. э. [8, s. 151–170]. Становится очевидным, что и продвижение вавилонских войск в 609–608 гг. до н. э. в области Урарту [9, с. 41–46] было вызвано угрозой со стороны Колхиды. Впрочем, последний сюжет заслуживает того, чтобы стать темой самостоятельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
2. Лорджпанидзе О.Д. Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989.
3. Braund D. Georgia in Antiquity: a history of Colchis and Transcaucasian Iberia (550 BC — AD 562). Oxford, 1994.
4. Якобсон В.А. Ассирийская держава. Новоассирийский период // История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 343–394.
5. Potts D.T. The archaeology of Elam: formation and transformation of an ancient Iranian state. Cambridge, 1999.
6. Aynard J.M. Le prisme du Louvre АО 19.939. P., 1957.
7. Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., 2005.
8. Kroll S. Urartu Untergang in anderer Sicht // Istanbulur Mitteilungen. 1984. Bd. 34.
9. Дьяконов И.М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ. 1981. №2.

П. В. БАШАРИН

Осетинское *wæzdan* или к вопросу о происхождении узденей

Уздени представляли собой отдельное сословие в феодальной Осетии, наряду с аладарами и простыми крестьянами. Отличительной чертой узденей, наряду с аладарами было право владения рабами и землей. В связи с отсутствием жесткого отличия между данными двумя сословиями, в некоторых местах проживания осетин различие между ними нивелировалось (например, у тагаурцев). Термин *уздени* получил распространение у прочих народов северного Кавказа (включая кумыков, ногайцев, карачаевцев и балкарцев). У различных народов его первичное значение было подвергнуто трансформации. В Дагестане узденями стали называть свободных поселян, образовавших сельские общины, живших самостоятельно или в подчинении местных властителей. В Кабарде узденями стала называться адыгская знать (*тлякотлеши*), получившая признание со стороны кабардинских князей (*ниши*). Наряду с кабардинской знатью уздени образовывали высшее сословие. С другой стороны, в той же Кабарде узденями называли также иногда служилое сословие уорков (*work*), подчиненных знати. Данный термин соотносится с арм. *āznāwar*, груз. *aznaur*, представляющими собой развитие общеиранского **ā-zāta*- “свободный”.

Кавказские народы, не знавшие феодальной системы взаимозависимости, например, чеченцы, именовали себя узденями, в значении «свободные», «равные».

Сословие узденей традиционно считается реликтом социальной системы алан. Отсутствие четких различий между узденями и аладарами у самих осетин обычно объясняется деформацией аланского общественного устройства во время монгольского завоевания. Для осетинского языка 19 в. основным значением для ирон. *wæzdan*, дигор. *wæzdon*, *wæzdon*, *jezdon*, *wæzdan* следует считать “благородный, человек благородного происхождения.”

Традиционно осетинское слово связывают с **wazda-*, **wazdana-*: хорезм. *'zdx*° “жир”, курд. *baz* “жир, сало”, заза *vazd / bazd*, гил. *vaz*, сив. *vazd*, пашт. *wāzda* (*wāzga*), пар. *γāzd*, орм. *gwезд*, йидга-мундж. *wāzd / wōzd*, язг. *wūzd*, шугн. *wūzd*, ишк. *wost*, сарык. *wāst*, сангл. *wāst*, *wōst* (ИФЛ II 264; EVSh 96; NEWP 94; ЭСКЯ 135). Возможно, сюда же относится ав. *vazdah-* “стойкость, выносливость” (в именах: *Ašavazdah-* (в греч. передаче *Ἀρτάβασδος*), *Vohvazdah-*, *Kərəsavazdah-*) (тж. ср.-перс. *vāzd*, кл. перс. *vazd*); ср. др.-инд. *vedhās-* эпитет богов и жрецов (EWA II, 582). В связи с этим, для авестийского *vazdah-* и древнеиндийского *vedhās-* иногда восстанавливается значение “жирность, упитанность” (NEWP *ibid*; EWA *ibid*).

Х. Бейли предложил значение для **wazd-* “питать”, на основе чего В.И. Абаев предложил следующее развитие: “упитанный” > “сильный” > “принадлежащий к сильному сословию” (Bailey 1960; ИЭС 3, 103-105).

Однако семантика осетинского *wæzdan* позволяет вывести его не из **wazd-*, но из **ā-zāta-* “свободный”. При подобной этимологизации возникают два вопроса фонологического характера. Во-первых, объяснение *æ* первого слога, являющегося, как правило, результатом развития не **ā*, но **a*. Во-вторых, трактовка начального *w-*, развивающегося из **w-*.

Правила осетинской фонотактики демонстрируют следующую закономерность: в двусложных и трехсложных основах основный начальный долгий гласный первого слога **ā-* передается как краткий. Например: **āp-*: *ævdīw* “демон” (< **āp-dīw* ?), *æxsærzæn* “водопад” (< **āfsārjana-* < **āp-sarjana-*) при *arf* “глубокий”, *avg* “стекло”; **ātr-*: *ærtyskæn* “щипцы для угольев” (< **āθr-uskana-*), *ærtgom* “огонь очага” (< **āθr-kahman-*), *ærtgыз* “кочегар”, *ærtīvyn* “блестеть, блистать” (< **āθr-dīp-*), *ærtxūron* “божество огня” (< **aθr-x'ar*), *ærtxūtaeg* (< **āθr-kauta-ka*) “пепел” при *art* “огонь”. Все подобные примеры демонстрируют развитие перед кластерами, одним из элементов которых является лабиальный, либо дентальный согласный. Таким образом, следует восстанавливать аланскую праформу **āztān-*, с суффиксом -*ān*. Данный суффикс зафиксирован в т.ч. в аланском как для отглагольных, так и для именных образований (например, *alān* “алан” < **arya-* согласно В.И. Абаеву).

Более сложным вопросом является объяснение начального *w-*. Его можно рассматривать как старую протезу. Закономерно протеза возникает перед **u-*. Примеров, демонстрирующих возникновение протетического *w-* перед другими начальным гласным, практически нет. Единственным примером служит спорный случай с *aryn*, “находить; рожать” / юж. *waryn*, где, согласно мнению В.А. Абаева наблюдается случай падения начального *w-* (ИЭС 1, 73–74). Довольно часто

протеза появляется в заимствованной лексике, но ряд примеров закономерно демонстрирует ее появление перед губными гласными (*wæqæz* “легкий ветерок” *aqz* “утренний или вечерний прохладный ветер” < каб. *aqəzʔ* “утренний или вечерний ветерок”, *wasyly* “какой-то хлебный злак” < груз. *asli* “полба”; ср. *wængæl* “название какой-то болезни” < груз. *onk'oli, onk'ola* “название болезни домашнего скота”, *wætær* “пастушеская стоянка с жилым помещением” < тюрк. *otar* “пастбище”, *wirag* “еврей, иудей” < груз. *uriag* “еврей”).

ЛИТЕРАТУРА:

- ИЭС — Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1–4. Л., 1958–1989.
ЭСКЯ — Цаболов Р.Л. Этимологический словарь курдского языка. Т. 1. М., 2001.
Bailey H.W. *Indagatio Indo-Iranica* // Translation of the Philological Society. 1960, 63–69.
EVSh — Morgenstierne G. *Etymological Vocabulary of the Shughni Group*. Wiesbaden, 1974.
EWA — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoiranischen*. 1–3. 1996.
IFL — Morgenstierne G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. II *Iranian Pamir Languages*. Oslo, 1938.
NEVP — Morgenstierne G. *A New Etymological Vocabulary of Pashto* / Comp. and. ed. by D.N. MacKenzie and N. Sims-Williams. Wiesbaden, 2003.

В. А. БОЛЬШАКОВ

К вопросу о роли царственных женщин эпохи Нового царства (рабочая гипотеза)

Исследование роли и статуса царственных женщин относится к приоритетным направлениям современной египтологии. Учитывая необыкновенную актуальность в исторической науке гендерных исследований в целом, понятен возросший в последние годы интерес египтологов к идеологическому обоснованию роли супруг и матерей фараонов, вопросу номинального и реального участия некоторых из них в событиях государственного масштаба. К числу наиболее сложных и дискуссионных вопросов, связанных с оценкой роли царственных женщин в Древнем Египте, относится вопрос о причинах и степени влияния ряда цариц, оставивших заметный след в истории различных династий.

Имеющиеся источники свидетельствуют о существенной значимости супруг и матерей царей с самых ранних этапов древнеегипетской истории. Известны царицы, обладавшие высоким статусом в период Раннего, Древнего и Среднего царств. Сохранившиеся источники позволяют также твердо установить, что среди них были, несомненно, влиятельные и незаурядные представительницы царского дома (Меритнейт, Хенткаус I, Анхнесмерира II, Нефрусебек).

При определении подлинной значимости некоторых царственных женщин важными критериями являются: 1. исполнение функций регентш при малолетних правителях и 2. адаптация существующей концепции царской власти для обоснования экстраординарных воцарений правительниц (Нефрусебек, Хат-

шепсут, Таусерт). По-видимому, отголоском признания за женщинами из царской семьи права на осуществление высшей власти следует рассматривать упомянутый в труде Манефона закон, будто бы принятый при царе II династии Бинотрисе¹.

Следовательно, заметная роль некоторых матерей и жен царей, выходящая за рамки возложенных на них культово-церемониальных обязанностей, была не случайностью, но исторически обусловленным древней традицией *закономерным, хотя и не стабильным* явлением.

Наиболее репрезентативной по количеству и качеству дошедших источников и наиболее показательной с точки зрения обстоятельств и закономерности возникновения представительниц царского дома является эпоха Нового царства. Именно этот период наиболее богат примерами появления влиятельных цариц, в том числе двукратным восшествием на трон супруг царя в качестве женщин-фараонов (Хатшепсут, Таусерт). Более того, к этому же времени относится уникальная попытка Хатшепсут изменить традиционную систему престолонаследия в пользу своей дочери Нефрура, и, возможно, представительниц царского дома в целом².

Особенно заметна усилившаяся роль царственных женщин в начале Нового царства, на рубеже XVII–XVIII династий. На наш взгляд, нельзя ставить под сомнение существенную государственную роль таких фигур как Тетишери, Яххотеп и особенно Яхмос-Нефертари. Причины авторитета, высокого прижизненного статуса и посмертного культа этих цариц (особенно Яххотеп и Яхмос-Нефертари) надо искать в обстоятельствах современной им эпохи, когда фиванские правители вели напряженную войну с гиксосами, итогом которой стало освобождение и объединение страны. Как и в предшествующие эпохи, царственные женщины продолжают играть важную роль в культово-церемониальной сфере, но в конкретных условиях начала Нового царства, по нашему мнению, была заложена основа для ощутимого влияния цариц на государственные дела, оказываемого, в частности, через практику регентства.

Не исключено также, что родовитые царственные женщины начала Нового царства являлись определенным гарантом династической стабильности. Вероятно, в данном случае могли иметь место сильные матриархальные тенденции, которые учитывались фиванскими правителями³. Во всяком случае можно констатировать, что до возмужания царей начала XVIII династии их матери, а после и жены, были напрямую причастны к управлению страной. Возросшее влияние царственных женщин было тогда же усилено в экономическом отношении и в сакральной сфере посредством возрожденной Яхмосом I жреческой должности «супруги бога Амона».

Таким образом, возросшая государственная роль матери и супруги царя, находившейся в почетном положении и в более древние времена, воспринималась в древнеегипетском обществе как вполне приемлемое явление. Как нам

1 Manetho. English translation by Waddell W.G. London, 1948. P. 36–37.

2 Большаков В.А. Дочь Ра Хатшепсут. М., 2009. С. 40–52.

3 Redford D.B. History and Chronology of the Eighteenth Dynasty: Seven Studies. Toronto, 1967. P. 51, 71–74.

представляется, на данном историческом фоне появление на царском троне Хатшепсут, нужно расценивать не как «узурпацию», но как закономерный результат возросших возможностей и амбиций представительниц XVIII династии.

После реакции, последовавшей после смерти Хатшепсут при Тутмосе III и Аменхотепе II, царственные женщины середины XVIII династии выступают лишь в роли супруги-матери, жрицы и манифестации богинь: то есть только в пределах кульгово-церемониальных обязанностей. Как мы полагаем, это объясняется наличием в этот период на троне успешных фараонов-воителей, реализующих функцию, наименее подходящую для имитации женщинами, даже исполняющими царские обязанности. С другой стороны, опыт Хатшепсут с адаптацией сана царя для женщины-правительницы и попыткой изменения установленного порядка престолонаследия, видимо, вызвал стремление преемников Хатшепсут не допустить вероятную конкуренцию со стороны властолюбивых представительниц царского дома.

Новый подъем персонального влияния царственных женщин, реализуемого через традиционный сакральный и социальный статус, начинается с Ти, великой супруги Аменхотепа III, и сохраняется до конца Амарнского периода (Нефертити, Меритатон и Анхесененпаатон (Анхесенамон)). В контексте идеологически обусловленного статуса матери и супруги царя государственная и кульгово-церемониальная роль Ти, Нефертити и Анхесенамон(?)⁴ является беспрецедентно значительной. Среди представительниц второй половины XVIII особенно выделяется религиозный и кульгово-церемониальный статус Нефертити, включенной в новую теологическую концепцию Эхнатона. Если активное участие и подлинный вес Нефертити в государственных делах остаются сложными дискуссионными вопросами, ее значимость в религиозной и кульгово-церемониальной сфере Амарнского времени очевидна.

О способности царственных женщин оказывать влияние на государственные дела и принимать важные решения свидетельствуют документы из Амарнского (ссылка царя Митанни Тушратты в письме к Аменхотепу IV на персональный авторитет Ти)⁵ и Богазкёйского архивов (переписка анонимной царицы с хеттским царем Суппилулиумаса I)⁶.

После возврата к прежним культам от отвергнутого амарнского солнцепоклонничества сакральный статус царственных женщин, повышенный при Эхнатоне, вернулся в традиционные рамки. Если верить сохранившимся источникам, при Рамессадах вплоть до конца эпохи Нового царства полномочия царственных женщин были ограничены ритуальными и жреческими функциями; являясь необходимым компонентом царской идеологии и земной манифестацией богинь, представительницы XIX–XX династий не имеют признаков ощу-

4 В переписке с Суппилулиумаса I имя собственное египетской царицы не указано, — вдова Тутанхамона Анхесенамон является лишь наиболее вероятной кандидатурой. Тем не менее, это не меняет существа вопроса о возможности царицы конца XVIII династии принимать решения от своего имени.

5 Moran W.L. et al. *Les Lettres d'El-Amarna. Correspondance diplomatique du Pharaon*. Paris, 1987. P. 168, 178–179, 183.

6 История Древнего Востока. Тексты и документы. М., 2002. С. 366–367.

тимого индивидуального влияния. Исключением из этого правила следует считать воцарение царицы Таусерт, последовавшей примеру Хатшепсут.

Несмотря на прославление некоторых великих супругов при Рамсесе II (и даже обожествление Нефертари в Абу-Симбеле), их культово-церемониальный статус и реальные возможности были ощутимо скромнее, чем у царственных дам конца XVIII династии (по сравнению с Ти, Нефертити). Таким образом, мы предполагаем, что в царствование Рамсеса II, отчасти наследовавшего импульс предшествующей династии,⁷ начался прогрессирующий при последующих правителях процесс нивелирования роли царственных женщин. Возможно, этот процесс был обусловлен отходом от амарнской практики с ее заметным возвеличиванием супруги царя (Нефертити) и возрождением первыми Рамессидами облика победоносного царя-воина, несовместимого с подобной практикой.

О. А. БРИЛЕВА

Свидетельства всаднического культа на Кавказе

В работах Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского особое место занимают вопросы всадничества и воинских культов (Грантовский, Раевский, 1984). Исследователи пришли к выводу, что «элементы культуры, относящиеся к конному делу, сбруе, всадничеству, некоторым типам оружия и т. п., могут указывать на иранский этнос или его влияние» (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 117). Особое внимание уделено эпохе поздней бронзы и раннего железа — времени активного продвижения ираноязычных племен в Иран (последняя четверть II — начало I тыс. до н. э.). Э.А. Грантовский, а также Г. Хюзинг, Ф. Кениг, И. Алиев и Г.А. Меликишвили считают, что отдельные группы индоарийских племен проникли в это время из степей Восточной Европы через Кавказ на территорию современного Ирана. Однако, по мнению И.М. Дьяконова, Эд. Мейера, Дж. Кэмерона, Х. Нюберга, ираноязычные племена попали в Переднюю Азию с востока, пройдя через Среднюю Азию и Иран. Клинописные источники свидетельствуют, что к IX–VII вв. до н. э. заняли иранское плато, закончив процесс перемещения.

Сегодня появились новые данные, позволяющие внести уточнения в версию о продвижении ираноязычных племен через Кавказ. Как известно, «по всему Ближнему Востоку существовал обычай почитать богов и богинь при помощи статуй» (М. Бойс. С. 45). На Кавказе следы всадничества и воинских культов нашли воплощение в бронзовой фигуративной пластике. Известна 31 бронзовая фигурка всадника.

Всадников можно условно разделить на сидящих и стоящих. Положение женщины на животном (6 экз.) отличается от мужского (25 экз.). Не всегда в животном можно увидеть лошадь. В некоторых случаях лошадь отличается вытянутыми пропорциями, в других — скорее напоминает пони, встречается животное с боль-

⁷ О супругах и дочерях Рамсеса II мы располагаем сравнительно большим количеством сведений.

шими ушами (возможно, осел), а так же баран, бык, лось, олень, лиса и сказочное животное с одним туловищем и двумя головами. Женщин изображают стоящими на сказочном животном или сидящими на лошади. Мужчин можно увидеть сидящими на лошади, пони, осле, баране, быке, олене и стоящими на лосе.

Большинство фигурок изображено сидящими на животном (28 экземпляров). Среди сидящих изображений 23 мужских и 5 женских.

Статуэтки всадниц отличаются манерой посадки. Они обнаружены на территории колхидской и зандакской культур раннего железного века. В 3 из 5 случаев женские изображения были обнаружены на территории колхидской культуры в археологических комплексах. Две из них были найдены на нижней площадке могильника Мухурча (IX в. до н. э.) (Микеладзе, 1990. Табл. XXXVI, б) и одна — в погребальной яме 4 могильника Эргета III (VII–VI вв. до н. э.) (Гамбашидзе О.С. и И.О., 2000. С. 25–26). Оставшиеся две фигурки происходят из высокогорных районов Дагестана и по ряду косвенных признаков могут быть синхронны колхидским. Следовательно, изображения всадниц встречаются на Кавказе в IX–VII вв. до н. э.

Статуэтки всадников встречаются на территории государства Урарту, Иберии, колхидской культуры, центрального и восточного варианта кобанской культуры, а так же меотской культуры. В археологических комплексах было найдено 14 из 23 фигурок. Большинство из них относится к колхидской культуре. Самая ранняя фигурка происходит из мог. Сагареджи X–VII вв. до н. э. (Менабде, 1988. С. 61–70). Две фигурки из погр. 32 мог. Борнигеле (Гамбашидзе О.С. и И.О., 1986. С. 21–27) и с. Алаверди (Джапаридзе, 1983. С. 410–411) относятся к IX–VII вв. до н. э. Еще одна фигурка из с. Сулори (Коридзе, 1965. С. 46–47) относится к VIII в. до н. э., а всадник из погр. 65 Трельского могильника (Абрамишвили, 1976. С. 23–29) относится к VIII–VII вв. до н. э., из с. Цагери (Амиранашвили, 1950. Табл. 17) — к VII–VI вв. до н. э., два всадника на «эгретках» с Бамборской поляны (Лукин, 1941. С. 66–67; Куфтин, 1948. С. 97) относятся к VI–V вв. до н. э. Всадник из погр. 15 за 1939 год мог. Брили относится к V в. до н. э. Известна также фигурка на «эгретке» из погребения «воина-жреца» из с. Нижняя Эшера IV в. до н. э. (Шамба, 1972. С. 98–112). Из центрального варианта кобанской культуры происходят два всадника на умбонovidных бляхах, найденные в Казбегском кладе VI–V вв. до н. э. (Цитланадзе, 1963. Рис. 1). Наиболее поздние фигурки всадников относятся к III в. до н. э. — III в. н. э. и связаны с сарматской культурой (Серегинский могильник, 1986 г. Курган 1, объект 12) (Каминский, Берлизов, 1987. С. 47–48). Всадники на псалях из Майкопского клада (Leskov, 2008. P. 112–117), найденные на территории меотской культуры, относятся к наиболее позднему времени и могут быть связаны с влиянием фракийского искусства (Канторович, Эрлих, 2008). Таким образом, бронзовые фигурки всадников появляются на Кавказе не раньше X в. до н. э. и продолжают бытовать вплоть до рубежа эр.

Человек, изображенный стоящим на животном, встречается редко. Такие статуэтки встречаются лишь в центральном варианте кобанской культуры и относятся к VII–VI вв. до н. э. Известно лишь 3 подобных изображения из Северной Осетии, для 2 из них известно место находки (Кобанский мог. и окрестности с. Камунта).

Таким образом, бронзовые изображения всадников появляются на Кавказе не ранее X в. до н.э. Первые статуэтки всадников найдены на территории Закавказья X–VII вв. до н.э., к VII–VI вв. они проникают на Северный Кавказ. Как известно, наиболее ранние письменные данные об иранских племенах на западе Ирана относятся к IX–VII вв. (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 111). Появление иранских племен на западе Ирана совпадает с появлением первых бронзовых статуэток всадников на территории Кавказа. Возможно, этот факт может свидетельствовать о более позднем появлении иранцев на Кавказе и их проникновении или влиянии на Кавказ уже после прихода на территорию современного Ирана через Среднюю Азию. Скорее всего, направление распространения фигурок всадников с юга на север через перевалы Большого Кавказского хребта на протяжении IX–V вв. до н.э. могут свидетельствовать об иранском влиянии.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ (МК-4153.2009.6).

О. А. ВАСИЛЬЕВА

Гибель Осириса: древнеегипетский «апокалипсис»

Тема данного доклада — восприятие смерти Осириса и изображение последствий этого события в позднеегипетских текстах. Основным источником наших исследований будет служить папирус Солт 825, относящийся к началу птолемеевского периода (*pBM 10051 ed. Derchain; pBM 10090 ed. Herbin*). Именно в них сообщается о воцарении Осириса и его гибели (*pBM 10090, page X+V, ed. Herbin*).

Важность царствования Осириса заключается в том, что от него зависит космическое равновесие, поскольку с ним связаны все природные циклы, он обеспечивает жизнедеятельность и благосостояние всей страны (*pBM 10090, page X+III, ed. Herbin*). Примечательно, что описание смерти бога будет затем выглядеть как перечисление отсутствия этих жизненно важных феноменов. Аналогичные идеи встречаются и в других поздних папирусах (*pLouvre 3079 Col.111.97–102, ed. Goyon; cf. A. Moret in: BIFAO 30, P. 733–737*).

Термины, которые употребляются в поздних и греко-римских папирусах связи с убийством Осириса, характеризуют это событие как великую катастрофу, переворот во вселенной, нарушение порядка вещей: это «великое преступление» (*kn ʕ, kn wr* (cf. *pSalt 825. XIV.9*), «несчастье, зло, разрушение» (*pJumilhac XI.1, ed. Derchain: b3gi* или *gb*, к как вар. слова *gbj*). В аналогичном контексте упоминается слово *g3w* — «недостаток, нехватка, голод» (*pLouvre 3079. Col. 110.26*), которое можно трактовать в значении «лишение», «катастрофа». «великое бедствие» — то есть как синоним выражению *kn wr*, традиционной парафразы для обозначения смерти Осириса.

Описание природной катастрофы соединяется с мотивом скорби и оплакивания. По Осирису плачет вся вселенная — верхний, нижний и подземный мир, боги, природа, смертные и духи мертвых: «*В скорби (дважды) и в плаче*

(дважды). Это произносится ночью, пока не наступил день. Совершено оплакивание (дважды). Сетование по этому поводу в небе, мука из-за этого на земле. Боги и богини, их руки лежал на их головах. Земля достигла неба, солнечный диск померк, и не поднимается, луна запаздывает не прекращая. Нижнее небо потемнело полностью, и (верхнее) небо обрушилось. Земля перевернулась, и нельзя плавать по реке. Юг, север, восток и запад — все в беспорядке. И слышно, как весь мир стонет и плачет, (...). Боги и богини, люди, духи-«аху», умершие, малые и большие животные (...) обильно проливают слезы (...) (pBM 10090, page X+VI, ed. Herbin; cf. pLouvre I.3079. col. 110.36–39, 51–52, cf. col.111.102–104; col.110.75–77). Интересно, что описание природных катаклизмов и прочих знамений, сопровождающих смерть Бога, встречается и в евангельских описаниях распятия Христа (Матф.27:51, Лк.24:44–45). В евангельском повествовании также есть и другой важный мотив: предательство Иуды происходит под покровом мрака, а в момент казни Христа наступает ночь. Гибель Осириса также происходит ночью (ТВ.20.14, ed. Hornung) , что символически означает погружение мира в первобытный мрак, существовавший до творения. Более того, из описаний папируса Солт 825 видно, что само наступление тьмы вызвано смертью бога, потому что враг Осириса — Сет — тесно связан темной (cf. pBremner-Rhind 7.1–9; cf. Plut. De Iside, 44, 368F).

Описание вселенского катаклизма в папирусе Солт сделано по известной схеме — речь идет о нарушении нормальных природных процессов, которым подвластны даже боги, это упразднение «маат» влечет за собой поворот к первобытному хаосу, к «исефет». Цель ритуала, зафиксированного в папирусе Солт, и состоит в том, чтобы восстановить потерянное космическое равновесие, постоянное функционирование природных циклов (разлив Нила, восход солнца, поддержание неба и земли на своих местах) и избежать уничтожения самих богов — то, в чем заключается, по мнению египтян, обычное течение жизни. Страх перед возвращением мира к хаосу небытия был свойствен египтянам на протяжении всей их истории, и засвидетельствован во многих источниках начиная с Текстов пирамид (например, знаменитая 175 глава «Книги мертвых»). Однако с течением времени опасение это стало одной из ярких характеристик позднеегипетской религии (Derchain Ph. Le Papyrus Salt 825 (B.M. 10051), rituel pour conservation de la vie en Égypte. Fasc. I. Bruxelles, 1965. P. 24–26). Термин «апокалипсис», «апокалиптические настроения» может употребляться применительно к египетскому мировоззрению весьма условно. Речь идет не о «конце» истории в библейском понимании, а лишь об угрозе прерывания очередного космического цикла. Согласно представлениям египтян, упорядоченный мир всегда окружен хаосом и мраком, и при неисполнении соответствующих ритуалов они могут поглотить мир. Вселенная погружается в хаос в конце каждого дня и каждого года, точно так же наступает хаос и после смерти всякого царя.

В тексте папируса Солт 825 перед нами предстает «апокалиптическая» картина, вызванная конкретным событием: насильственной смертью Осириса (pSalt 825. I.1–II.5). Осирис в данном случае предстает как олицетворение природного равновесия, что также входит и в задачу царя. Поэтому Осирис погибает именно как царь, как благой правитель (эту идею, между прочим, хорошо показал Плутарх: Plut. De Iside, 13, 356B). Можно ли рассматривать в таком случае

смерть Осириса как конец своеобразного «золотого века»? Как известно, египтяне считали «золотым веком» правление бога Ра, а конец его наступил после его удаления на небо. В то же время были распространены представления о том, что царствование Осириса было эпохой благоденствия; следовательно, с гибелью Осириса окончательно уничтожается гармонический порядок, начинается деградация и упадок (Kákosy L. Ideas about the Fallen State of the World in Egyptian Religion: Decline of the Golden Age // Studia Aegyptiaca VII. Budapest, 1981. P. 92).

Весьма примечательно, что некоторые из вышеназванных астрономических феноменов, характерных для «апокалипсиса» (в частности, лунное и солнечное затмение), встречаются в заклинаниях магических папирусов. Маги и чародеи употребляют страшные угрозы в адрес богов для того, чтобы достичь своих целей. Так, один из волшебников угрожает, что при помощи своего искусства он погрузит землю «в первобытный океан, юг станет севером и земля перевернется» (pMag.Harris VIII.3–4 (1.12–14)). Судя по всему, египтяне действительно верили в возможность исполнения подобных угроз, и они считались наиболее действенными.

Такие же магические угрозы применяются и в самом папирусе Солт. В случае несоблюдения ритуалов совершится самое страшное — небо разрушится и земля перевернется (pSalt 825. XVII.11–12). Но кара грозит и раскрывшему секрет ритуала в «Доме Жизни»: в этом случае преступник станет виной космического потрясения и того, что «Ра сгорит с богами и богинями»; ему уготована «смерть от ножа». Обнажение сокровенной тайны будет равносильно преступлению Сета, который, как известно не только убил Осириса, но и надругался над мертвым телом, расчленив его. В египетских источниках именно поэтому никогда подробно не говорилось о смерти Осириса: весь рассказ об этом сохранился в передаче греческих авторов (Plut. De Iside, 13, 356B–C).

Все вышеизложенное подтверждает, сколь велик был страх у египтян перед космическими потрясениями и показывает, что центральный эпизод осирисического мифа воспринимался как катастрофа «апокалиптического» масштаба.

Н. М. ВИНОГРАДОВА

Открытие памятников эпохи средней бронзы на юге Таджикистана

1. Южно-Таджикистанской археологической экспедицией впервые были открыты захоронения переходного периода конца среднего бронзового века и начала поздней бронзы в Хатлонской области Юго-Западного Таджикистана. Отдельные случайные находки в музеях Дангары, Хульбука и Куляба свидетельствовали, что такие памятники на территории Южного Таджикистана могут существовать, что и подтвердилось работами экспедиции в 2007–2008 гг.

2. Археологические исследования проводились в окрестностях г. Куляба на адырных лёссовых холмах, примыкающих к кишлаку Гелот. В могильнике Гелот открыты пока немногочисленные, но уникальные для Южного Таджикис-

тана погребения с археологическим материалом сапаллинской культуры раннего периода. Это металлические изделия (в том числе из золота), керамика и каменная скульптура.

3. Особый интерес представляет каменная фигурка из гипса, найденная в богатом захоронении № 2 раскопа 6 (Виноградова, Кутимов 2009, с. 102). Статуэтка изображает фигуру мужчины. Высота — 13,2 см, ширина в плечах — 8,2 см. Нижняя часть статуэтки вырезана в форме усеченного конуса. Срез — овальной формы (8х5,7 см) и он является основанием, на котором стоит скульптура. Голова фигуры округлой формы с выделенным прямым носом, подбородком и «улыбающимися» губами. Глаза большие, миндалевидной формы. Руки сложены на поясе, большие пальцы слегка подняты вверх и соприкасаются между собой. Другие пальцы сжаты в кулак. Волосы на концах собраны в косу и свернуты валиком на затылке в пучок. Судя по изображению рук, фигурка изображает мужчину в молитвенной позе (рис. 1). Статуэтка, в отличие от керамического материала, не находит прямых аналогий в бактрийско-маргианских комплексах. По стилю исполнения фигурку можно сопоставить с месопотамской пластикой раннединастического времени. Другая линия параллелей может быть проведена с Восточным Ираном (Шахдад).

4. Археологические материалы Гелота из земледельческих захоронений раннесапаллинского периода позволяют датировать их временем поздней Намазга V — ранней Намазга VI и соотнести с культурами аккадской эпохи и III династии Ура в Месопотамии, с культурами эламской эпохи в Западном Иране, с Гиссаром IIIc в Северо-Восточном Иране и Шахдад (III период) в Юго-Восточном Иране. По радиоуглеродным датировкам это время с 2300 до 1600 г. до н. э.

5. Территория Южного Таджикистана всегда рассматривалась исследователями в качестве окраины по отношению к основным центрам существования

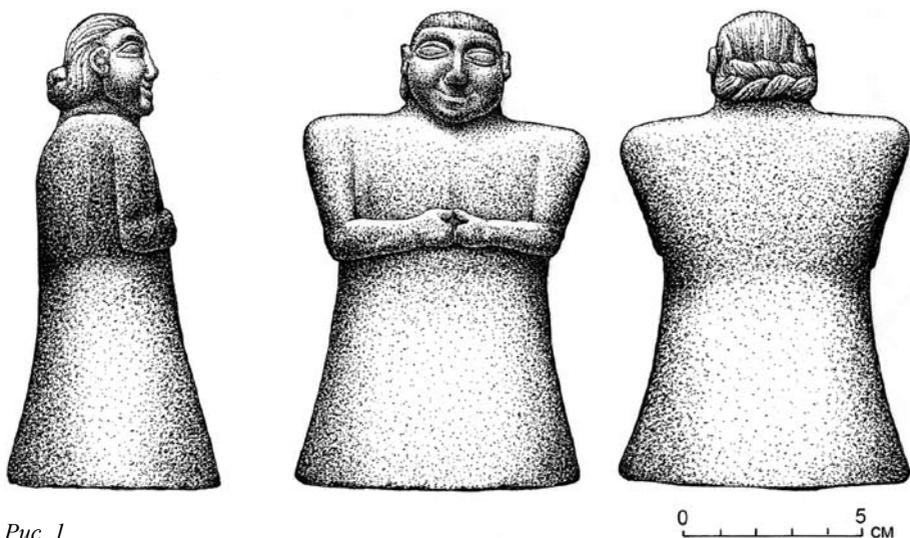

Рис. 1

цивилизации древневосточного типа. Материалы раскопок в Гелоте, особенно найденная в комплексе погребения раннесапаллинского времени каменная статуэтка, позволяют отказаться от устоявшихся в науке представлений. Новые материалы свидетельствуют о формировании здесь цивилизации, которая синтезирует в своей культуре месопотамо-эламские эталоны с местными бактрийскими традициями.

ЛИТЕРАТУРА:

Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Богатое земледельческое погребение эпохи бронзы в Гелоте // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Сб. статей к 80-летию В.М. Массона, СПб., 2009.

Г. Н. ВОЛЬНАЯ

К вопросу о происхождении бронзовых фигурок оленя из памятников раннего железного века на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа

Дмитрий Сергеевич Раевский внес значительный вклад в изучение зооморфного искусства. В частности, он отмечает, что «в предскифскую эпоху в Северном Причерноморье в равной мере не известны ни изображения человека, ни изображения животных. Не принесли с собой изобразительного искусства и иранцы, расселившиеся на рубеже II–I тысячелетий до н. э. на Иранском плато..., оно сформировалось на базе заимствования образов и иконографических схем из арсенала искусства Ближнего Востока предшествующего времени (Раевский, 1985.С.89).

Эти выводы Д.С.Раевского важно учитывать и при изучении зооморфного искусства Кавказа, в частности, кобанской культуры. Традиционно считается, что скифское искусство оказало сильное влияние на развитие зооморфного искусства Кавказа середины I тыс. до н. э. Однако так ли это?

Рассмотрим этот процесс на основе изображений фигурок оленя.

В памятниках Центрального и Северо-Восточного Кавказа раннего железного века были найдены бронзовые фигурки оленей различных типов.

Первый тип бронзовых фигурок оленей происходит из памятников Дагестана, Чечни и Хевсуретии. Высота фигурок — 90–150 мм. Моделировка туловища — цилиндрическая. Морда вытянуто-цилиндрическая, сужена к концу. Шея длинная, цилиндрическая. Выделяется нос, углублениями показаны ноздри. Глаза достаточно крупные — круглые или миндалевидные. Уши средних размеров, торчат вверх, соединены с рогами. Ствол рогов — дуговидный, отростки также дуговидные. Ноги собраны в одной точке, изображены натуралистично, переданы плюсны, копыта. Хвост цилиндрический, торчит вверх. Наиболее древние аналогии происходят из Анатолии.

Второй тип бронзовых фигурок оленей происходит из памятников Северной, Южной Осетии и Дагестана. Высота фигурок — 30–90 мм. Моделировка

туловища — цилиндрическая. Морда вытянуто-цилиндрическая, обрублена на конце. Глаза и уши в большинстве случаев отсутствуют. Рога представлены двумя параллельными прямыми ветвями с 2–4 отрезками. Туловище средних размеров. Ноги короткие, сужающиеся книзу. Хвост короткий, направлен вверх, вниз или отсутствует. На спине или шее, реже груди, в некоторых случаях наблюдаются петли. Изредка встречаются отверстия в шее. В петли вставлены цепи, особенно часто на предметах из Южной Осетии.

Эти находки имеют параллели среди керамических изображений животных из памятников предшествующего периода на территории Кавказа, для которых характерны примитивность и грубоватость изображений. Однако оленей среди керамических изображений не встречено.

Третий тип бронзовых фигурок оленей происходит из памятников Южной Осетии (ст. Казбек). Высота фигурок — 90–150 мм. Моделировка фигурок уплощено-цилиндрическая. Морда длинная, цилиндрическая, обрубленная на конце. Нос изображен двумя круглыми углублениями в торцевой части, либо круглыми налепами в верхней части. Рот открыт. Глаза представлены в виде небольших круглых налепов. Уши длинные, торчащие горизонтально. Достаточно крупные рога представлены двумя вариантами: состоящие из системы соединенных друг с другом параллельных дуг либо в виде прямого ствола с дуговидными параллельными ответвлениями. Шея длинная, цилиндрическая. Туловище уплощенное, полое внутри. Ноги уплощенные, левая и правая ноги соединены. Форма ног: прямоугольная либо с натуралистично изображенными плюснами и копытами. Маленький хвост направлен вниз. На спине имеются петли, к некоторым прикреплены цепи. Аналогии происходят из памятников Центрального Закавказья.

Четвертый тип бронзовых фигурок оленей с подогнутыми под туловище ногами и головой, направленной назад или вперед, происходит из памятников кобанской культуры Северного Кавказа (Кабардино-Балкария, Северная Осетия). Близкими аналогиями этим изображениям являются изображения ланей из Гойтинского кургана. Высота фигурок — 20–60 мм. Моделировка уплощенная либо рельефная. Голова направлена назад или вперед. Морда — удлиненная с выступающим длинным носом, с надбровным и подбородочным выступом. Глаза небольшие, круглые. Уши либо отсутствуют, либо листовидные. Рога на экземплярах, где они сохранились, — кольцевидные, изображены анфас (Кобанский могильник) либо в профиль (Верхний Аул, Кабарда). Туловище оленей представлено в виде песочных часов, либо — цилиндрическое (прямоугольное). Ноги подогнуты под живот, передние копыта в ряде случаев касаются живота. Короткий хвост опущен вниз либо отсутствует. По контуру туловища, иногда шеи и ног, проходит рифление. В ряде случаев рифление идет поперек ноги. Четвертый тип — многовариативен и появляется в VII в. до н. э.

Как видно, на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа в раннем железном веке еще до появления скифов появляются изображения оленя (I–III тип). Четвертый тип, судя по неустойчивой стилистике изображений, еще не получил законченного художественного оформления. Он имеет множество аналогий среди скифо-сибирского звериного стиля. Однако пред-

ставленные образцы все же являются произведениями местных кобанских мастеров. Об этом свидетельствует орнаментация (Центральный Кавказ, Кобанский мог., Гастон Уота) и своеобразное изображение сразу четырех ног оленя, их расположение (Верхняя Рутха), изображение рогов *en face* (Кобанский мог.). Д.С. Раевский и М.Н. Погребова отмечают, что в традиционном переднеазиатском искусстве, к кругу которого в данном случае в полной мере принадлежат и памятники Кавказа, изображенную в профиль голову оленя, как правило, венчают два расположенных вилкообразно и образующих симметричную композицию рога, развернутых *en face*. Напротив, и в Зивие, и в скифской архаике, изображен по существу, один рог (Погребова, Раевский, 1992. С. 144).

Лишь профильные изображения оленей из Верхнего Аула и Кабарды стилистически связаны с саккызским кругом памятников.

А. Н. ВОРОШИЛОВ

О серии акинаков келермесского типа

Одной из интереснейших категорий материальной культуры кочевников эпохи скифской архаики до настоящего времени остается клинковое оружие. Примечательно, что корпус акинаков стабильно и довольно интенсивно растет, пополняясь новыми интересными сериями оружия и отдельными уникальными экземплярами, что открывает перспективы для дальнейших исследований в области типологии, хронологии, генезиса и эволюции клинкового оружия скифского типа.

Именно такой серией являются акинаки объединенные нами в *келермесский тип*. Свое название этот тип клинкового оружия получил по наименованию эталонной формы перекрестья, введенному еще Е.В. Черненко (1980, с. 11). Рассматриваемая серия акинаков представлена достаточно монолитной в морфологическом и конструкционном отношении группой парадных и «рядовых» акинаков, что и позволило выделить ее в отдельный тип с присущим только ему набором признаков: «келермесский» тип перекрестья; брусковидное навершие; железная петля под навершием, в виде отдельной детали-обоймы (у парадных мечей выполнена из золотой проволоки и имеет иную схему крепления); трехсекторного сечения стержень рукояти; клинок с параллельными лезвиями.

Обозначенному комплексу критериев соответствуют около двух десятков известных нам экземпляров оружия из различных лесостепных регионов: Кавказ, Поднепровье, Подонье. В первых двух регионах акинаки обнаружены преимущественно в погребальных комплексах, оружие из которых, как правило, имеет удовлетворительную сохранность, позволяющую определить тип, но почти ничего не говорящую о конструкции.

В этом отношении показательна группа мечей келермесского типа, происходящих из лесостепного Подонья и сопредельных территорий, где синхронные памятники неизвестны (Ворошилов, 2008). Все эти акинаки (8 экз.) являются случайными находками великолепной сохранности, что позволяет рассмотреть

не только их морфологию, но и сделать некоторые выводы относительно приемов их изготовления, которые в целом соответствуют основным принципам, характерным для раннескифского клинкового оружия (Белозор, Скорый, 1985, с. 255). Итак, клинок и основание рукояти ковались из одной заготовки с изготовлением центрального ребра на рукояти. Затем прямоугольными заготовками охватывались края плоской рукояти так, что получались боковые валики, которые тщательным образом проковывались (в итоге получался трехсекторный в сечении стержень рукояти). В заготовке наверху пробивалось отверстие, после чего оно насаживалось на шип в конце рукояти и проковывалось для плотного соединения. Отдельно наваривались и парные пластины перекрестья, после чего и оно подвергалось тщательной проковке. Места стыка деталей почти незаметны, что свидетельствует о качественной работе и высоком профессионализме мастеров-оружейников. Такой способ изготовления и оформления рукоятей зафиксирован и на Центральном Кавказе у большинства железных акинаков, найденных в комплексах Тлийского могильника. Это наводит на мысль о кавказском происхождении рассматриваемого типа клинкового оружия эпохи скифской архаики. Кроме того, помимо почти идентичной морфологии, метрические показатели некоторых экземпляров практически совпадают, что возможно свидетельствует об их изготовлении в одной мастерской.

Датировать акинаки келермесского типа видится возможным по образцам из погребальных комплексов. Это уже упоминавшиеся кинжалы из Тлийского могильника (Техов, 1980), часть которых подверглась специальному изучению в контексте техники и технологии их производства (Вознесенская, 1975). Указанные погребения относятся к VII в. до н. э., однако столь широкая, для рассматриваемой серии оружия, датировка может быть значительно сужена при обращении к материалам Мельгуновского и Келермесского комплексов, из которых происходят парадные мечи интересующей нас серии (Черненко, 1980; Галанина, 1997). Не останавливаясь на описании столь известных находок, отметим, что морфологически они крайне близки друг другу, а так же рядовым акинакам данного типа. При этом сохранность железных частей парадных акинаков оставляет желать лучшего (у обоих разрушены и утрачены клинки, сильно повреждены коррозией рукояти), однако благодаря покрытию из листового золота форма отдельных деталей мечей и некоторые особенности их конструкции реконструируются. Все это позволяет применить их достаточно хорошо разработанную датировку ко всему типу. В настоящее время традиционная дата Келермесских курганов, значительно удревнена (Алексеев, 2003, с. 103). Эти комплексы, определяющие для «келермесского» периода, датируются, в первую очередь по находкам передневосточного происхождения, не позже середины — третьей четверти VII в. до н. э. (Иванчик, 2001, с. 282). Аналогичное оружие известно также, хотя и в значительно меньшем количестве, в погребальных комплексах Поднепровья, что впрочем, не противоречит выдвинутой гипотезе об изготовлении рассматриваемой группы акинаков в кавказских мастерских. Примером может служить меч из кургана №6 у с. Яснозорье (Ковпаненко и др., 1994, с. 52–60), дата которого сейчас удревнена до середины — второй половины VII в. до н. э. (Скорый, 2003, с. 35). Судя по всему, именно этим временем следует датировать акинаки келермесского типа.

ЛИТЕРАТУРА:

- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб, 2003.
- Белозор В.П., Скорый С.А. Архаический скифский меч из Киева // СА. 1985. № 1.
- Вознесенская Г.А. Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.
- Ворошилов А.Н. Случайные находки архаических акинаков как источник по истории лесостепного Подонья в раннескифскую эпоху // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. СПб, 2008.
- Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.
- Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. Киев, 1994.
- Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003.
- Техов Б.В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII–VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

А. Е. ДЕМИДЧИК

К политической истории древнеегипетской Гераклеопольской монархии

Подробную политическую историю древнеегипетской Гераклеопольской монархии IX–X манефоновских династий (2202/1992–2017/2007 гг. до н.э.) написать пока невозможно. Известны — с разной степенью достоверности — лишь немногие её эпизоды¹. Тем ценнее подготовленная Э. Эделем недавняя публикация надписи из гробницы Сетика (*Sty-k3(=i); rn=f nfr ii-šm3i*) вблизи Элефантины (Куббет эль-Хауа 110)². Упоминание податей, отправляемых в «Дом Хети», однозначно датирует этот текст гераклеопольским временем. Как будет показано в другой публикации, надпись могла быть сделана при четвертом — шестом гераклеопольских государях, что примерно соответствует первым пяти десятилетиям фиванской XI династии, соперничавшей с Гераклеополистами.

Перевод части надписи с восстановлениями Э. Эделя: «Я поднялся (по Нилу) до Элефантины в I верхнеегипетском номе (*T3-sti 3bw*) и нашел подати-*gīt*, пришедшие из Иама, равно как и всякие вещи, пришедшие из Меджа [...]

1 Современное состояние проблемы см.: Демидчик А.Е. Безымянная пирамида. СПб., 2005; он же. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. Дисс... докт. ист. наук. СПб., 2007.

2 *Edel E. Die Felsgräbernekropole der Qubbet el-Hawa bei Assuan. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2008. S. 1743–58, 1811–1813, Abb. 21–23. f-d, Tf. 81, 82.* Благодарю И. В. Богданова, переславшего мне из Парижа собственную транслитерацию и перевод надписи до того как у меня появилась её фотография.

Были мне принесены мирра из Библа, золото и металл-*bi3* из земли бога (*t3-ntr*); были принесены ладан иамский и эбеновое дерево из Утенет [...] из [...павианов] из [...], и мартышек из Зачу. Я затем послал (это) в Дом Хети, а его порученец, который дошел благополучно, он принес мне золото и метал-*bi3*, одежды и гроб, причем не было противостоявшего ему. Затем (домоправитель) *Wh3(w)*³ спустился ко мне с ним (т. е. с гробом), а жрец-чтец записал про все случившееся и список этих податей-*git* [...]». Надпись позволяет сделать сразу несколько важных для истории гераклеопольского времени выводов.

1. Вплоть до открытого военного конфликта с фиванским государем Уаханхом Инийотефом гераклеопольские цари признавались суверенами Египта в самых южных областях страны вплоть до нубийской границы. Выказывавшиеся за рубежом сомнения на сей счет безосновательны. Примечательна и «столичная» должность Сетика «наставник жрецов» пирамиды Пепи II (*shd hm.w-ntr (mr) Nfr-k3-r^c-mn-^cnh*).

2. К моменту военного конфликта с Уаханхом Инийотефом Гераклеопольская монархия сохраняла или восстановила широкие международные связи, сопоставимые с периодом VI династии. Показательно прямое упоминание о поставках из Библа, а равно слова о доставленном из столицы гробе, сделанном, вероятно, из ливанского кедра. В предшествующей египетской письменности Библ упомянут единожды только на исходе VI династии — видимо, в период самых тесных связей с финикийским побережьем⁴. Свидетельствует надпись Сетика и об определенном влиянии правителей I верхнеегипетского нома к югу от первого порога. А судя по тому, что эти правители считали должным направлять подати в «Дом Хети», они действовали прежде всего в качестве чиновников гераклеопольских царей. На это же указывает эпитет Сетика «рука Воссиявшего в Нубии (т. е. царя)» на восточной стене гробницы.

3. Титул Сетика «наставник жрецов» пирамиды Пепи II подтверждает, что Гераклеополиты поддерживали поминальные культы правителей Старого царства⁵. Сохраняли они по возможности и староегипетские обычаи государственной жизни. Посмертное награждение правителя далекой области кедровым гробом, присланным от царя из столицы, о чем сообщается и на стеле из Нага-эд-Дейр, ранее известно от времени Пепи II.

4. Однако в административно-политическом устройстве Гераклеопольской монархии имелись важные новшества. Слово сочетание «Дом Хети» в данном случае, как и на стеле Каирского музея № 3/6/25/1, обозначает доменные

³ Слово *wh3* может быть понято и как «рабочий каменоломен», что особенно правдоподобно при сравнении с «Поучением царю Мерикара» Р. 77–78. И.В. Богданов, однако, любезно указал, что в недоступных мне пока разделах публикации гробницы Сетика упоминается «друг единственный, домоправитель *Wh3(w)*» (*Edel E. Op. cit. S.1761, Taf.84*). Предположение И.В. Богданова, что именно он мог доставить гроб в гробницу Сетика, выглядит предпочтительнее.

⁴ Причем также в Куббет-эль-Хауа! См.: Urk. I, 140.13-141.3; *Шэхаб Эль-Дин Т. М.* Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV-VIII династий. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 1993. С. 290, 291; ср.: *Berlev O. The Title to a Kingdom // GM. 1995. Нт. 149. S. 33–40.*

⁵ В этой связи также см.: *Daoud Kh. A. Corpus of the Inscriptions of the Heracleopolitan Period from the Memphite Necropolis. Oxford, 2005.*

владения Гераклеополитов, простиравшиеся к северу от XV верхнеегипетского нома. Области к югу от него обычно находились в непосредственном управлении «номархов».

5. Составитель надписи гордится тем, что никто не воспрепятствовал доставке даров царя в I ном. Косвенным образом это указывает на реальность угрозы нарушения царской воли главами областей. Конкретно же могли иметься в виду правитель II и III номов Анхтифи и, конечно, первые фиванские государи.

6. Упоминания надписи о поставках из Библа перекликаются с «Поучением царю Мерикара», Р. 82–83. А о названных дважды податях-*git* из I верхнеегипетского нома в «Поучении», Р. 75–76, сказано: «Тебе будет хорошо вместе с южной стороной, ибо к тебе смогут придти носильщики податей-*g3wt* с приношениями». Надпись в гробнице Сетика — еще один веский аргумент в пользу датировки «Поучения» рубежом правления IX–X династий и царствованием фиванца Уаханха Инийотефа.

7. До публикации надписи самый ранний случай упоминания «земли бога» был известен от царствования фиванца Санхкара Ментухотепа. В 2005 автор тезисов указал, что данное понятие должно было сложиться еще при Гераклеополитах⁶. Теперь эта догадка подтвердилась.

И. Ю. ДЕМИЧЕВА

Предметы коропластики: терракотовые статуэтки майя Классического периода как исторический источник

Результаты работы коропластов всегда представляли высокую ценность для археологического анализа исследуемых культур. При этом терракотовые статуэтки являются богатым и интересным историческим источником. Тому подтверждение многочисленные исследовательские работы, посвященные данной проблематике. К сожалению, исследованию терракотовых статуэток майя Классического периода долгое время не уделялось должного внимания. Они, как правило, рассматривались лишь в контексте с другими археологическими материалами, полученными в результате раскопок.

Анализ терракотового материала в качестве самостоятельного, а не вспомогательного источника позволяет существенно расширить наши представления о майя I тыс. н. э. В ходе проведения археологических работ терракоты обнаруживались, как в культурном слое (сюда же входят и относящиеся к культурному слою такие объекты, как жилища, помойные ямы, мастерские по производству статуэток и т. д.), так и в погребальных комплексах. Отсюда очевидна закономерность степени сохранности предметов коропластики. Процент извлеченных из археологического слоя целых терракотовых статуэток значительно ниже, чем выявленных в погребениях. Несмотря на это информация, полученная при

⁶ См. *Демидчик*. Безымянная пирамида. С. 174–178.

характеристике терракот, представляет высокую ценность для реконструкции многих сфер деятельности майяского общества Классического периода.

Все терракоты можно разделить на три большие группы: антропоморфные (наиболее многочисленные), зооморфные, и смешанные, включающие антропо-зооморфные, а также статуэтки монстров. Значительная часть из них является высокохудожественными изделиями, выполненными на высоком техническом уровне.

Анализ терракоты представляется наиболее перспективным при исследовании и реконструкции религиозно-культурной и обрядовой стороны жизни майя. Само наличие терракот в погребениях и погребальных комплексах свидетельствует об их религиозно-культурной функции. В большинстве случаев статуэтки размещались между скрещенными руками погребенного или на их уровне. Часто изображение на статуэтке соответствовало статусу, а иногда и рангу погребенного человека (воин-воину и т.п.). По всей видимости существовал и достаточно распространенный культ предков.

Такой важный элемент культуры как музыка занимал значительное место в майяском обществе. Достаточно много терракот представляют собой свистки и свистульки. Некоторые терракоты являются декоративным элементом флейт. Кроме того, многообразные музыкальные инструменты представлены в антропоморфных изображениях терракотовых статуэтках. В руках музыканты могли держать духовые, ударные, шумовые музыкальные инструменты. Среди них четко можно выделить разные типы. Широкая вариация инструментов подтверждается изображениями подобных инструментов на расписной керамике и фресках.

Производство терракот осуществлялось как в рамках общины, так и профессиональными мастерами. И те, и другие были ориентированы на своего потребителя. Причем в это время существовал активный товарообмен не только на уровне местных рынков, но и в пределах различных регионов. Данный факт подтверждается находками на территории полуострова Юкатан терракот, произведенных на острове Хайна.

Наличие региональных стилистических особенностей прослеживается и в производстве. Так стиль острова Хайна сильно отличаются от стиля городища Алтарь де Сакрифисьос. Несмотря на ряд отличительных особенностей, все терракоты Классического периода обладали рядом общих черт.

Подавляющая часть терракот производилась вручную. Однако иногда при их изготовлении использовались формы, после чего изделия дорабатывались вручную. Большая часть изготовленных статуэток была полностью или частично полыми внутри. Часто для декорирования использовали различные красители.

Антропоморфные изображения отражают своеобразие социальной стратификации майяского общества. Точно и досконально воспроизведены образы правителей, светской знати, жреческой верхушки, воинов, ткачей, музыкантов, игроков в мяч, танцоров, рядовых представителей общины и рабов, стоявших вне социальной структуры. Люди изображались как за профессиональными занятиями, так и в процессе отдыха и развлечений. Можно проследить неко-

торые особенности гендерных отношений. Присутствуют статуэтки молодых и разновозрастных пар в любовных позах.

Для большей части антропоморфных терракот характерна динамика и высокая эмоциональность изображаемых персонажей, обладающих различным темпераментом и выражающих широкую гамму чувств.

Отражены и особенности быта майя. Представлено многообразие предметов домашнего обихода и изображений людей за повседневными занятиями. Например, статуэтки мужчин или женщин с глиняной посудой в руках, продуктами питания и т.п. В руках женщины иногда держали маленьких детей, что свидетельствует об их прямой обязанности, занятии воспитанием подрастающего поколения.

Терракоты дают возможность характеризовать некоторые антропологические особенности: степени деформации черепа, татуировки, скарификация. Если для анализа деформаций черепа статуэтки являются дополнительным источником, то по татуировкам и скарификации одним из основных, так как в других источниках информация о них фрагментарна и разрозненна.

Зооморфные изображения позволяют «воссоздать» животный мир майя. Представлены разные виды млекопитающих, земноводных, рептилий, птиц. Многие из них высоко почитались у майя. Ряд животных и птиц являлись воплощением богов (например, ягуар). Часть млекопитающих и птиц потреблялись в пищу (пекари, кролик), некоторые использовались как домашние животные.

Таким образом, комплексное изучение терракотовых статуэток майя Классического периода как самостоятельного исторического источника позволяет существенно расширить представления об особенностях духовного и социально-экономического развития майяского общества 300–900 гг. н. э.

О. И. ЗУБОВА

254-е речение Текстов пирамид и 622-е речение Текстов ковчегов с точки зрения трансляции древнеегипетского религиозного текста

Соотношение Текстов пирамид и Текстов ковчегов (саркофагов) в последнее время всё больше привлекает внимание египтологов. Особый интерес вызывает происхождение текстов, их специфика, проявление в их языке и содержании местного своеобразия. Поэтому весьма важным представляется изучение этих текстов не только во всей доступной ныне их полноте, но и отдельных речений и фрагментов, которые встречаются как в Текстах пирамид, так и в Текстах ковчегов.

254-е речение РТ, сохранившееся в наиболее ранней записи на стенах гробницы царя Унаса (ок. 2353–2323 до н.э.), было повторено в гробнице царя Тети (2323–2291 до н.э.) и, через несколько столетий, было воспроизведено в эпоху Среднего Царства как в формах идентичных этому речению, так и в вариантах, от него отличающихся.

РТ 254 рассматривается в докладе главным образом в сопоставлении речением 622-м Текстов ковчегов (СТ), записанном на внешней стороне деревянного гроба высокопоставленной дамы Джхути-нахт из некрополя Эль-Берше (*B3Bo*). Основное внимание уделяется сравнению смыслового содержания этих текстов, что позволяет судить о той предельной (эсхатологической) задаче, которые эти тексты перед собой ставили: достижение вечности или посредством овладения божественным престолом царем-Хором или благодаря беспрепятственному получению жертв обладательницей ковчега.

Сопоставление РТ 254 и СТ 622 даёт возможность поставить вопрос о развитии заупокойного обряда в эпоху Среднего Царства в тех их общих элементах, которые, по всей видимости, уходят в догосударственное и доисторическое прошлое Египта.

А. И. ИВАНЧИК

К вопросу о языковой ситуации в эллинистической Бактрии: новые данные из Тахт-и Сангина

В докладе рассматриваются надписи на греческом языке первой половины II в. до н. э., обнаруженные в ходе недавних раскопок на Тахт-и Сангине (храм Окса). Одна из них нанесена на большую известняковую чашу. Остальные находятся на глиняных формах для отливки бронзовых котлов, которые производились на месте для посвящения в святилище (одна сохранилась полностью, две во фрагментах). Надписи дают новую информацию о языковой ситуации в Бактрии в конце существования Греко-Бактрийского царства и, в частности, показывают, что сфера применения греческого языка в это время сужалась, а число владевших им людей уменьшалось. Надписи отражают и первые попытки письменной фиксации бактрийского языка. Палеография надписей на формах показывают, что тот специфический вариант греческого курсива («квадратные» буквы), на основе которого было создано бактрийское письмо, уже существовал в первой половине II в. до н. э. Это позволяет предположить более раннее создание бактрийского письма, чем это обычно предполагается.

Находка бронзовых элементов управления быками (носовых колец) в 2009 г. и проблема передневосточных связей майкопской культуры Северного Кавказа

Летом-осенью 2009 г. Ставропольская экспедиция кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (при участии сотрудников Института археологии РАН и ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края) осуществила раскопки кургана №1 могильника «Марьинская-5» в Кировском районе Ставропольского края. Курган находился на правой, высокой террасе р. Куры близ станицы Марьинской, к северо-западу от шоссе «Новопавловск-Марьинская», близ административной границы Ставропольского края и Республики Кабардино-Балкария. Курган имел высоту 4,3 м, диаметр около 50 м и представлял собой сложную конструкцию, состоявшую из трех последовательно перекрывавших друг друга концентрических насыпей, каждая из которых была обложена по основанию и выше по склону панцирем из плотно уложенных галечных камней. Курган содержал 1 центральную погребальную конструкцию с тремя последовательными захоронениями майкопской культуры, а также 31 впускное погребение. Впускные погребения были совершены в раннебронзовую, среднебронзовую и позднебронзовую эпохи, а также в раннем железном веке.

В одном из впускных погребений (погребение 25), помещенном в юго-западном секторе кургана недалеко от центральной погребальной конструкции и нарушившем край нижнего панциря, были найдены два параллельно уложенные черепа особой крупного рогатого скота, в носовой части каждой из которых было обнаружено бронзовое петлеобразное изделие с выступающими стержневидными концами. Эти петлеобразные предметы имеют орнаментированные окончания, а на участке пересечения их стержней прослежены тонкие кожаные (?) ремешки. Размеры первого изделия: длина всего стержня, из которого сделана вещь 29,5 см, диаметр 0,4–0,45 см, размеры петли наружные 6,4x4,8 см, внутренние 5,4x3,4 см, общая ширина обмотанной ремешками части 2,7 см. Размеры второго изделия: длина всего стержня, из которого сделана вещь 29,5 см, диаметр 0,4–0,45 см, размеры петли наружные 5,2x5,2 см, внутренние 4,5x3,7 см, общая ширина обмотанной ремешками части 2,9 см.

Изделия такого рода характерны именно для памятников майкопской культуры, или майкопско-новосвободненской культурной общности, по терминологии С.Н. Корневского (Корневский, 2004, с.46), на III и IV стадиях ее развития (Rezerkin, 2000, abb. 6), на территории как Северо-Западного, так и Центрального Предкавказья. Они крайне немногочисленны и до настоящего времени не были обнаружены в качестве очевидных приспособлений для управления быками или какими-либо иными животными. В литературе существует мнение, что данные предметы — псалии (отмечалась, в частности, их обязательная парность) или, во всяком случае, некие элементы конской упряжи (Мунчаев, 1973, с. 71–72). На основании параллелей в переднеазиатской иконографии предлага-

лись и иные интерпретации этих предметов — как исключительно культовых объектов или инсигний власти (Трифонов, 1987, с.21–23, рис. 1), либо как элементов санной упряжки или волокуши, что не исключает и их сакрального значения (Кореневский, 1992, с.64; Кореневский, 2004, с.46).

Находка данных предметов *in situ* в носовой части черепа особой крупного рогатого скота, как представляется, позволяет решить вопрос об их непосредственном назначении в зоне майкопской культуры, но не исключает их символической и, специально культовой роли, учитывая, во-первых, обычай помещать их в погребения как таковые и, во-вторых, находку этих изделий в специальных деревянных емкостях в кургане Венцы (погребение 3/4) (Кореневский, 2004, с.46, рис.56, 13).

Остальными компонентами погребального инвентаря погребения 25 кургана №1 могильника «Марьинская-5» являются два бронзовых черенковых дуэлевидных ножа-кинжала, золотая литая серьга или височная подвеска, фрагментированный керамический сосуд с орнаментом в виде каннелюр и костяной стержень круглого сечения с подрезом по кругу. Данный погребальный инвентарь, учитывая также вышеупомянутые бычьи носовые кольца, наряду с особенностями погребальной конструкции и погребального обряда позволяет однозначно отнести данный комплекс к майкопской культуре. При этом один из упомянутых ножей-кинжалов находит ближайшую аналогию в ножах из близлежащих подкурганых погребений круга выявленного С.Н. Кореневским долинского варианта майкопско-новосвободненской общности — в могильниках Чегем I, к. 5, п. 2, п. 3 (Бетров, Нагоев, 1984, рис.13, 10–12; Кореневский, 1981, с.275; Кореневский, 2004, рис.80, 7), и Кишпек 1975, к. 1, п. 2 (Чеченов, 1984, с. 164–173). По типологии С.Н. Кореневского, данный нож-кинжал относится к варианту 2в (Кореневский, 2004, с. 43). Памятники долинского варианта майкопско-новосвободненской общности расположены в бассейне Терека и в районе Кавказских Минеральных вод, — в частности, богатое погребение этого варианта было раскопано авторами данного доклада в 2007 г. на расстоянии около 1 км от описываемого кургана (Kantorovič, Maslov, 2008). По калиброванным датам памятники долинского варианта относятся ко второй половине IV тыс. до н. э., но, весьма вероятно, они существовали вплоть до рубежа IV–III тыс. до н. э. (Кореневский 2004, с. 68, 69).

В контексте надежно установленных параллелей и связей между майкопской культурой и культурами Месопотамии (керамическая традиция, художественный стиль и др. — см. Андреева, 1977, 1979), следует допустить, что данная находка бычьих носовых колец может стать косвенным основанием и для интерпретации в качестве символов быка аналогичных предметов, изображаемых в руках ряда шумеро-аккадских божественных персонажей, тематически связанных с крупным рогатым скотом — Инанны/Иштар («Царица ночи» на известном Burney relief), ее супруга-пастуха Думмузи, а также, возможно, Шамаша. Как известно, первые два божества часто изображаются увенчанными бычьими рогами, причем для Инанны или близкого ей женского персонажа такие рога фиксируются уже на знаменитой Урукской вазе IV тыс. до н. э., что позволило Е.В. Антоновой усматривать здесь символическое отождествление этого центрального женского персонажа с коровой (Антонова, 1998, с. 146, 202).

ЛИТЕРАТУРА:

- Андреева М.В., 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. № 1.
- Андреева М.В., 1979. О изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. № 1.
- Антонова Е.В., 1998. Месопотамия на пути к первым государствам. М.
- Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем 1, Чегем 2 и Кишпек // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972 — 1979 гг. Т.1. Нальчик.
- Корневский С.Н., 1981. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА. № 1.
- Корневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.
- Корневский С.Н., 2008. Современные проблемы изучения Майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.
- Мунчаев Р.М., 1973. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Северном Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Трифонов В.А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей. КСИА, вып. 192.
- Чеченов И.М., 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем 2 // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972 — 1979 гг. Т.1. Нальчик.
- Kantorovič A.R., Maslov V.E., 2008. Eine reiche Bestattung der Majkop-Kultur im Kurgan nahe der stanica Mar'inskaja, rajon Kirov, kraj Stavropol' // Eurasia Antiqua. Band 14.
- Rezepkin A., 2000. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Archäologie in Eurasien. Bd.10.

К. Ф. КАРЛОВА

Солярный аспект в «Сетовом имени» эпохи II династии (на материале памятников Перибсена)

В данном докладе автор хотел бы затронуть тему, сравнительно мало рассматривающуюся в египтологии — «Сетово» имя Перибсена и обоснование его власти в связи с культом Сета. Новаторство фараона II династии Перибсена заключалось в смене привычного изображения над серехом сокола-Хора на изображение животного бога Сета, ранее над серехами не встречавшееся (Эмери 2001: 116).

Эта замена явилась событием во многом исключительным, но вряд ли идущим вопреки религиозной традиции, сложившейся в египетском обществе на раннединастическом этапе. Точно определить истоки такой переориентации пока вряд ли возможно, но ясно, что она должна была быть связана с восприятием Сета как чрезвычайно важного и сильного бога, парного Хору (Эмери. Ук. соч. С. 135). Весьма вероятно, что такое его положение было связано с его исконным почитанием в Нагаде, которое, вне зависимости от исхода борьбы египетских политий на раннем этапе, сохранило свое значение (Wilkinson 1999: 31).

В этой связи для нас важно усиление в образе Сета его аспекта покровительства царю и приобретение им при этом определенных солярных черт, обосновывающих право Перибсена на власть. В связи с этим для нас будут важны несколько источников времени правления Перибсена. Два из них — надписи

на каменных сосудах с изображением солнечного диска над животным Сета (Kaplony, Steingefasse... 69 ff; IAF III. 302). Эти источники чрезвычайно важны как указания на непосредственную связь Сета с солнцем, что особенно заслуживает внимания ввиду противостояния культов Хора и Сета на раннем этапе египетской истории (Griffiths 1960: 138). С одной стороны, появление в этой композиции солнечного диска утверждает, по-видимому, что Сет тождествен солнцу по своей природе; с другой стороны, по аналогии с «Хоровым именем» (Большаков 2000: 75–77), помещение этой композиции над серехом утверждает присутствие обозначенного ею солнечного божества в царе. В обычном «Хоровом имени» такое подчеркивание «солнечной природы» Хора не требовалось, так как она ясно вытекала из его качеств бога неба и находящегося в нем солнечного диска. По-видимому, композицию, совмещающую изображения животного Сета и солнечного диска, можно понять как особый прием, переносящий на Сета «солнечную природу», свойственную изначально в связи с царским именем Хору. Понятно, что имя Перибсена, выписанное с данной композицией, переносило и на него «солнечную природу» обозначаемого ею божества: это делалось более явно, чем в традиционном «Хоровом имени», и утверждало сакральный статус Перибсена вне зависимости от объема его реальной власти в Египте (как известно, его памятники локализируются только в южной части страны). Перенос качеств Хора на Сета в связи с обоснованием власти Перибсена мы видим, очевидно, и на еще одном редком оттиске его печати: здесь над серехом помещено миксаморфное существо, совмещающее в себе голову животного Сета и тело сокола, под которым подразумевается Хор (Kaplony, IAF III. 290). Такое изображение может подразумевать два мотива: с одной стороны, выражать сознательное перенесение качеств Хора и его «прерогатив» как бога царского имени на Сета, что было необходимо для обоснования власти Перибсена; с другой — возрождать традицию равного почитания Хора и Сета, существовавшую в додинастическое время, когда Хор и Сет — бог Нагады — «делили» власть над Египтом (Wilkinson 1999: 32). Именно независимость Сета, как бога-покровителя одной из частей Египта, могла использоваться в обосновании власти Перибсена.

Подтверждением этих предположений может служить еще один источник — цилиндрическая печать Перибсена, содержащая одно из самых ранних изображений картуша, в который заключено царское имя (Milano, Civiche Raccolte archeologiche e Numismatiche inv. RAN 997.02.01; не опубликована; <http://xoomer.virgilio.it/francescoraf/hesyra/pribsn.htm>). Согласно общепринятому мнению, картуш стал постоянным атрибутом царского имени с рубежа III и IV династий (время Хуни и Снофру: von Beckerath 1999: 28; [Берлев-]Шэхаб эль-Дин 1993: 97); однако памятники показывают, что его первое появление датируется гораздо более ранним временем — уже эпохой II династии. Картуши обрамляют имена пятого царя II династии — Сенедя (бронзовая статуэтка Berlin 8433 — поздняя, но с характерно архаизирующим написанием имени) и следующих за ним Неферкасокара (Kaplony, Rollsiegel... II. Pl.1) и, как мы видели, Перибсена. На раннединастическом этапе употребление картуша не стало постоянным; однако важность этого события, являющего собой новую веху в развитии царской титулатуры, трудно переоценить. Картуш с символикой «светила,

ежедневно совершающего суточный “круг») символизирует «солнечную природу» того, чье имя в него заключено ([Берлев-]Шэхаб эль-Дин 1993: 87–88). Его появление при Перибсене хорошо согласуется с другими памятниками, показывающими перенесение на Сета как бога его имени (а следовательно и на самого царя) качеств Хора и в особенности его «солнечной» природы. Это показывает, как важно было для Перибсена при обосновании своей власти в связи с Сетом оттенить в его образе солнечный и небесный аспекты.

Таким образом, рассмотренный период позволяет сделать вывод об относительном равенстве Хора и Сета в религии и идеологии на том этапе, когда Хор на время оказался замещен Сетом. Это подтверждает предположение о том, что их культы могли быть в это время одинаково сильны и почитаемы. Как известно, после смерти Перибсена Сет не окажется забыт. Хасехемуи, заключительный правитель II династии будет последним, кто включит имя Сета в царскую титулатуру, образуя, таким образом, «Хорово-Сетово» имя (Kaplony, IÄF. 160ff).

А. А. КЛЕЙМЕНОВ

Олонештский клад как материальное свидетельство македонского военного присутствия в Северо-Западном Причерноморье в IV в. до н. э.

Судьбоносный Восточный поход войск Александра Македонского и борьба диадохов за раздел его державы достаточно широко отражены в историографии, однако его целостная научная картина не создана. В связи с этим большое значение имеет соотнесение скудных письменных сведений о периферийных военных предприятиях второй половины IV в. до н. э. с археологическим материалом.

В 1958 году у молдавского села Олонешты был обнаружен клад, включавший в себя 6 бронзовых античных шлемов, 6 пар бронзовых кнемид, бронзовый шестилампный светильник культового назначения, бронзовую подвеску с растительным орнаментом и часть бронзовой пластинки с изображением Афины. Характер предметов и шрифт надписи на одной из кнемид позволили отнести клад ко второй половине IV в. до н. э. Его материал нуждается в подробном анализе с учетом современных данных об особенностях античного защитного снаряжения в обозначенную эпоху.

Прежде всего, следует определить возможность связи клада со скифами или гетами, населявшими регион в данный период. Некоторые из элементов защитного снаряжения имеют явные следы ремонта, не меняющего их внешний облик и функциональные особенности. Для скифов же было свойственно подвергать античные элементы защитной экипировки переделке, приспособлявая к своей манере ведения боя. В первую очередь видоизменялся шлем, у которого удалялись нащечники и назатыльник. На олонештском материале эта тенденция не прослеживается. Нелепым и нецелесообразным со скифской точки зрения было бы и дополнительное увеличение боковой поверхности кнемид,

имеющееся на одном экземпляре, входящем в составклада. Отсутствуют какие-либо типично скифские элементы воинского снаряжения. Равное количество найденных шлемов и пар кнемид наталкивает на вывод, что они были частью экипировки шести тяжеловооруженных воинов. Это не соответствует нашим представлениям о воинском снаряжении гетов — следующих претендентов на авторство в созданииклада. Как известно, шлемы и кнемиды античного производства в IV в. до н. э. использовались гетами не слишком часто. Маловероятно, чтобы шесть гетских воинов использовали и греческий шлем, и греческие кнемиды каждый. Вклад не входят предметы непосредственно гетского происхождения. Обнаруженный культовый светильник имеет следы длительного использования, починки и реставрации, причем его использование, судя по скопленению нагара, продолжалось вплоть до захоронения. Для авторовклада светильник представлял особую, очевидно, сакральную ценность. Они стремились по возможности сберечь его, расположив вкладе под шлемом. Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, чтоклад сокрыли не скифы или геты, а представители античной военной традиции.

Из найденных шлемов два относятся к фригийскому типу, широко распространенному в македонской армии эпохи Александра. Первый по своим морфологическим характеристикам сходен со шлемом, прикрывающем голову македонского всадника, изображенного на рельефе из Пеллины и шлемами, изображенными на «Саркофаге Александра» из Сидона. Второй шлем фригийского типа аналогичен шлему в «македонском стиле», изображенному на надгробии IV в. до н. э. из Элевсина. Более информативен другой шлем из Олонештскогоклада, форма которого является комбинированной, сочетающей загнутый верх фригийского и нижнюю часть беотийского типов, с характерными для последнего согнутыми складками широкими полями. Беотийский тип шлема был особенно распространен в македонской кавалерии. С внешней стороны шлема имеются следы припайки серебром какого-то, возможно, золотого, несохранившегося украшения. Исходя из типологии шлема и места расположения следов припоя, можно заключить, что утраченное украшение представляло собой веночек из драгоценного металла, который македоняне иногда крепили к шлемам беотийского типа как знак различия или символ доблести. Перед сокрытиемклада веночек был или сорван из-за его материальной ценности и символической значимости, или утерян в бою. В нижней части поля шлема имеется отверстие для крепления подшлемника.

Два других обнаруженных шлема, датированные первой половиной IV века до н. э., относятся к халкидскому типу. Шлемы этого типа получили широкое распространение как у самих греков, так и у многих соседних народов. Не вызывает сомнения, что некоторые представители македонской армии были экипированы шлемами этого типа.

Бронзовые кнемиды, обнаруженные в составеклада, относятся к анатомическому типу, об использовании которых македонянами в IV в. до н. э. свидетельствует находка в гробнице № 2 в Вергине.

Итак, Олонештскийклад включает в себя преимущественно элементы воинской экипировки, относящиеся ко второй половине IV в. до н. э. Сравнительный анализ предметов позволяет идентифицировать их владельцев как

представителей македонской армии, которые, судя по следам повреждений на шлемах, участвовали в ожесточенных боевых действиях.

Первым потенциальным автором клада по праву может считаться армия Зопириона. Мнение об их возможной связи возникло с момента введения материала клада в научный оборот, а в дальнейшем не раз поддерживалось. Предполагаемый маршрут следования войск Зопириона вполне совпадает с районом обнаружения клада, сокрытого на правом берегу Днестра, поблизости от места, удобного для форсирования реки, а временной отрезок, в течение которого мог быть сокрыт клад, совпадает с существующими на данный день мнениями о времени похода Зопириона, который относят к 332–330 гг. до н.э.

Авторами Олонештского клада называют также представителей войска Лисимаха, который в 293–291 гг. до н.э. совершил поход против гетского царя Дромихета. Характер материала не позволяет полностью отмести эту версию, но местонахождение клада у переправы через Днестр делает более предпочтительной версию о его создании представителями армии Зопириона, продвинувшимися гораздо дальше на север, чем диадох, который так до Днестра и не дошел.

В.Б. КОВАЛЕВСКАЯ

Доместикация и использование коня в Евразии в V–III тыс. до н.э.¹

Проблема времени и места доместикации коня полвека назад казалась значительно более определенной, чем сегодня. Тогда открытия археологов на Украине, на Волге, Урале и в Казахстане «конеvodческих» племен IV–III тыс. до н.э. (по традиционным датам) и изучение крупнейшими отечественными палеозоологами остеологических материалов из ранних неолитических поселений и могильников свидетельствовали в пользу того, что лошадь уже была одомашнена в это время в восточноевропейских степях. Далее этой теории были нанесены серьезные удары — возрастной состав лошадей, которые шли в пищу в неолитическом поселении Деревка, по исследованиям М. Левин говорил за то, что это были дикие, а не домашние лошади. Археологи предложили доказательства того, что те костяные и роговые предметы, которые в средне-стоговской культуре ранее считали псалями, по данным трассологии скорее использовались для плетения сетей, хотя остается возможность считать их полифункциональными. Разработка американскими исследователями Д. Энтони и Д. Браун методики определения использования коня под верх или в упряжку на основании потертости зубов удилами, тоже подверглась критике со стороны М. Левин. Самый основной довод сторонников ранней доместикации — находка культового захоронения крупного коня и собаки, на упомянутом поселении Деревка, со следами изношенности от удил на зубах коня, после датировки естественнонаучными методами костей оказалась моложе, относясь к железному веку.

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ проект 09-01-00098.

Но со временем количество доводов в пользу одомашнивания коня в евразийских степях в эпоху нео- и энеолита и ранней бронзы увеличилось, расширился спектр доказательных статистических способов анализа массива информации остеологического материала.

Результатом обработки остеологических материалов неолита/энеолита Поволжья и Предуралья И.Е. Кузьминой и А.Г. Петренко явилось обоснование точки зрения о первичном приручении и одомашнивании коня в конце VI—V тыс. до н. э. в степях Восточной Европы. Предками этих лошадей указанные исследователи считают среднеплейстоценовых широкопалых лошадей Поволжья, доживших до голоцена в центре Русской равнины. Из современных лошадей к ним близки казахские. Н. Бенеке, изучая в Центральной Германии остеологические коллекции лошадей 3300–2700 гг. до н. э. (по калиброванным датам), по целому комплексу признаков считая их домашними, полагает, что они были импортированы из Восточной Европы и явились основой для развития местного коневодства Центральной Германии и восточной Баварии при использовании, наряду с привозными домашними, местных диких лошадей, отличающихся меньшей массивностью.

Именно в Восточно-Европейской степной и лесостепной зонах сложилось общество с производящим хозяйством и освоением коня не только как мясного, но как верхового и вьючного животного, используемого для конных охот, быстрых передвижений, постепенного освоения окружающего пространства и в качестве символа элитарности. Впервые были созданы средства обуздания коня, намордник, безтреньзельная и треньзельная уздечка из сыромятной кожи, которые специфичны и оптимальны и указывают на самостоятельный и длительный путь развития средств управления конем (выделены 6 типов — намордников, недоузdkов и уздечек по материалам конеголовых скипетров). Использование намордника или капсуля с опущенным нахрапным ремнем (типы 1–4) — это способ обуздания коня. Именно этот способ управления конем наилучшим образом отражает тот общеиндоевропейский термин, который связан с первыми шагами приручения коня и активной с ним связью. Это древнеиндийское «укрошает», «приручает», «принуждает», осетинское «укрошать», «изнурять» и только у Гомера «объезжать» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, т. II, с. 483). Намордник и низко опущенный нахрапный ремень являются средствами «укрошения», «принуждения» и «изнурения» лошади на пути к ее использованию человеком для работы — перевозки тяжестей на спине и верховой езды.

На протяжении V—III тыс. до н. э. наблюдается постепенное увеличение ареала домашних лошадей из Поволжья на запад (Нижнее Подунавье, Центральная Европа вплоть до Скандинавии, Британии и Ирландии по данным Н. Бенеке, на юг — через Северный Кавказ в Закавказье до Армянского нагорья по данным С.Межлумян). Несмотря на то, что в последнее время свидетельства наличия одомашнированных лошадей на Ближнем Востоке хронологически достигли начала III тыс. до н. э. (Анатолия, Южные Балканы, Сирия, Месопотамия, Иран), у нас нет достаточных оснований, чтобы уверенно сказать, были ли лошади одомашнированы на месте (например, на Армянском нагорье, в Восточной Анатолии или в Иране), или были приведены в одомашнированном виде. Труднее сказать о типе лошадей III тыс. до н. э. по изображениям (они слишком

схематичны) и описаниям этого времени (мифо-эпическим), но мы можем вернуться к ним ретроспективно, опираясь на иконографию и остеологию лошадей II–I тыс. до н. э., когда в источниках и изображениях имеются свидетельства о лошадях разных пород.

Изучение генетики лошадей в самое последнее время показало, что в современной популяции домашних лошадей выделяется 77 самостоятельных женских линий, следовательно, на протяжении того времени, в течение которого была одомашнена лошадь, неоднократно приливалась кровь диких лошадей, что определяет разнообразие современных пород домашних лошадей.

Г. Ю. КОЛГАНОВА

«8» дворцов Ашшурнацирапала II в Кальху

В стеле, посвященной торжественному открытию новой царской резиденции, Ашшурнацирапал II (879 г. до н. э.) сообщает о постройке 8 дворцов (8 É.GAL.MEŠ a-na mu-šab LUGAL-ti-ia a-na mul-ta-'u-ti EN-ti-ia ina qé-rib-ša...) в Кальху, а перечисляет «поименно» только 7: É.GAL GIŠ.TÚG.MEŠ É.GAL GIŠ meš-kan-ni É.GAL GIŠ e-re-ni É.GAL GIŠ šur-mé-ni É.GAL GIŠ bu-uṭ-ni É.GAL GIŠ tar-pi-'i É.GAL GIŠ me-eḫ-ri (Iraç 14 33:25). В других текстах времени правления Ашшурнацирапала II и позже ни разу больше не встречается упоминание «8» построенных им дворцов, что служит, по всеобщему мнению, доказательством ошибки резчика стелы, просто неправильно посчитавшего общее количество упомянутых пород деревьев, давших «имена» дворцам. Встречается, однако, почти идентичный перечень «имен» дворцов, в котором несколько изменена их последовательность и произведена замена É.GAL GIŠ me-eḫ-ri на É.GAL GIŠ dar-ra-ni. Интересно, что при описании царского парка GIŠ me-eḫ-ri и GIŠ dar-ra-ni упоминаются рядом друг с другом. С одной стороны, соблазн предположить, что и *Juniperus drupacea*, произрастающий в Сирии, должен был бы входить в полный перечень дворцов Ашшурнацирапала II, велик. Это позволило бы не считать «8» случайной ошибкой. С другой стороны, перечисление именно 7 пород деревьев, использованных при строительстве царской резиденции в Кальху, позволяет нам говорить не столько о сознательном подражании Ашшурнацирапалом II стилю своего великого предшественника Тиглатпаласара I (1114–1076 г. до н. э.), прежде всего описаниям работ последнего в г. Ашшуре, сколько о едва ли случайном совпадении с гораздо более древним клинописным текстом. В надписи на статуе Б Гудеа из Лагаша (кон. XXII в. до н. э.) упомянуты именно 7 пород деревьев, использовавшихся при строительстве храма Нингирсу ([giš.er]en...[giš]TÚG...giš za-ba-lum giš ù-suḫ...giš tu-lu-ub-um...giš esi...giš ḫa-lu-úb). Нет никаких сомнений в не случайности и символичности числа 7 в случае с текстом Гудеи. Вполне возможно предположить, учитывая серьезную писцовую активность г. Ашшура, направленную на собирание, хранение и копирование клинописных документов, что Ашшурнацирапалу II был известен текст надписи Гудеи.

Гёбекли Тепе — неординарный археологический памятник Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита: к вопросу об интерпретации

ГТ, стационарные раскопки которого проводятся невдалеке от г. Шанлиурфы (Юго-Восточной Турция) с 1995 г. силами немецко-турецкой экспедиции, сильно выбивается из ряда всех известных поселений раннего неолита на Ближнем Востоке, даже если рассматривать его в сопоставлении с такими крупными и замечательными во многих отношениях памятниками как Иерихон, Бейда, Айн Гхасаль или Чейеню Тепеси. Памятник расположен в горах на высоте 800 м над уровнем соседней долины Харран. Доминирующее топографическое положение, удаленность ГТ от источников воды и производственного сырья, а также поразительная концентрация искусно созданных мегалитических объектов архитектуры и скульптуры при полном отсутствии остатков обычной домашней жизнедеятельности продемонстрировали исследователям исключительный характер этого места. ГТ — большой тель с несколькими вершинами и впадинами между ними. Высота холмов достигает 15 м. Подобный встреченному на ГТ архитектурный и изобразительный материал эпохи докерамического неолита известен в Северной Месопотамии по раскопкам Чейеню Тепеси, Жерф эль-Ахмара, Джадды, Телль 'Абра 3, Немрика 9, Невали Чори и некоторых других теллей, однако происходит он оттуда в гораздо меньшем масштабе, локализуясь на отдельных участках названных поселений (Корниенко, 2006; Kornienko, 2009). Пытаясь определить роль и место ГТ среди одновременных ему памятников, авторы раскопок высказали предположение о функционировании его в качестве межплеменного культового центра округа, действовавшего на протяжении многих поколений (Schmidt, 1998, 2001). Дальнейшие, широкомасштабно развернувшиеся работы подтвердили первоначальную гипотезу, и, более того, превзойдя все ожидания, дали новые совершенно неожиданные направления в изучении раннего неолита на Ближнем Востоке.

Уровни III и II ГТ отнесены, соответственно, к периодам PPNA (9600–8800 гг. до н.э., даты калибр.) и E/MPPNB (8800–8000 гг. до н.э.). Наиболее монументальные и выразительные материалы происходят из древнейшего слоя III. Основной раскоп ГТ заложен в районе понижения, находящегося в южной части телля. Там исследуются четыре больших круглопланных сооружения А-Д с внутренним диаметром от 10 до 20 м. Внешний диаметр сооружений, в отдельных случаях состоящих из нескольких концентрически располагающихся круговых стен, достигает 30 м. Характерными признаками конструкций являются два стоящих в центре мощных Т-образных столба (более 3–5 м высоты), окруженных примыкающими к стене и часто вмурованными в каменную скамью, проходящую по периметру всего помещения, несколькими подобными, однако значительно меньшими столбами. Очевидно, что ранние святилища ГТ представляли собой не ограниченные крышей помещения, но

специфичные сакральные пространства, образованные повторяющимися элементами — Т-образными, сделанными из известняка столбами, которые устанавливались кругом и были соединены каменными стенами. Причем этот «сакральный круг» не всегда по настоящему круглый, а может варьироваться от овального или полигонального до квадратного (Schmidt, 2008). Многие столбы сооружений А-D несут на себе искусно выполненные рельефы и горельефы, изображающие различных животных. Часто такие фигуры объединены в сложные смысловые композиции и покрывают всю поверхность стел. На одном из обломков, а также *in situ* на столбе 43 в Сооружении D фиксируются антропоморфные изображения (Schmidt, 2007, s. 264). По своему значению рельефы ГТ, несомненно, представляют бесценный иконографический источник для реконструкции раннеолитического общества, его ритуального и мифологического мира. Помимо антропо- и, в большинстве случаев, зооморфных картин стелы ГТ несут на себе рельефы различного типа повторяющихся абстрактных знаков. Весьма выразительны примеры последовательного расположения в ряд подобных символов вместе с миниатюрно выполненными рельефами фигурок животных и насекомых на центральном поле передней стороны стержня Т-образных столбов (столбы 18, 30, 33). К.Шмидт, руководитель раскопок и автор многих публикаций о ГТ, исходя из контекста, полагает возможным применять к таким расположенным в ряд одинакового размера символам термин «неолитические иероглифы», понимая слово греческого происхождения «иероглиф» буквально как «сакральный знак». При этом он отмечает, что фонетического прочтения данного «шрифта» ожидать не стоит (Schmidt, 2006: 221–225). Надо признать, что подобная тщательно выполненная рельефно на камне последовательность символов с большой вероятностью давала своему осведомленному современнику эпохи неолита хорошо считываемое послание, которое в настоящее время с трудом поддается «дешифровке». До раскопок ГТ оформленные подобным образом стелы РPN известны не были.

Помимо сооружений А-D к древнейшему слою относятся также обнаруженные поблизости от ГТ в горах рельефные изображения, каменоломни, «мастерская скульптора» и т.н. «Скальный храм»/Сооружение Е. Постройки слоя II, как правило, демонстрируют уже прямоугольную планировку, содержат меньше рельефов и скульптурных объектов, среди которых преобладают теперь антропоморфные изображения. Но главный символ слоя III, Т-образный столб, присутствует и в этих помещениях, имея, правда, высоту 1–2 м. Наиболее интересным из всех раскопанных строений слоя II является «Здание с львиными стелами» (Schmidt, 2006: 228–240). С 2003 г. в ГТ проводятся геофизические исследования. Они подтвердили, что не только зона раскопок на южном склоне и в юго-восточном холме, но вся площадь ГТ (приблизительно 9 га) скрывает в себе круглопланные сооружения из камня. Составленная карта показывает не менее 20 таких строений. В целом предполагается открытие более 200 мегалитических стел, многие из которых будут покрыты рельефами (Schmidt, 2006: 226).

В 2006 г. на немецком языке вышла монография К.Шмидта «Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологи-

ческие открытия в Гёбекли Тепе» как обобщение промежуточных результатов работ на этом неординарном памятнике (Schmidt, 2006). Книга трижды переиздавалась в Германии. Опубликованы ее турецкий и польский варианты, планируется издание в России. В готовящейся ВДИ к печати рецензии нами дан обзор этой работы и высказаны некоторые размышления по теме. Из спорных заключений К.Шмидта относительно интерпретации материалов ГТ здесь хотелось бы обратить внимание на два. Первое — на основании полного отсутствия среди анализировавшихся остатков археофлоры и археофауны экземпляров с признаками доместикиции автор раскопок делает вывод о том, что строителями этого центра были исключительно племена охотников и собирателей (Schmidt, 2006: 90). Следует, однако, напомнить, что степень проявления характерных признаков от начала до окончания процессов доместикиции и культивации различна. Выразительность их для конкретных видов растений и животных и для конкретных ступеней указанных процессов далеко не идентична. Соответственно, резко различны и возможности их определения. Определение начальных ступеней процессов доместикиции и культивации на основании морфологических или каких-либо иных показателей практически невозможно. Поэтому говорить о создателях Гёбекли Тепе категорично лишь как об охотниках и собирателях, при опоре только на палеозоологические и палеоботанические данные, на наш взгляд, не вполне обосновано. Надо продолжать комплексные исследования в этом направлении. Есть вероятность, что люди времен PPNA-MPPNB, участвовавшие в сооружении построек Гёбекли Тепе, уже предпринимали попытки доместикиции и культивации некоторых видов животных и растений. Второе не вполне убедительное, на наш взгляд, заключение К.Шмидта — о посвящении сооружений ГТ культу мертвых (Schmidt, 2006: 138–140). Ни одного захоронения на памятнике пока выявлено не было. Зато неоднократно встречены скульптурные и рельефные изображения фаллосов, итифаллических протом. Известен весьма выразительный процарапанный на плите, лежавшей рядом с центральными столбами в Здании с львиными стелами, рисунок сидящей на корточках обнаженной женщины с гипертрофированными половыми органами. Такие данные, как и некоторые другие материалы памятника, не соотносятся с базовым предположением Шмидта о том, что ГТ посвящен исключительно культу мертвых. Судя по представляемым свидетельствам, осуществлявшиеся здесь культовые практики были гораздо шире поклонения мёртвым и, помимо прочего, включали в себя обряды, способствовавшие рождению и плодородию в широком смысле этих понятий. Они должны были обеспечивать развитие и процветание совершавших их коллективов, а также будущих поколений, что, естественно, в значительной степени зависело от непрерывности связей между живыми и умершими родственниками, но в целом было направлено на поддержание настоящего и будущего благополучия обслуживающих этот ритуальный центр племен.

Генезис архитектуры «храма с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум

Эллинистический период был временем возрождения в Бактрии храмовой архитектуры, отсутствовавшей там после гибели цивилизации Окса (БМАК). В связи с этим особый интерес представляют вопросы генезиса эллинистической храмовой архитектуры Бактрии.

Всего в настоящее время известны три бактрийских святилища, которые с уверенностью можно датировать периодом эллинизма — «храм с уступчатыми нишами» и «храм за стенами города» в Ай-Ханум (совр. северный Афганистан) и храм Окса в Тахти-Сангине (совр. южный Таджикистан). Особый интерес представляет «храм с уступчатыми нишами», раскопанный Ай-Ханумской экспедицией Французской археологической миссии в Афганистане под руководством П. Бернара в течение сезонов 1968 и 1969 гг. Уже в предварительных отчетах, посвященных этим сезонам, П. Бернар отметил неожиданное сходство данного храма с памятниками ближневосточной архитектуры.

По мнению этого исследователя, храм был основан в последней четверти IV или начале III в. до н. э. Первоначально он представлял собой в плане квадрат, внутри имелись всего два прямоугольных помещения равного размера, одно из которых имело выход наружу, снабженный парадной лестницей. В 1-й пол. III в. до н. э. храм был перестроен, в результате чего его планировка усложнилась. На месте удаленного от входа прямоугольного помещения появились центральное помещение меньшего размера и две вытянутых комнаты по бокам от него. Судя по наличию остатков культовой статуи в центральном помещении и обилию ценных предметов в боковых узких комнатах, центральное помещение было целлой, а боковые комнаты — сокровищницами храма. Снаружи здание было украшено нишами с поднимающимися в них ложными лестницами, которые и послужили основой для названия храма, данного ему археологами.

Уже в отчете за 1968 г. П. Бернар обратил внимание на разительное сходство «храма с уступчатыми нишами» с храмом Аполлона и Артемиды, храмом Атаргатис (оба — 40–32 гг. до н. э.) и храмом Адониса (150–160 гг. н. э.) в Дура-Эвропос. Действительно, храм Аполлона и Артемиды также включал в себя обширный пронаос, расположенную позади него целлу и две сокровищницы по бокам от целлы. То же можно сказать о храме Атаргатис, а храм Адониса отличается лишь наличием у него дополнительного коридора позади целлы и сокровищниц.

Однако более поздняя датировка этих храмов заставляет предположить, что эллинистические бактрийские строители подражали не им, а их более раннему прототипу или прототипам. П. Бернар первоначально утверждал, что такими прототипами были нововавилонские храмы Нинмах, Гулы и Мардука в Вавилоне, большой храм в Кише и храма Набу в Борсиппе. Из более поздних примеров развития той же архитектурной традиции он привел святилища Ану и Антум (или, как его иногда называют, Ану-Антум) и Иштар и Нанайи в Уруке,

а также т. н. храм А в Ашшуре. Датировка последнего уже после выхода отчетов П. Бернара была изменена специалистами с парфянской на нововавилонскую.

Храм А в Ашшуре имел подквадратную форму и делился внутри на пронаос и целлу, приблизительно равные по размерам. По нашему мнению, его планировка демонстрирует сходство с наиболее ранней, но не с более поздней планировкой «храма с уступчатыми нишами» и не может пролить свет на происхождение последней. Что касается остальных названных П. Бернаром месопотамских храмов, то они обладают очень сложной планировкой, включают в себя десятки помещений, а их дворы являются внутренними. Все это, с нашей точки зрения, делает их весьма непохожими на храмы в Ай-Ханум и Дура-Эвропос, обладавшими простой и четкой планировкой, а также наружными дворами, опоясывавшими храмовые здания.

Позднее, в своем докладе на Археологическом конгрессе 1988 г. в Берлине, П. Бернар отказался от версии о ближневосточном происхождении архитектуры «храма с уступчатыми нишами». В этом докладе он не упоминает более древние месопотамские храмы, а пишет лишь о сходстве с храмами Дура-Эвропос, однако утверждает, что более поздняя датировка и значительная географическая удаленность этих последних от Бактрии заставляет признать сходство между ними и «храмом с уступчатыми нишами» случайным. По мнению П. Бернара, в действительности архитектура ай-ханумского храма восходит к местным, среднеазиатским образцам, которые, как он пишет, «еще предстоит открыть». Тем не менее, такие образцы не были найдены до сих пор, что заставляет признать данную точку зрения несколько умозрительной.

Нам представляется, что на Ближнем Востоке все же известен ряд храмов, одновременно более древних, чем «храм с уступчатыми нишами» или современных ему и не менее схожих с ним, чем храмы Дура-Эвропос. В частности, храм в Лахише на юге Палестины, предположительно датируемый эллинистическим периодом, состоит из широкого пронаоса, за которым следует более узкая целла, фланкированная по сторонам двумя помещениями. Правда, в отличие от Ай-Ханум, фланкирующие помещения не сообщаются с целлой напрямую. Одно из них сообщается с пронаосом, другое — с вытянутым помещением, тянущимся сбоку на всю длину храма. Это последнее помещение, тем не менее, вполне можно сопоставить с дополнительным задним коридором в храме Адониса в Дура-Эвропос.

Еще более яркие примеры сходства с ай-ханумским храмом мы найдем, если обратимся к доэллинистическим памятникам сиро-палестинского региона (к которому с можно отнести и Дура-Эвропос, находившийся на границе древней Сирии и Месопотамии). Храм в Бет-Шеане на севере Палестины (XIII в. до н. э.) состоит из обширного пронаоса, свод которого опирался на две колонны, и следующей за ним целлы, в которой сохранился постамент для статуи. По бокам от целлы располагались небольшие комнаты; специалист по палестинской архитектуре М. Отгоссон полагает, что последние использовались в качестве хранилищ. В иудейском городе Мицпа к северу от Иерусалима два храма, датируемые началом I тыс. до н. э., имеют прямоугольную планировку и делятся на широкий пронаос и три более узких помещения позади него. В раннем арамейс-

ком центре Сам'аль (юго-запад совр. Турции) дворцово-храмовое здание — т. н. «хилани II» — также датирующееся началом I тыс. до н. э., включало в себя зал типа пронаоса, за которым следовал другой обширный зал, а по бокам от этого последнего располагались узкие помещения меньших размеров.

Таким образом, мы видим, что тип храма с пронаосом, целлой и двумя сокровищницами по бокам от последней, появляется в сиро-палестинском регионе не позднее XIII в. до н. э. и далее находит свое продолжение в постройках начала I тыс. до н. э., периода эллинизма и рубежа нашей эры. Следовательно, с точки зрения хронологии, святилища данного типа вполне могли послужить образцами для эллинистического «храма с уступчатыми нишам». Можно, таким образом, выдвинуть предположение о сиро-палестинском происхождении архитектуры «храма с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум.

Е. Е. КУЗЬМИНА

Кыргызстан — центр распространения культурных влияний Запада в Синьцзяне

Весной 2009 г. мне посчастливилось вновь посетить Кыргызстан и ознакомиться с новыми коллекциями музеев Бишкека, Чолпан-Аты на Иссыккуле и удивительными коллекциями подводной экспедиции, возглавляемой членом-корреспондентом, вице-президентом АНК В. М. Плоских, а также получить сведения об открытиях в Фергане.

Большое значение для постановки проблемы западных связей Восточного Туркестана имел выход подготовленной Б. А. Литвинским коллективной монографии «Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье» (1988) с работами самого Б. А. Литвинского, Е. В. Антоновой, М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, В. В. Иванова и др.

Давно ожидаемой сенсацией явилось открытие могильника Шагым в Фергане, в Киргизии, погребальный обряд которого находит аналогии в Саразме (Аманбаева, Рогожинский, Мэрфи, 2005; Рогожинский, 2008). Вещевой комплекс встречает параллели в Саразме IV, Заман-бабе и Зардча-Халифе (Рогожинский, 2008: 89, рис. 3). Это бронзовые (большой и маленький) сосуды с подкошечным дном, листовидный кинжал с выделенной рукоятью, круглое зеркало и три так называемые булавки с лопатковидным навершием, круглые, судя по большому размеру, не могли служить для прически. Комплекс не оставляет сомнения в датировке концом III — началом II тыс. до н. э. Это — самый северо-восточный памятник древнеземледельческой культуры в азиатских степях (Рогожинский, 2008). Закономерность этого открытия подтверждается ранее известными в Фергане предметами бесспорно земледельческого круга: хакским кладом (ОАК 1894; С. Сорокин 1960; Кузьмина 1966: 89, 90–101), парой каменных гирь и скульптурным изображением змей из Соха (Brentjes, 1971: pl. I).

Открытие Шагымского могильника позволяет вернуться к проблеме южного происхождения Чустской культуры и возможной связи части петрогли-

фов Саймалы-Таша, выполненных в битреугольном стиле, с чустской расписной керамикой (Рогожинский, 2008: 87). На типологическое сходство наскальных фигур с изображениями на посуде Отского поселения обращал внимание Ю. А. Заднепровский (1997: 93). Шагымские находки позволяют возвратиться к старой гипотезе Ю. А. Заднепровского о связи расписной керамики Тарима и Чуста. Эту гипотезу на основании находок в могильнике Шарвигуль отстаивает китайский археолог Shui Tao (1998), но категорически отвергает Н.-Р. Francfort (2001). В свете шагымских находок может быть интерпретирована найденная в Синьцзяне булава с биспиральной головкой иранско-среднеазиатского типа — древнейшее металлическое изделие Синьцзяна.

В начале XX в. в Синьцзяне впервые были выявлены захоронения мумифицированных людей (Stein, 1928). Раскопки могильника Гумучоу привлекли внимание ученых к проблеме западных связей (Shui Tao 1993; Mair 1995; Mallory 1995; 1998; Chen Hiebert 1995; Weng Binghua 1982; 1983; 1986; 1987; Debaine Francfort 1988; 1989; An Zhimin 1998; Mei, Shell 1998; 1999). Калиброванная дата памятника 2030–1815 гг. до н.э. В России центром рассмотрения связей Китая с Сибирью стал Новосибирск (Молодин, Алкин 1997; Комиссаров 1997; Худяков, Комиссаров 2002; Варенов 1998 и др.). Определяющее значение западных связей Синьцзяна установлено на основании антропологического изучения черепов Синьцзяна (Гумучоу), начиная с 1800 г. до н.э., позже осуществленное китайским антропологом Han Kangxin (1994; 1998). Он установил принадлежность черепов могильников Гумучоу (1800 г. до н.э.) и Яньбулак (1300 г. до н.э.) к европеоидному типу.

Тохарская проблема рассмотрена в монографии Y. P. Mallory, V. Mair “The Tarim Mummies” (Н, NY., 2000). Сочетание и взаимопроверка археологических, радиоуглеродных, антропологических, палеографических и лингвистических данных делают достоверной гипотезу тохарской атрибуции могильника Гумучоу и вероятной миграцию его создателей из евразийских степей через южную Сибирь.

Особенно яркие связи устанавливаются в Синьцзяне в XIII–IX в. до н.э. с Киргизией. На основании анализа находок металлических изделий, полученных на БЧК экспедицией А. Н. Бернштама (1941; 1952), случайных находок и атрибуции большого числа кладов Киргизии удалось выделить в пределах Евразийской степной металлургической провинции независимый, Семиреченский металлургический очаг (Кузьмина, 1961; 1965; 1966), работавший в пределах Семиреченского варианта Андроновской культуры XIII–IX в. до н.э. (Кузьмина 1970; 1986).

В Синьцзяне сделаны многочисленные находки, в том числе на датированных поселениях, кельтов, кельтов-лопатонок, двулопастных втульчатых стрел, находящихся полные аналогии в Семиречье. Так, все типы изделий клада Agharsin (Гонгмлу), найденного в 1975 г. в округе Тогузтара (An Zhimin 1998; Ke Peng 1998; Debaine Francfort 1989); три вислообушных топора, три тесла с уступом, пять долот, три серпа и кельт-молоток имеют полную аналогию в Шамшинском кладе Киргизии (Кожомбердиев, Кузьмина 1980), и по несколько типов — в Сукулукте, Туюке, Садовом (Кузьмина 1966), и в казахстанских семиреченских

кладах: Алексеевском и Турксиб (Акишев, Кушаев 1963, уточненная дата — Кузьмина 1966). Хронология кладов устанавливается: 1. по уникальным аналогиям вещей с коротким диапазоном бытования (бритва, шамши); 2. по аналогиям с типами в комплексах эпохи финальной бронзы (литейная форма топора в Каракумах (Литвинский 1962)); 3. по широкому распространению в XIII–IX вв. до н.э. в степях Евразии (Boch-Karev, Leskov 1980).

Специфика Семиреченского очага металлургии в пределах Евразийской степной провинции устанавливается: 1. наличием специфических типов изделий (кельты — лопатки, серьги со спиралью, зеркала разных типов); 2. широким распространением случайных находок металлических изделий и кладов; 3. наличием кладов литейщиков (Сукулук II) и литейных форм (Александровское); 4. главным — специфическим составом бронзы (Кузьмина 1966) и некоторых технологических приемов (Дегтярева 1985).

Металлические изделия Семиречья могли распространяться в Синьцзяне в результате: 1. поэтапного обмена; 2. переселения мастеров-металлургов (клад Агершень); 3. переселения части позднеандроновского населения по легко доступным перевалам, что документируется андроновскими погребениями с сосудами в Теченге в Sazi и Weisuo.

Контакты носили двусторонний характер, на что указывают находки в Чусте нефрита, а также распространение в Чусте и Бурчулюке каменных ножей, серпов, распространяющихся в Кучук и Тилля-Тепе.

Активизация связей Киргизии и Синьцзяна в XIII–IX вв. до н.э. была обусловлена экологическими факторами (похолоданием) и переходом к кочеванию в Киргизии.

С. В. КУЛЛАНДА

À la recherche des Scythes perdus

Определение фонетических особенностей скифского позволяет обнаружить присутствие скифов там, где их появление до сих пор представляется большинству исследователей невероятным. Можно встретить утверждения, что в скифском имелось множество диалектов, а потому одновременно наблюдались взаимоисключающие фонетические процессы, например, переход общеиранских кластеров **ri-*, **ry-* в *l* (как в имени Κολάξαις — якобы из * *x^haryaxšaya-*) и их сохранение в неизменном виде (как в имени Ἄριαλεῖθης) и пр. Существование в одном языке исконных и заимствованных из близкородственного источника лексем, демонстрирующих в результате различное фонетическое отражение праязыковых фонем — явление распространенное (достаточно вспомнить «мидийские» слова в древнеперсидском или старославянизмы в русском), но для адекватного анализа необходимо установить, какое фонетическое развитие было присуще данному языку, и трактовать все отклоняющиеся от него факты как заимствования. Нельзя обрезать себя на определение языковой принадлежности тех или иных реалий, деятелей и этносов исключительно на основе историко-

культурных соображений. Языковая принадлежность определяется лингвистически, а все прочие аргументы могут служить лишь для объяснения языковых феноменов, а не для опровержения лингвистических выводов (ср. ниже).

Одна из характерных особенностей, отличающий скифский от большинства известных нам синхронных ему иранских, кроме бактрийского — переход $*xš > š/s$ в анлауте (в сарматском начальное иранское $*xš$ - неизменно отражалось как $xš$ - — греческое ξ -, осетинское $xš$ -). Ее иллюстрируют такие примеры как $\Sigma\acute{\alpha}\iota\omicron\iota < *xš\acute{a}ya-$ «правитель, царь», этноним, упоминаемый в ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE I², № 32, А, стк. 34) (в тексте форма генитива $\Sigma\acute{\alpha}\iota\omega$), и, возможно, как отметил еще В. Томашек, бывший самоназванием Геродотовых «скифов царских»; $\Sigma\alpha\iota\alpha\acute{\phi}\acute{\alpha}\rho\nu\eta\varsigma < *Xšaitafarna-$, «[Обладающий] блистательным (или «царственным») фарном», царь упомянутых сайев (в тексте во всех случаях опять-таки форма генитива $\Sigma\alpha\iota\alpha\acute{\phi}\acute{\alpha}\rho\nu\omicron\upsilon$ — А, стк. 10, 83). А.И. Иванчик полагает, правда, будто «нет оснований сомневаться в практически общепринятом отнесении саев к сарматам; среди прочего об этом свидетельствует и тот факт, что скифы упомянуты в том же декрете (В 9) отдельно от саев и в контексте, исключающем их отождествление» (А.И. Иванчик. К вопросу о скифском языке. — ВДИ 2009, № 2: 83). Подобная аргументация уязвима и с исторической точки зрения: упоминаемые в декрете скифы и в самом деле не могут отождествляться с упомянутыми там же сайями, поскольку речь идет о разновременных событиях, но это никоим образом не означает, что сайи не могут быть одним из скифских племен (вероятнее всего, судя по этнониму — царскими скифами). Никому ведь не придет в голову сомневаться в том, что упоминаемый Геродотом (V. 77) «мидянин» — персидский царь, хотя в соседних пассажах упоминаются персы, которых Геродот четко отличает от мидян. Но основной довод против отнесения сайев к сарматам — то, что во всех записанных греческими буквами поздних бесспорно сарматских именах иранское начальное $Xš$ - неизменно передается как Ξ [Ks]. Абсурдно предполагать, будто в сарматском кластер $xš$ - в анлауте сначала перешел в сибилант, а затем восстановился¹.

Ассирийские, эламские и греческие передачи иранских имен с анлаутом, восходящим к общеиранскому $*xš$ - отражают либо $xš$ - (ассирийское $ka-\acute{a}š/kaš-ta-ri-ti < Xš\acute{a}bri\acute{t}a$, эпиграфическое греч. $\xi\alpha\tau\rho\acute{\alpha}\lambda\eta\varsigma < *xš\acute{a}\theta\rho\acute{a}\tilde{p}\acute{a}-$ и т.п.), либо $š/s-$ ($sa-tar-pa/ba-nu < Xš\acute{a}\theta\rho\acute{a}\tilde{p}\acute{a}\tilde{n}a$, греч. $\sigma\alpha\tau\rho\acute{\alpha}\lambda\eta\varsigma < *xš\acute{a}\theta\rho\acute{a}\tilde{p}\acute{a}-$ и т.п.). Для передачи иранского биконсонантного анлаута ассирийцы постоянно использовали эпентетический гласный, так что появление начального s - вряд ли может объясняться стремлением избежать стечения согласных в начале слова². Поскольку

1 Оппоненты, разумеется, тут же укажут, что сигма в начале слова могла передавать иранское $xš$ -; ср. греческое $\sigma\alpha\tau\rho\acute{\alpha}\lambda\eta\varsigma <$ «мидийского» $xš\acute{a}\theta\rho\acute{a}\tilde{p}\acute{a}-$. Данный случай допускает, однако, и другое объяснение (см. ниже) и не противоречит тезису о переходе $xš- > s$ в скифском. В связи с этим любопытно вспомнить праславянское диалектное $*šatriti$ «смотреть; блюсти», которое О.Н. Трубачев считал производным от заимствованного иранского $*xš\acute{a}\theta\tilde{r}a-$ «власть». Если его этимология верна, то славянская форма отражает отмеченные выше скифские черты: переход $xš > š$ и отсутствие метатезы $-\theta\tilde{r}- > r\theta$.

2 Что до эламской передачи иранского $xš$ - в начальной позиции, оба иранских слова, начинающихся с $xš$ -, в древнеперсидской версии Бехистунской надписи и транскрибированных в эламской, мидийское личное имя $Xš\acute{a}bri\acute{t}a-$ и название должности $sa\tilde{r}pa\tilde{n}a$, $xš\acute{a}\tilde{c}\acute{a}\tilde{p}\acute{a}\tilde{v}\acute{a}\tilde{n}-$, по-эламски переданы соответственно как $\acute{S}\acute{a}-at-tar-ri-t\acute{a}$ и $\acute{s}\acute{a}-ak-\acute{s}\acute{a}-ba-ma-$

греки, в свою очередь, проводили четкое различие между начальными *xš-* and *š/s-* иранских языков (см. выше), перебой *xš-/s-* в иноязычных передачах иранских слов объясняется, видимо, различиями в произношении самих иранцев. Учитывая, что переход **xš > š/s* в начальной позиции из знакомых населению Ближнего Востока и грекам древнеиранских языков был характерен для скифского, но никак не для мидийского или древнеперсидского, можно предположить, что лексемы, отражающие начальный иранский *š/s-* < **xš-*, происходят из скифского. Так как к их числу относятся важные социальные термины (как иранский прототип греческого *σατράπης*) и иранские имена, зафиксированные уже в конце IX в. до н. э., такие как *sa-ti-ri-a-a* (< **Xšaθriya-*), царь страны Наири в 819 г. до н. э., возможно, следует пересмотреть хронологию и степень воздействия на местное население скифских походов в Переднюю Азию, хотя вопрос требует дальнейшего исследования.

Н. В. ЛАВРЕНТЬЕВА, М. А. ЧЕГОДАЕВ

Приношение для Сепи: об одном из элементов погребального инвентаря саркофагов Среднего царства

Саркофаг генерала Сепи (Каир, Египетский музей, CG 28083) — один из самых известных саркофагов Среднего царства, лидирующий по числу упоминаний в научной литературе. Несмотря на пристальный интерес, проявляемый к нему несколькими поколениями исследователей, этот памятник все еще продолжает открывать пытливому глазу интереснейшие детали своего богатого оформления.

Саркофаг привлекателен не только своеобразием аранжировки «Текстов Саркофагов» и одним из наиболее хорошо сохранившихся списков «Книги Двух Путей», но и своим художественным оформлением. Кроме образа Великого бога на торцевой стенке, на саркофаге представлены и ряд ярких изображений приношений на так называемом «фризе предметов».

На западной (правой) продольной стенке во «фризе предметов» изображен объект прямоугольной формы, покрытый текстом, написанным бисерным почерком. Текст организован в десять столбцов и начертан линейной иероглификой с элементами курсивного письма. На первый взгляд этот предмет похож

na-me, где *-me* — эламский суффикс. То же соответствие наблюдается и в более поздних эламских передачах иранских имен. Исключения из правила немногочисленны, а именно эламские *Ik-šá-šá-qa* и *Uk-šu-iš-tur-ra*, предположительно передающие древнеперсидское **xšaçaka-* и мидийское **xšaustra-* соответственно, причем в обоих случаях зафиксированы дублиеты *Šá-ak-šá-qa* and *Šu-iš-tur-ra*. Представляется, таким образом, что а) начальный *š* в эламском не отражает перехода *xš- > s-* в соответствующих иранских словах, а б) варианты с протетическим гласным не были характерны для эламского и возникли под ассирийским влиянием.

на развернутый свиток папируса, приведенный здесь как один из элементов погребального инвентаря.

О заупокойном характере этого предмета говорит не только его размещение во «фризе предметов»¹, но и сам текст, написанного на нем изречения. Каждый столбец начинается со слов *Dd mdw* как в «Текстах Саркофагов». Но в самом корпусе «Текстов Саркофагов» это изречение отсутствует². Зато этот текст представляет собой почти буквальную цитату одного из важнейших изречений «Текстов Пирамид» из пирамиды Унуса, который расположен в погребальной камере. Это изречение — своего рода квинтэссенция текстов воскрешения.

Надпись над изображением прямоугольного предмета на саркофаге относит его к предметам из известняка. Для Среднего царства — это обозначение письменного прибора³. Об этом свидетельствуют и окружающие предметы — писцовый пенал и несколько свернутых свитков папируса. Таким образом, на этом саркофаге представлена известняковая палетка, покрытая текстами. Но среди погребального инвентаря подобные предметы не были обнаружены в вельможеских гробницах Среднего царства. Палетка рассматривается как пожелательный дар, обладающий магической силой, поэтому не столь важно, присутствует ли реально этот предмет в погребении или нет, как и в случае со многими другими изображениями на «фризе предметов».

Несмотря на то, что подобные изображения зафиксированы еще на нескольких саркофагах этого типа, текст содержит только изображение на саркофаге Сепи. Появление этого текста на саркофаге, происходящего из некрополя эль-Берше, представляет интерес для изучения путей трансляции «Текстов Пирамид», а также связей гермопольской и мемфисской теологических традиций.

1 *Jéquier G.* Les frises d'objets des sarcophages du Moyen Empire. Le Caire, 1921.

2 Allen T.G. Occurrences of Pyramid Texts with Cross Indexes of Those and Other Egyptian Mortuary Texts. Chicago, 1950.

3 *Hannig R.* Ägyptisches Wörterbuch II, Teil 1. Mainz am Rhein, 2006.

Внутренние рубежи первого цикла египетской истории в произведении Манефона и других свидетельствах историко-литературной традиции

Некоторое время назад автор настоящего доклада предположил, что в труде Манефона и, очевидно, в целом в исторической традиции Египта его прошлое мыслилось как последовательность больших циклов (resp. I–XI, XII–XIX и XX–XXX династии), включавших этапы исходного благополучия Египта; его «надлома» по вине царя, вызвавшего гнев богов; следовавшей через определенное (достаточно длительное время) катастрофы; и возрождения страны двумя царями — отцом, прекращавшим бедствия завершающей эпохи, и сыном, становящимся основоположником эпохи новой (Ладынин, ТГЭ 45, 2009: 165 сл.). Возникновение последнего конструктора можно уверенно датировать рубежом I Переходного периода и Среднего царства: именно таково «разделение функций» между Хети III и его сыном и наследником в «Поучении Мерикара» (pHerm. 1116A. 143), при том что «Поучение Аменемхета I Сенусерту I» во многом «парно» этому тексту; позднее в труде Манефона «Амменемес» завершает I томос его труда (ср. также с Амени в pHerm. 1116B. 58), а его сын «Сесонхосис» открывает II-й (Manetho, ed. W.G. Waddell, frgg. 31–36).

Начало династий царей-людей как у Манефона, так и в иероглифических списках — это царствование Менеса. В рамках первого цикла египетской истории наибольшее внимание во всех ее древних изводах сосредоточено на эпохе строительства великих пирамид и персонально на его инициаторе Хуфу/Хеопсе (Herod. II. 124–133)/Хеммисе (Diod. I. 63–64)/Суфисе (Manetho, frgg. 14–16). В поздней рецепции египетской традиции, включая средневековую «Хронику» Иоанна Никийского, этот царь оценивается негативно из-за нечестия, побудившего его закрыть храмы ради сооружения гробницы (Манефон стяженно говорит о его «высокомерии» к богам и одновременно приписывает ему создание некоей «Священной книги»). Негативные отношения к Хуфу видно в pWestc.: уже в этом тексте забота о гробнице в ущерб культу богов предстает главной виной Хуфу (Демидчик 2005: 92), а о степени его осуждения говорит само появление «детей Редждедет», означающее отстранение его дома от власти. По ряду оснований мы принимаем мнение о сложении в I Переходный период сюжета pWestc. (Берлев 1978: 121) и, соответственно, зафиксированного им восприятия Хуфу и его времени.

Несомненно, важное место в схеме первого цикла египетской истории занимает царствование Снофру. К нему отнесена мизансцена «Пророчества Неферти» и, отчасти, «Поучения Кагемни»; при этом для определения значения того времени ключевым является первое из этих произведений. Неферти возвещает Снофру бедствия, реальные причины которых не называются (можно сказать, что их приход представлен фаталистически), но угадываются вполне уверенно, коль скоро Снофру — непосредственный предшественник Хуфу. У Манефона о Сорисе (frgg. 14) ничего не сказано, однако в рецепции Геродота

внятно отложился контраст между бедствиями при Хеопсе и его преемниками и процветании при их предшественнике Рампсините (Herod. II. 124). Недавно А.Е. Демидчик предположил, что необходимость связать с Древним царством размещение столицы и пирамиды Аменемхета I в Лиште, вблизи метрополии Снофру, по сути, обеспечила в египетской традиции его особое позитивное восприятие (Демидчик, ТГЭ 35, 2007: 52); не отрицая этот фактор, мы не можем счесть его единственным. Время Снофру могло стать «полднем» первого цикла египетской истории лишь по контрасту с тем, что за ним последовало: при таком контрасте Снофру оказывался последним «беспроblemным» царем данного цикла. Очевидно, его время оценено как рубежное и в «Поучении Кагемни» (pPrisse. 1–2), мизансцена которого отнесена к рубежу царствования Хуни и Снофру.

Еще один рубеж внутри данного цикла — это, судя по ряду источников, царствование Унаса. В pTurin 1874vso выводится промежуточная сумма лет царствований от Менеса до Унаса включительно (III. 26–27: 768 лет, 3 месяца, 12 дней); подобный итог мы видим у Манефона в версии Африкана (fig. 18: 1294 года); кроме того, в версии Евсевия с V династией явно совпадает VI-я (figg. 19a-b — с упоминанием принадлежащего к исторической VI династии Пиопи II/Фиопса; fig. 19a — с промежуточным итогом царствований этого дома и предыдущих династий в 1295 лет; ср. figg. 21a-b — сохранение в изводах Евсевия в связи с VI династией одного упоминания царицы Нитокрис). Манипуляция Евсевия понятна: видимо, он подверстывает к итогу по финалу V династии все царствования первого цикла вплоть до откровенно аномальных (женского правления, за которым идут уже «семьдесят царей Мемфиса, правившие семьдесят дней») VII династии: fig. 23–24a-b); тем самым принципиальный характер этого рубежа для Манефона очевиден, хотя и Евсевий (fig. 21a) и Африкан (fig. 20) сохранили еще и итог по финалу VI династии (resp. 1498 и 1497 лет). Заметим, что мизансцена «Поучения Птаххотепа» (pPrisse. 4–19) отнесена к царствованию Исеси, т.е. кануну царствования Унаса. «Рубежность» последнего должна быть связана с восприятием следующих за ним событий как кризиса государственности первых династий (ср. с дискомфортом в сфере заупокойного культа — кодификацией при Унасе Текстов пирамид и обеднением декора гробниц при проникновении изображений в их погребальные камеры при VI династии: Большаков 2001: 228, 231). В таком случае можно сказать, что pPrisse суммирует египетскую мудрость по двум рубежам первого исторического цикла: «Поучение Кагемни» — до кануна его «надлома» при Хуфу, «Поучение Птаххотепа» — до кануна кризиса при VI династии (как видно, сами эти «кануны» — царствования Снофру и Унаса — оставлены вне периодов накопления опыта данных поучений).

Царствование Снофру было уже оценено как рубежное к появлению «Пророчества Неферти» (нач. XII династии), царствование Унаса — по меньшей мере, к записи pPrisse (кон. XII династии; Parkinson 1991: 103, n. 53), но, возможно, и раньше. Далее эта система рубежей первого цикла египетской истории отложилась в традиции вплоть до Позднего времени.

Принципы контаминации исторических сообщений в сведениях Манефона о военно-политической истории Египта II тыс. до н. э.

В сведениях Манефона о наиболее насыщенном успешными для Египта военно-политическими событиями этапе его истории — Новом царстве (собственно говоря, о II тыс. до н. э. в целом) наблюдается следующая закономерность — «стяжение» нескольких принципиально схожих эпизодов воедино. Поясним это конкретными примерами.

Мотив «войн Сесостриса» (resp. Сенусерта III): все этапы египетской экспансии II тыс. сведены к фигуре этого царя XII династии, в связи с которым кратко пересказывается известное сообщение Геродота (Manetho, ed. W.G. Waddell, frgg. 34–36; Herod. II. 99–110; собственно нет сомнений, что такое же «стяжение» имело место и у информаторов Геродота. Свидетельство Манефона удержало два принципиальных момента — небывалую широту завоеваний Сесостриса (в Азии и Европе) и возведение им в завоеванных странах стел. Очевидно, позднеегипетская историческая традиция контаминировала две реминисценции — о стелах Сенусерта III в Нубии, знаменитых своими пропагандистскими текстами (Демидчик 2005: 151–152, 170–174) и стелах Тутмосов I и III у евфратского рубежа их завоеваний (Urk. IV. 697. 3–5; cf. 1232.11, 1246.2).

Изгнание из Египта гиксосов: Манефон приписывает его двум царям — отцу, запершему их в Аварисе, и сыну, пытавшемуся его штурмовать, но добившемуся в итоге их ухода, скрепленного договором, после чего к востоку от Египта возникло «постгиксосское»/«протоеврейское» царство с центром в Иерусалиме (frgg. 42, 50, 52, 54; p. 240 — из т.н. «Книги Сотис»). Форма имени второго царя у Манефона множественна: ее инварианты — производные от имен Яхмоса I и Тутмоса III; реминисценции осады Авариса и битвы при Мегиддо видимо контаминированы (Тураев 258, 267; Redford 1986: 245).

«Второе гиксосское владычество»: Манефон сообщает о репрессиях царя Аменофиса против мешавших ритуальной чистоте его манипуляций египетских «прокаженных», которые, будучи изгнаны, вступили в союз с иерусалимскими «пост-гиксосами» и установили на 13 лет власть над Египтом; данный эпизод помещен в финал XIX династии. Надежно установлено отсутствие в ее последовательности у Манефона дублирования царствований и показано соответствие Аменофиса frgg. 50, 54 в цитатах Флавия «Ам(м)енефтесу» христианских эпитоматоров (frgg. 55.3, 56a.3), в свою очередь соответствующему Мернептаху (исторически) и отчасти (по положению в царском списке) «Мернептаху»-Саптаху; помимо этого, установлено соответствие имени следующего за этим царем «Сетоса-Рамессеса(-Рампсеса)/Рамессеса» (resp. frgg. 55.4 и 50, 54) отчасти, видимо, форме имен реальных преемников Мернептаха Сети II и «Рамсеса»-Саптаха (о формах имен Саптаха: Перепелкин 2000: 356), но преимущественно (исторически) именам Сетнахта и Рамсеса III в начале XX династии (Немировский, ДВОСКТ 2001: 92–99). Кроме того, в рассказе Манефона

об Аменофисе в передаче Флавия давно констатированы предамарнские и амарнские аллюзии (Redford 1986: 293–294). Механизм появления самого сюжета данного рассказа Манефона кажется следующим: он отождествляет исторические ситуации, открывающиеся и завершающиеся фигурами царей со схожими именами и включающие схожее по направленности из Азии нашествие на Египет (противостояние с хеттами, имеющее в ретроспективе фигуры Аменхотепов III и IV и завершенное при Сети I и Рамсесе II; отражение «народов моря», начавшееся при Мернептахе и завершившееся при Сетнахте — Сафронов 2005: 13–14, с отсылкой к его Элефантинской стеле — и Рамсесе III); кроме того, Манефон придерживается презумпции наличия у Египта с самого изгнания гиксосов одного и того же врага в Азии — их наследников в Иерусалиме, трансформировавшихся в I тыс. до н.э. в еврейские государства (надо думать, сведения о великодержавии врагов Египта при XVIII–XIX династиях он объяснял перенесением на прошлое реалий I тыс. до н.э.).

Думается, что логика, которая привела Манефона к контаминации схожих исторических ситуаций, достаточно очевидна: не может быть повторяющихся неоднократно на протяжении относительно недолгого исторического периода этапов «наступления» и «отступления» Египта на его периферии, в особенности если в них «задействованы» персонажи со схожими именами.

Серьезнейшее оправдание данного подхода Манефона — в том, что и в современной историографии адекватное представление о военно-политической истории Нового царства создается не одними египетскими источниками (вплоть до времени Тутмоса I они вообще ничтожны), но их соотносением с клинописными данными, равно как и реконструкциями, логически восполняющими сложившуюся при синтезе наличных источников картину. Кроме того, даже применительно к одним египетским источникам по-настоящему результативным мог бы быть лишь их сплошной учет по всем местам, где они обнаруживаются: в настоящее время это достигается в результате публикации археологических данных; понятно, однако, что ни один египтянин, интересующийся прошлым своей страны, не был в состоянии предпринять подобное «сплошное эпиграфическое обследование», к примеру, всех ее храмовых комплексов и, даже попытавшись совершить нечто в этом роде, оказался бы перед непосильной для него задачей интерпретации собранных данных. Несомненно, что Манефон располагал письменными хроникальными данными, которых нет у современных египтологов; однако полагать, что подобная интерпретация в них уже содержалась, было бы опрометчиво.

Контаминируя (с нашей точки зрения) образы царей, фигурировавших в исторических ситуациях, которые Манефон полагал идентичными им, он, где это было возможно, проводил над их именами искусственную фонетическую ассимиляцию (приведение к более-менее единому виду имен «Мернептах» и «Аменхотеп»); где это не получалось — «сшивал» особые многоименные образы (по модели [δ.] ó καὶ [δ.] «[такой то, который] и [такой-то]»: «Амосис[, который] и Мисфрагмутосис», «Сетос[, который] и Рамсес»). Это показывает, что Манефон, несомненно, об исходной фиксации сведений, подаваемых им в рамках одного эпизода, применительно к персонажам с разными именами;

более того, он имел совершенно адекватные представления о местах этих имен в династической последовательности. Очевидно он — и вместе с ним вообще позднеегипетская историография — признавали аутентичность этой последовательности как таковой и описаний конкретных событий в их источниках, однако привязку этих событий к конкретным царствованиям проводили так, как считали правомерным и логичным.

В. В. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Исследование абразии береговой линии херсонесского городища по картографическим данным

Основанный в V в. до н. э. Херсонес Таврический расположен на выдающемся в море мысу. Почти 70% периметра древнего города приходится именно на морской берег. Вследствие этого происходит постоянное и постепенное разрушение волнами и прибоем береговой линии городища — необратимый процесс абразии. Берег Херсонеса подвергается абразии с момента основания города и до сегодняшних дней. До сих пор мы не могли точно сказать, какая часть древнего города разрушена за почти двухтысячелетнюю историю его существования. В своих исследованиях мы попытались ответить на этот вопрос, используя данные картографии.

До настоящего времени в архиве Национального Заповедника «Херсонес Таврический» сохранились карты, схемы и планы исследованных участков городища, относящиеся к концу XIX — началу XX вв. На некоторых из них зафиксирована береговая линия, соответствующая времени составления плана данного участка. Используя эту информацию, а также современные исследования на местности, мы предприняли попытку, на основе реперных точек, проследить динамику абразии береговой линии Херсонеса Таврического.

Данные исследования помогут восстановить топографию древнего города, его реальные размеры в определенный период истории, они также помогут в реконструкции архитектурной планировки прибрежных кварталов городища в целом и отдельных зданий и сооружений в частности. Кроме того, подобные исследования необходимы для сохранения памятника в будущем, а именно, — планирования и создания берегоукрепляющих сооружений.

Статуи бодхисаттв Каннон и Майтрейи в Древней Японии: к вопросу о посмертных изображениях принца Сётоку

В данном исследовании рассматривается проблема отождествления буддийских статуй с личностью выдающихся буддийских деятелей в Японии, на примере посмертного культа принца Сётоку-тайси.

Сётоку-тайси, принц-регент, живший в период Асука (538–710) или (592–645) создал первый в Японии кодекс законов («Конституция из 17 статей»), покровительствовал буддийской сангхе и руководил строительством храмов. По мнению современных японских ученых (Мидзуно Дзёити и Тамура Энтё), после смерти принца Сётоку в древней Японии был создан его официальный культ, совмещенный впоследствии с культом почитания бодхисаттвы Майтрейи (яп. Мירוку).

Японский исследователь Мидзуно Дзёити обратил внимание на сходство изображений Будды Майтрейи (яп. Мירוку) в позе полулотоса из храмов Нотю и Хорюдзи с наскальными барельефами из Дуньхуана, изображающих принца Сиддхартху, верхом на белом коне, покидающего дом.¹ Другой исследователь культа Майтрейи в Японии Тамура Энтё на основании хроник из храмов Корюдзи и Ситэннодзи, сооруженных в честь Сётоку-тайси после его смерти делает вывод о совмещении культа Майтрейи — Сиддхартхи с посмертным почитанием принца Сётоку.²

Гипотеза Тамура Энтё подтверждается недавними исследованиями американского профессора Г. Смита (университет Колумбия). В своей книге «Prince Shōtoku's Temple, The Riddles of Nōgūjī» («Храм принца Сётоку, загадки Хо:рюдзи»), он исследует так называемую «Триаду Шакьямуни» (Сяка Сандзондзо) — скульптурную группу, находящуюся в центре алтаря храма Хорюдзи и датируемую 632 г. до н. э.. Согласно легенде, эта статуя являлась точным портретом принца, сделанным незадолго до его смерти. Смит считает, что изображение Будды Шакьямуни из храма Хорюдзи вполне могло быть прижизненным изображением принца Сётоку. На это, по его мнению, указывает положение левой руки статуи — жест, который отсутствует в других изображениях будд.³

Гипотеза Смита об уникальности японской «Триады Шакьямуни» из храма Хо:рюдзи отчасти подтверждает сравнительный анализ аналогичных буддийских скульптур из Китая, относящихся к периоду Восточной Вэй (520 г.)

1 Мидзуно Дзёити «Ханкасиидзо ни цуйтэ» (О статуях будд, медитирующих в позе полулотоса)// «Тюоку но буккёгэйдзюцу», Токио, 1968

2 Тамура Энтё «Кудара, Сира буккё то Асука буккё» (Буддизм Кореи и буддизм периода Асука)

// «Нихон буккёси но ронсю», //Т.1 «Сётоку тайси то Асука буккё», Токио 1985., С.65.

3 Электронная версия этой книги выложена на сайте <http://www.columbia.edu/%7Eehds2/horyuji/start.htm>

и найденных в провинции Шаньдун. Сходство китайских «триад Шакьямуни», выполненных из известняка, с «Сяка Сандзондзо» заключается в общей композиции (Будда Шакьямуни в центре и бодхисаттвы Манджушри и Самантабhadра по бокам) и одинаковом жесте правой руки, поднятой вверх, что символизирует бесстрашие. Главное различие отчетливо проявляется в позах и выражениях лиц статуй Шакьямуни. На скульптуре, относящейся к периоду Восточная Вэй, Будда Шакьямуни стоит в полный рост, у него мягкие, лишенные индивидуальных признаков черты лица и умиротворенное выражение, характерное для большинства китайских буддийских статуй.⁴ Будда из храма Хорюдзи восседает в позе лотоса и, у него, напротив, ярко выраженные индивидуальные черты: близко посаженные глаза, широкий нос, выдающиеся губы, сближающие это изображение с другой буддийской статуей из храма Хорюдзи — Гудзэ Каннон, названную так из-за бронзовой короны, венчающей ее голову (яп. *гудзэ*) и также считающуюся портретом принца Сётоку. Изготовленная в первой половине VII в., на сегодняшний день она считается самой древней деревянной буддийской скульптурой в Японии. В течении девяти столетий она содержалась как тайное сокровище храма Хорюдзи в павильоне Юмэдоно (отсюда ее другое название — Юмэдоно Каннон).⁵

Смит, исследуя статую Гудзэ Каннон, обратил внимание на ее необычный для буддийских облик. Прежде всего, лицо статуи имеет ярко выраженные индивидуальные черты: широкий нос, выдающиеся губы и узкие, близко посаженные глаза, что, по мнению Смита, соответствует описаниям принца Сётоку.⁶ Во-вторых, как заметил Смит, ореол, окружающий статую, прикреплен к ней не тонкой бамбуковой палочкой, как у других буддийских статуй периода Асука, а вбит в ее голову большим гвоздем.

Этот факт заставил Смита сделать предположение о том, что Гудзэ Каннон могла быть изготовлена для умиротворения мстительного духа *горё* принца Сётоку. В качестве подтверждения Смит приводит историю храма Хорюдзи, неразрывно связанную с родом принца Сётоку.⁷ Смит считает, что причиной возникновения легенды о превращении духа принца Сётоку после его смерти в *горё* могло быть насильственное уничтожение его потомков, а статуя Гудзэ Каннон, соответственно, была изготовлена для умиротворения духа Сётоку-тайси и заключения его в статую.⁸ Гипотезу Смита поддерживает специалист по религиоведению, профессор Бернард Фор.⁹

4 <http://miho.jp/english/collect/collect.htm>

5 <http://www.onmarkproductions.com/html/buddhism.shtml>

6 <http://www.onmarkproductions.com/html/asuka-art.html#kudara>

7 Henry Smith “Prince Shōtoku’s Temple, The Riddles of Hōryūji” («Храм принца Сётоку, загадки Хо:рюдзи»), Columbia University // <http://www.columbia.edu/~hds2/horyuji/summary.html>

8 IBID.

9 Bernard Faure «The Buddhist Icon and the Modern Gaze» // Journal: Critical Inquiry University of Chicago Press Spring 1998, Volume 24, Number 3 www.uchicago.edu/research/jnl-crit-inq/

На мой взгляд, здесь прослеживается еще одна тенденция синто-буддийского синкретизма в Японии. Культ Будд и Бодхисаттв сливался не только с верой в местных богов- *ками*, но и охватывал почитание императора и членов императорской фамилии в качестве живых богов. Это могло послужить причиной успешного распространения буддизма в Японии и способствовать формированию новой государственной политики «*кокка буккё*» в конце периода Асука. Можно предположить, что на совмещение посмертного восприятия принца Сётоку и культа Будды Шакиямуни в глазах буддийской сангхи могли повлиять его взгляды на буддизм как этическое вероучение, на основе которого должны формироваться отношения между правителем и подданными. Однако несомненным является тот факт, что подобное многогранное восприятие образов Будды и принца Сётоку в Древней Японии привело к появлению совершенно нового типа буддийских скульптур, уникальных для всего буддийского искусства в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

«Нихон сёки. Анналы Японии.» СПб «Гиперион», 1997; Игнатович А.Н. «Буддизм в Японии: очерк ранней истории», М. 1988; Тамура Энтё «Кудара, Сира буккё то Асука буккё» (Буддизм Кореи и буддизм периода Асука)// «Нихон буккёси но ронсю», //Т.1 «Сётоку тайси то Асука буккё», Токио 1985; Мидзуно Дзёити «Ханкасиидзо ни цуйтэ» (О статуях будд, медитирующих в позе полулотоса)// «Тюгоку но буккёгэйдзюцу», Токио, 1968; Hempel Rose “The Heian civilization of Japan”, Phaidon, Oxford, 1983; Smith H. “Prince Shōtoku’s Temple, The Riddles of Hōryūji”// Columbia University/ <http://www.columbia.edu/~hds2/horyuji/summary.html>; Michael Como “Shotoku: Ethnicity, Ritual and Violence in the Japanese Buddhist tradition”, Oxford University Press, 2008.

Храм Окса и проблемы генезиса бактрийской культуры

Раскопки на Тахти Сангине привели к открытию комплекса храма Окса, почти полному вскрытию его сооружений и частично — фортификации цитадели древнего города, обнаружению огромного (свыше 8000 экземпляров, не считая керамики) фонда разнообразных археологических предметов, монет и памятников искусства, датирующихся временем от VI в. до н.э. до IV в. н.э. Храм Окса, наряду с Ай Ханум, является одним из двух наиболее важных и репрезентативных памятников эллинистической Бактрии, кардинально изменивших наши представления об ее археологии, архитектуре, искусстве, религии. Материалы раскопок позволяют внести новый элемент в комплекс концепций, связанных с бактрийско-эллинистическим взаимодействием и дальнейшими судьбами эллинистической культуры, ее ролью и влиянием в постэллинистическое время

Материалы раскопок чрезвычайно важны и при обсуждении некоторых других общеисторических проблем, на которых мы здесь, к сожалению, не можем остановиться. Сопоставление храма Окса с Ай-Ханум показывает их принципиальные отличия. Ай-Ханум — это греческий город с преобладающим эллинским населением, думающим, говорящим, пишущим и читающим на греческом языке, почитающим эллинских богов, Количество местных жителей — бактрийцев здесь было ограничено, и они, очевидно, полностью эллинизированы. В архитектуре переплелись эллинские, древневосточные и бактрийские элементы. На Тахти Сангине было бактрийское население, исповедующее местную религию, но частично и греческое, несомненно, двуязычное. На определенных участках духовной и материальной сферы заметны внедрение эллинских элементов и греко-бактрийский синтез. В архитектуре храма Окса очень сильны передневосточные, особенно ахеменидские, традиции, греческие же были выражены в каменных модификациях: алтарях и капителях колонн.

Очевидно, в Бактрии существовало несколько зон эллинизации: зона компактного расселения эллинов в полисах и военных колониях, где вся культура была однотипна айханумской. Ко второй зоне относились ареалы тесных эллинско-бактрийских этно-культурных и религиозных контактов. Здесь возможны две модели. Первая — включение в контекст инокультурной среды отдельных элементов эллинской культуры без их (существенного) переосмысления. Так, в Бактрии достаточно широко распространились греческий язык и письменность. Вторая модель связана с внутренней трансформацией (разного рода и степени) семантического содержания тех или иных образов, обычаев или обрядов. Один из вариантов этой модели — соотнесение инокультурного явления с изоморфным явлением в данной культуре и включение его в систему этой культуры в неизменном или незначительно измененном виде с тем же или гибридным содержанием (пример — вотив Атросока) [Литвинский, Виноградов, Пичикян, 1985]. И, наконец, третья зона, где в местную среду проникали только отдельные элементы эллинской материальной и духовной культуры.

Дальнейшее развитие культуры Центральной Азии по ряду важнейших направлений покоилось на местном эллинистическом или эллинизированном субстрате или сохраняло связанные с ним черты. Невозможно здесь даже просто перечислить все основные факты, назовем лишь некоторые. После падения Греко-Бактрийского царства греческий язык сравнительно скоро перестал быть распространенным; письменность на базе греческой, напротив, просуществовала еще несколько столетий — при кушанах и эфталитах, вплоть до VII в., а в свете последних открытий бактрийской письменности теперь ясно, что в горных районах Бактрии и других областей Центральной Азии сочинения, написанные греческим письмом, сохранялись и до XI–XII вв. Ранний период развития исламской науки и философии с их мощным эллинистическим пластом связан с культурными процессами в Передней Азии. Так считалось до недавнего времени. Но после открытия философского текста на Ай Ханум стало ясно, что на территорию Центральной Азии попадали сочинения греческих философов, и нельзя исключить возможность, что в подлинниках или переводах они продолжали существовать многие столетия. Определенные линии преемственности прослеживаются и в области религии. Не только храм Окса, но и его греческие каменные алтари при юэчжийском завоевании и в кушанское время не были разрушены и, очевидно, использовались. В Средней Азии в кушанское и посткушанское время сохранялся обычай помещать «обол Харона» в рот покойника. Ряд персонажей и мотивов греческой мифологии вошел в иконографический репертуар кушанского и посткушанского времени. Образы Зевса, Гелиоса, Афины, Селены, Диоскуров, Геракла, Эротов и других персонажей, постепенно подвергаясь варваризации, долгое время сохранялись в среднеазиатском искусстве. Особенно ярко это проявилось в юэчжийско-кушанское время, когда традиции эллинистического искусства были не только живы, но и эволюционировали, переплетаясь и воздействуя на становление местного бактрийско-кушанского искусства. Замечательным примером этого является комплекс Тилля-Тепе с его эллинистическими мотивами.

Образование архитектурного и художественного восточно-эллинистического койне на гигантской территории Востока способствовало развитию изобразительного искусства и последующему расцвету местных локальных школ, с их мощной местной (в данном случае ахеменидско-бактрийской) традицией. На этом этапе этнические, религиозные и культурные компоненты греков и бактрийцев образовали в отдельных разделах культуры неповторимый греко-бактрийский культурный феномен, который проявлялся на определенных территориях и в определенных сферах.

Из всего сказанного ясно, что воздействие эллинизма на центральноазиатское общество и его культуру, вопреки мнению П. Бриана и его сторонников, было многофакторным и достаточно глубоким. Отсюда вытекает общегуманитарный вывод: не только западноевропейская цивилизация выросла на фундаменте античности, но и основания цивилизации Центральной Азии включали мощный эллинистический (и эллинистически-римский) устой.

Сыновья Афрасиаба и первое поколение Нартов

Персидский эпос в наиболее полном виде дошел до нас в «Книге Царей» Абу ал-Касима Фирдоуси. Вместе тем имеются и другие, как правило, более краткие или отрывочные переложения сюжетов эпоса, причем иногда эти эпизоды отсутствуют в Шахнаме. Один из таких эпизодов дошел до нас в изложении арабоязычного полигистора иранского происхождения ат-Табари (IX–X вв. н. э., том I, стр. 602 изд. де Гуйэ). Там говорится о двух сыновьях Афрасиаба, которых убил иранский витязь Рустам. Имена сыновей приводятся в форме *Šahr* и *Šahra*. Такие имена несомненно восходят к древнеиранскому **Xšaθra-* и **Xšaθra-ka-* соответственно, т. е. усеченному имени (*Kosename*) и имени уменьшительному (*Hypocoristicon*) от основы, содержавшей древнеиранское **xšaθra-* “царство, власть”.

К совершенно тем же древнеиранским формам закономерно восходят и имена (*Æ*)*xсар* и (*Æ*)*xсартаг*. Так именовали двух близнецов, сыновей *Уæрхага*, первое поколение нартвовских героев осетин. При том, что сюжеты про Шахра и Шахру с одной стороны, и про Ахсара и Ахсартага с другой, существенно отличаются друг от друга, мы имеем здесь единственное на сегодняшний момент точное ономастическое соответствие между эпосом средневековых персов и современных осетин; можно предполагать, что обе традиции в конечном счете восходят к некому общему источнику, который должен датироваться древнеиранской эпохой. Примечательно, что Шахр и Шахра Табари — сыновья Афрасиаба, царя туранцев, а племена скифского, сакского и сарматского круга, из числа которых вышли предки современных осетин, часто и убедительно сопоставляются с турами (*tūriia-*) Авесты.

Вместе с тем, нужно отметить, что в рукописях Табари на том месте, где мы, вслед за критическим изданием де Гуйэ и недавним английским переводом, читаем *Šahr* и *Šahra*, имеется значительное число разночтений, которые можно трактовать и по-иному. Таким образом, предлагаемое сопоставление зависит от реконструкции оригинального арабского текста и, тем самым, открыто для критики.

Из истории древней картографии: Персидский залив в сочинениях Нearchа и Птолемея

Один из самых запутанных античных источников, «География» Клавдия Птолемея издавна привлекает внимание историков. При его изучении одним из перспективных направлений является детальный анализ описания отдельных регионов и его сопоставление с современной картой и с известиями других античных авторов. В нашей работе речь пойдет об описании иранского побережья Персидского залива. Детальное сравнение различных источников позволяет сделать вывод, что Птолемей¹ составлял его не по сочинениям Нearchа и Онесикрита, а на основании каких-то других более поздних источников, которые до нас не дошли.

Сочинение Нearchа, как известно, сохранилось в пересказе Арриана, а Онесикрита — у Плиния (Plin. *N.H.* VI, 96–100). Арриана иногда несправедливо упрекают, будто бы он, как человек сугубо сухопутный, выпустил в своем пересказе ряд необходимых для профессионального моряка сведений: направления ветров и течений, береговые ориентиры и т. д.² На самом же деле, как свидетельствует Плиний, у Онесикрита и Нearchа изначально были пропущены названия отдельных стоянок и длины некоторых переходов (Plin. *N.H.* VI, 96).

Сопоставление сведений Нearchа и Онесикрита (в том виде, в каком они сохранились у Арриана и Плиния) с данными Птолемея дает следующие наблюдения: на пути от устья Инда до Тередона у них совпадают лишь некоторые топонимы (далее в скобках даны птолемеевские варианты названий). Для Персидского залива это о.Оарахта (Ворохта) и реки Аросис (Ороатис), Анамис (Анданис), Брисоана и Рогонин (Рогоман), причем последние две у Птолемея расположены в другом порядке, чем у Нearchа. Если по Нearchу город Таоке располагался возле р.Гранис, то, Птолемей помещает его близ р.Рогоман, таким образом, Рогоман и Гранис превратились у Птолемея в одну и ту же реку. На побережье же между входом в залив и устьем Инда совпадающих названий оказывается несколько больше. Мыс Капелла, бух. Канате, Канасис (Канфатис), Талмена (Тиса), м.Багия, бух. Куидза, Барна (Бадара) и Мусарна, о.Носала (Асфала) и р.Арабис (Арбис). При этом все остальные топонимы у них совершенно разные. И дело вовсе не в смене названий: у Птолемея появляются совершенно новые бухты, реки и острова там где у моряков Александра их не было, зато исчезают другие, которые были у них.

Таким образом, Птолемей, бесспорно, не использовал Нearchа, а предпочел взять более поздние известия. Причем источников было несколько, и описывали они не весь путь от Месопотамии до Индии, а лишь отдельные его участки. По всей видимости, в этих источниках, в силу их разрозненности, какие-то

¹ Или, возможно, Марин Тирский — для нас это, в данном случае, не принципиально.

² *Tomaschek W. Küstenfahrt Nearchs. // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse. Sitzungsberichte. Wien, 1891, Bd. 121, Abh. VIII, S. 2; Capelle W. Nearchos. // RE, 1935, Bd. 16, Hb. 32, S. 2136.*

вещи не оговаривались, что и вызвало путаницу у незнакомого с местными реалиями Птолемея. Только так можно объяснить следующие несоответствия на его карте: Поменялись местами реки Брисоана и Рогоман. Рогоман и Гранис «объединились» в одну реку; очевидно, он использовал два разных, но слишком лаконичных источника и в результате принял две реки за одну.³ Наконец, побережье Сузианы оказалось растянуто по отношению к побережью Персиды, и если у Арриана Эвлей и Тигр впадают в обширную лагуну, соединяющуюся с морем, то у Птолемея — непосредственно в залив. Видимо, в источник была приведена длина берегов лагуны, но не указывалось, что это именно лагуна — в результате Птолемей ошибочно «вытянул» ее в одну прямую линию.

Всех этих ошибок не было бы, если бы Птолемей использовал Нearcha. Скорее всего, имея в своем распоряжении более поздние источники, он решил не тратить на него время как на устаревшее, ибо он считал более поздние свидетельства заведомо более надежными (Ptol. *Geog.* I, 5). Вместе с тем Птолемей сохранил те же размеры залива, что и моряки Александра: в свое время они определили протяженности персидского и аравийского побережий по 10 тыс. стадиев, и эти цифры стали для античных географов общим местом; у Птолемея залив напоминает по форме параллелограмм со сторонами 4000 и 6000 стадиев.⁴

Очевидно, источниками для Птолемея послужили какие-то недошедшие до нас купеческие сочинения наподобие знаменитого «Перипла Эритрейского моря», созданные не ранее сер. I в. Такая датировка основывается на следующих соображениях: Плиний дополняет известия Нearcha и Онесикрита сообщениями более поздних источников,⁵ однако у Птолемея появляется множество топонимов, которых у Плиния еще не было. Существование торговых путей в Индию через Персидский залив зафиксировано как в античной традиции, так и в пальмирских караванных надписях.⁶ Часть пути, очевидно, могла проходить вдоль иранского берега. На о. Харк близ Бушира были открыты остатки греческого храма, а также две великолепные гробницы, выстроенные, судя по стилю, пальмирскими купцами I–II вв, которые занимались посреднической торговлей между Римом и Индией.⁷ Хотя к этому времени уже был открыт путь в Индию из Египта, который Плиний противопоставляет старому пути через Персидский залив как более безопасный и в сто крат более доходный (Plin. *N.H.* VI, 101).

3 Подобные ошибки встречаются у него и в других регионах. Так, в Крыму он, запутавшись в источниках, смешал воедино Перекопский и Ак-Монайский перешейки. *Зубарев В. Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998. с. 31.

4 *Hermann A.* Persischer Meerbusen. // RE, 1937, Hb. 37, S. 1032.

5 Например, об о. Араха (совр. Харк) (Plin. *N.H.* VI, 111)

6 Подробнее см: *Schuol M.* Die Characene. Ein Mesopotamisches Königreich in hellenistisch-parthischer Zeit. Stuttgart, 2000.

7 *Schuol M.* Op. cit. S. 401, 407; *Ghirshman R.* L'île de Kharg. // RA. 1959. I. p. 70–77. Гиршман неверно отождествил Харг с о. Икаросом, которым оказался о. Файлака у берегов Кувейта.

Древнеегипетский погребальный обряд у частных лиц в эпоху V–VI династий

Большинство дошедших до нас древнеегипетских памятников эпохи Древнего царства (III тыс. до н. э.) носят погребальный характер. Среди них гробницы царей и знати, а в меньшей степени — погребения лиц среднего и низшего класса. Весьма информативным в этом отношении стал малый некрополь у скальной гробницы вельможи Хафраанха в Гизе, раскопанный силами Российской археологической экспедиции (ИВ РАН) в 1999–2003 и в 2005 гг.¹ Основная масса обнаруженных погребений, относящихся преимущественно к V–VI династиям, принадлежит людям, которые, с одной стороны, имели возможность использовать для захоронения привилегированный столичный некрополь, а с другой стороны, не всегда могли позволить себе гробницу с поминальной часовней и довольствовались небольшими погребениями-склепами, сложенными из сырцового кирпича. Изучение особенностей таких захоронений, положения тел умерших и сопутствующего инвентаря дает возможность реконструировать некоторые аспекты погребального обряда при V–VI династиях.

Раскопанные 46 погребений малого некрополя не были одинаковыми по своему устройству: 14 представляли собой шахты с погребальными камерами, вырубленными в той же скале, что и гробница Хафраанха; 11 находились в мастабах из сырцового кирпича, пристроенных к скале, следовательно, по своей конструкции такие сооружения были схожи с традиционными мастабами из каменных блоков, в подземных частях которых располагались шахты и погребальные камеры. 20 могил были устроены на выровненной скале, а стенки сложены из кирпича-сырца — т. е. по своей конструкции были склепами и первоначально могли иметь коробовые своды, по аналогии с погребениями на «кладбище строителей пирамид» в южной Гизе² и в Телль Басте³. Одно погребение (38) отличалось своим устройством. Оно представляло собой вырубленную в скале шахту глубиной 8,44 м, ведущую в погребальную камеру. Сверху устье шахты было надстроено сырцовым кирпичом. Изначально оно могло быть в виде пирамидообразной сырцовой надстройки, по форме схожей с обнаруженными погребениями на «кладбище строителей пирамид» в Гизе⁴.

¹ Подробнее см.: *Кормышева Э.Е., Малых С.Е.* Древнеегипетский малый некрополь в Гизе // ВДИ, № 1, 2009. С. 199–214.

² З. Хавасс именует этот тип погребальных конструкций «в виде первичного холма». — *Hawass Z.* The Workmen's Community at Giza // *Bietak M.* (ed.) Haus und Palast im alien Agypten: International Symposium, Cairo, April 8–11, 1992. Vienne, 1996. P. 53–67; *Hawass Z.* The Tombs of the Pyramid Builders — The Tomb of the Artisan Petety and His Curse // *Knoppers G.N., Hirsch A.* (eds) Egypt, Israel, and the ancient Mediterranean world: studies in honor of D.B. Redford. Leiden, 2004. P. 21–22; *Hawass Z.* A Group of Unique Statues Discovered at Giza. II. An Unfinished Reserve Head and a Statuette of an Overseer // *Kunst des Alten Reiches.* Mainz am Rhein, 1995. P. 98, fig. 1.

³ *Bakr M.I.* Tell Basta I. Tombs and Burial Customs at Bubastis. The Area of the so-called Western Cemetery. Cairo, 1992. P. 106–111.

⁴ *Hawass Z.* A Group of Unique Statues Discovered at Giza. I. Statues of the Overseers of the Pyramid Builders // *Kunst des Alten Reiches.* Mainz am Rhein, 1995. P. 91–92, Taf. 29; *Dodson*

Практически непотревоженные погребения со скелетами в анатомическом порядке были найдены лишь в двенадцати случаях: 5 из них были обнаружены в подземных частях двух сырцовых мастаб (погребения 27, 49b, 50, 51, 53); остальные — в погребениях-склепах (погребения 31, 32, 36, 40, 54, 55, 56). Поза погребенных неодинакова, однако доминирует скорченная (погребения 31, 32, 36, 40, 51, 54) и полускорченная (погребения 27, 49b, 50, 53) на левом боку; лишь в двух случаях умершие находились в вытянутой позе на спине (погребения 55 и 56). По-видимому, в таком же положении находилось и тело из погребения 38 (точнее сказать нельзя по причине высокой влажности в погребальной камере, из-за чего остеологический материал в момент обнаружения находился в крайне плохой сохранности). Продолговатая форма погребения-склепа 30, аналогичная погребениям 55 и 56, свидетельствует, что труположение (не сохранившееся) было также в вытянутой позе.

Согласно топографии некрополя, наиболее ранним по времени захоронения (рубеж IV и V династий) среди анализируемой группы было погребение 27 с телом в полускорченной позиции. Скорченные и полускорченные погребения 49b, 50, 51, 53 относятся к эпохе правления V династии, 54 — к VI династии, а 31, 32, 36 и 40 — к поздней части VI династии, в то время как все захоронения в вытянутой позе (30, 38, 55, 56) могут быть датированы временем VI династии. Этому способствует не только особенности расположения могил в малом некрополе, но и отдельные найденные предметы погребального инвентаря — фрагменты керамических сосудов (больших чаш с красным ангобом, пивных кувшинов, хлебopечных форм) из погребений 30, 38, 40 и печать-пуговица⁵ из погребения 56. Постепенная смена позы погребенных со скорченной на вытянутую при VI династии должна быть обязана распространению и совершенствованию практики мумификации⁶ в это время. Однако в финальный этап существования малого некрополя происходит явный возврат к прежней скорченной позе тел, что отмечается и другими исследователями⁷ и связывается с запустением столичных некрополей и соображениями экономии⁸.

Ориентация тел покойных практически всегда придерживалась оси север-юг, головой на север, лицом на восток, что показывает консервативность обычая на протяжении Древнего царства. Лишь в единственном случае с погребением 36 тело ориентировано не по оси север-юг, а по линии запад-восток, головой на запад, лицом на север, тело на левом боку. Создается впечатление, что при всей традиционности позы тела его иная ориентация обусловлена не идеологическими соображениями, а, скорее, стремлением уместить погребение на небольшом участке, размеры которого не позволили расположить умершего традиционно головой на север. Все же не следует упускать из вида наблюдение относительно ори-

A., *Ikram S.* The Tomb in Ancient Egypt. Royal and Private Sepulchres from the Early Dynastic Period to the Romans. Cairo, 2008. P. 154, fig. 158.

5 Button-seals в литературе датируются интервалом VI династия — I Переходный период. — *Newberry P.E. Scarabs. London, 1906.* P. 57–58; *Petrie W.M.F. Buttons and Design Scarabs. London, 1925.* P. 190–196.

6 *Spencer A.J.* Death in Ancient Egypt. Aylesbury, 1982. P. 37.

7 *Junker H.* Giza III. Wien-Leipzig, 1938. S. 130, 162; *Junker H.* Giza VI. Wien-Leipzig, 1943. S. 3–4; *Firth C.M., Gunn B.* Teti Pyramid Cemeteries. T. I. Le Caire, 1926. P. 37.

8 *Keec Г.* Заупокойные верования древних египтян. От истоков и до исхода Среднего царства. СПб., 2005. С. 26.

ентации тел покойных, сделанное на основе материалов из некрополя города Пер-Бастет (совр. Телль Баста). Так, в эпоху Древнего царства умерших обычно размещали внутри погребений головой на север⁹, в то время как в I Переходный период — время экономической, политической и идеологической нестабильности, тела могли располагать в любом направлении¹⁰.

План погребений в малом некрополе у гробницы Хафраанха в Гизе

⁹ *Bakr M.I.* Tell Basta I. P. 106–113.

¹⁰ *el Sawi A.* Excavations at Tell Basta. Prague, 1979. P. 63–64. *Bakr M.I.* Tell Basta I. P. 42, 46.

Письмо астролога Аккуллану от 657 г. до н.э.: возвышение Лидии или победа киммерийцев?

В 660–650-е гг. до н.э. военно-политическую ситуацию к западу от Месопотамии определяли Ассирия, Египет, Лидия, Урарту и взаимодействие этих стран с киммерийцами и кочевыми арабскими племенами. Однако роль Лидии в событиях указанного времени остаётся не вполне ясной. Прежде всего, необходимо установить, была ли политика лидийского царя Гигеса самостоятельной и играла ли она сколь-нибудь существенную роль в международных событиях того времени? Ответы на эти вопросы зависят от трактовки ряда ассирийских текстов, особенно некоторых писем астрологов и в частности письма астролога Аккуллану, посланного в 657 г. ассирийскому царю Ашшурбаналупу.

В исследованиях последних лет преобладает мнение, что в послании Аккуллану речь идёт о могущественных киммерийцах, царь которых, завоевав ассирийские владения в стране Амурру, носил даже титул “царь вселенной” (*šaḡ kiššati*), который всегда принадлежал ассирийскому царю. При этом под страной Амурру подразумеваются либо Сирия (Хатти), либо Киликия (Куэ).

Против такой трактовки письма Аккуллану свидетельствует следующее:

1. В ассирийских текстах 660–650-х гг. отсутствуют какие-либо намёки на военные конфликты между ассирийцами и киммерийцами. О киммерийцах упоминается только в связи с их вторжением в Лидию в начале 660-х гг., которое Гигес успешно отразил. 2. Описание астрологом Аккуллану неблагоприятных событий в Амурру (стк. 9–12) совпадает с описанием античными авторами прихода Гигеса к власти в результате дворцового переворота и подавления им сопротивления сторонников убитого царя: астрологи часто использовали былые события для предсказания будущих бедствий. Но мог ли астролог назвать царя Амурру «царём вселенной», упоминая при этом его несправедливые дела, приведшие к братоубийственной войне? К тому же в тексте говорится, что «его боги **отдадут** его врагу». Ашшурбаналупу, который считал себя праведным царём и носил этот титул, **его боги** покровительствовали. Поскольку знак ŠU в шумерограмме LUGAL ŠU означает не только *kiššatu* — “вселенная”, но и *kiššūtu* — “могущество”, “деспотизм”, “несправедное осуществление власти”, то шумерограмму LUGAL ŠU в стк. 12, судя по контексту, можно трактовать иным образом: царь Амурру не обладал титулом “царь вселенной”, **он был несправедливым царём, могуществом которого его боги отдадут его врагу. Имя последнего раскрыто в комментарии — киммерийцы.** 3. Содержание понятия страна Амурру со временем менялось. Начиная с VIII в. до н.э. оно означало обширную зону вдоль восточного побережья Средиземного моря, состоявшую из нескольких царств, но не включавшую страну Хатти. Уточнить его содержание в VII в. помогают астрологические послания, в которых оно означало различные конфликтные зоны. В конце правления Асархаддона, согласно посланиям Мар-Иштара, это были Хатти, Калду (страна халдайцев в Малой Азии по И.М. Дьяконову), и страна арабов. При Ашшурбаналупе сохранились те же конфликтные зоны, но мало-

азийская зона получила новое содержание: знаковой фигурой на политической сцене с начала 660-х гг. становится лидийский царь Гигес. В пользу такого понимания в VII в. термина Амурру свидетельствует и структура письма Аккуллану. Как и в других посланиях такого рода, каждому из предсказаний соответствует своё знамение и отдельное его толкование. В конце письма Аккуллану говорится: «ххламеи пожрут богатство страны Амуру» В данном случае под ахламеями имелись в виду кочевые арабские племена, нападения которых на страну Амурру спровоцировали два похода Ашшурбанапала против них для защиты своих приморских владений около 650 и 644 г. В стк. 27 упомянуты враждебные киммерийцы/умман-манда. Здесь очевидно говорится о тех киммерийцах, которые в 660-е гг. совместно с маннеями действовали против ассирийцев, о чём говорится в письме астролога Набу-икби в 666 г. В 660 г. после гибели маннейского царя Ахсери с враждебностью Манны было покончено, поэтому в 657 г. говорится уже об одних “восточных” киммерийцах, которые в 660 г. или избежали столкновения с ассирийцами, или не пострадали от него.

Стимулом для написания письма астрологом Аккуллану стала не опасность киммерийского вторжения в Лидию, а гнев Ашшурбанапала, вызванный результатами отправки лидийского войска в Египет. Косвенные данные позволяют предполагать успешные завоевания Гигеса, расширившие границы Лидии в восточном направлении, что и позволило ему послать войска в Египет сухопутным путём. В 656 г. Псамметих стал царём Египта. И хотя Ашшурбанапал поначалу поддерживал его, видимо, он не рассчитывал на столь стремительное возвышение Псамметиха. Поэтому неслучайно, что именно в 657 г. астролог «тешает» ассирийского царя грядущими бедами в Лидийском царстве, подобными тем, что происходили в начале правления Гигеса.

Таким образом, в письме Аккуллану под страной Амурру **могут подразумеваться** Лидия и приморские владения Ассирии — две зоны, по разным причинам беспокоившие Ашшурбанапала. **И в таком случае письмо Аккуллану** может служить подтверждением сведений античных авторов о событиях, приведших Гигеса к власти. Другими словами, киммерийцы не владели ассирийскими территориями; титул *šar kiššati* всегда принадлежал только ассирийскому царю; письмо астролога Аккуллану не может служить доказательством вторжения киммерийцев в Лидию и её разгрома около 657 г. до н. э.

Гигес, успешно отразив первое киммерийское нападение в начале 660-х гг., вплоть до губительного для него киммерийского вторжения в 644 г. царствовал в благоприятно складывавшейся военно-политической обстановке. В это время уходит с политической сцены Урарту, а восстание Шамашшумукина ослабило активность Ашшурбанапала на западе. Продолжая вести самостоятельную политику и будучи ни от кого не зависимым, Гигес смог заложить основы сильного царства, которое просуществовало ещё сто лет и было завоевано в 547–546 гг. ахеменидским царём Киром Великим.

Философское приложение лингвистических наук в кашмирском шиваизме: лингвистика и метафизика

Интеллектуальные достижения кашмирских шиваитов имеют такую же ценность для истории индийской философии, как работы Гаудапады, Шанкары, Раманужды и Нагарджуны. Исторически школы кашмирского шиваизма сложились довольно поздно, в начале IX в. Теоретиками-основателями этого направления индуизма считаются Васугупта и Сомананда. Другими знаменитыми учителями этой традиции являются Каллата, Утпаладева, Лакшмана, Абхинавагупта, Кшемараджа, Йогараджа и Джайяратха. В конце X в. и в начале XI в. школа достигла наивысшего расцвета, благодаря плодотворной деятельности Абхинавагупты. Последний был хорошо знаком не только с шиваистской философией, но и джайнизмом, буддизмом махаяны, в частности, с *виджнянавадой*. Абхинавагупта был глубоким знатоком санскритской грамматики, поэтики, и эстетики. В его трудах можно отчетливо видеть, как древнеиндийские науки о языке в средневековой Индии применялись в качестве мощнейшего дидактического и герменевтического орудия, с помощью которого лингвистические элементы связывались с онтологическими. Абхинавагупта мастерски пользовался знаниями санскрита и традиционной индийской лингвистики для описания религиозно-философских доктрин кашмирского шиваизма. Метафизические категории он описывает с помощью грамматических категорий. Великий философ применяет традиционную этимологию (*нирукта*) в качестве герменевтической науки для прояснения тончайших положений тантрической шиваитской теологии. Он предлагает уникальный семантический и герменевтический анализ имен и эпитетов богов шиваитского пантеона.

Современная лингвистическая философия могла бы многое почерпнуть из спекуляций Абхинавагупты на тему метафизики языка.

«Гранитное святилище» Тутмоса III и «соляренный алтарь» храма Ахмену: смысловая взаимосвязь

В докладе рассматриваются две постройки Тутмоса III, возведенные приблизительно в одно время в комплексе Карнакского храма: «гранитное святилище» (выстроено в центре Карнакского храма на месте т.н. «Красной капеллы» Хатшепсут) [PM² II, plan XII (1)], и «соляренный алтарь», расположенный в северной части храма Ахмену [PM² II, p. 122, room XXXV].

Примечательно, что оба сооружения имеют ряд общих архитектурных элементов. «Соляренный алтарь» устроен на особом возвышении, к которому ведет небольшая лестница; в восточной стене помещения расположен оконный проем. Такой тип постройки напоминает новогоднее святилище, куда накануне Нового года приносили статуи богов (в Дендере — Хатхор, в Эдфу — Хора) [Kees 1949: 427–442; Daumas 1982: 471]. На рассвете Нового года солнечные лучи проникали в это святилище и освещали статуи (т.н. обряд *hnm Itn* — «единение с солнечным диском»), что символически означало обновление энергии богов [Daumas 1982]. Поскольку постройки Тутмоса III были напрямую связаны с культом Амона-Ра, можно предположить, что статуя этого бога принимала участие в обряде *hnm Itn*, проходившем в «солярном алтаре». Образ Амона-Ра также появлялся в «гранитном святилище», куда процессия жрецов входила с соляренной баркой во время религиозных праздников, таких как Опет и Прекрасный праздник долины.

Как показали исследования Г. Леграна, «гранитное святилище» (как и «соляренный алтарь») имело в восточной стене оконный проем (вместо дверей!), к которому вела небольшая ступенчатая платформа [Legrain 1917: 14–15]. Данное замечание наводит на мысль, что в этом святилище во время соляренных праздников также проводился обряд *hnm Itn* и статую Амона-Ра ставили на платформу так, чтобы лучи солнца, проникая через оконный проем, освящали образ бога.

Продолжая смысловые параллели между «соляренным алтарем» и «гранитным святилищем», заметим, что последнее четко расположено вдоль храмовой оси восток-запад и ориентировано на восход солнца в день зимнего солнцестояния [Gabolde 1998]. Согласно Р.Уэллсу, это время называлось египтянами *mswt-R^c* («рождение Ра») [Wells 1994: 5–23]. По всей видимости, *mswt-R^c* являлся также обозначением I *3ht I* [Parker 1950: 47], т.е. начала нового года, имевшего, таким образом, соляренный характер. И действительно, в основе программы праздника Нового года лежало представление о рождении Ра из тела Нут на рассвете, когда солнце завершает свое ночное путешествие в теле богини неба [Daumas 1982: 468–469]. Это событие — новое рождение солнечного бога — отмечалось на заключительных этапах празднования Нового года и, вероятно, различных праздников в честь Амона-Ра, как, например, Опет.

Вполне возможно, завершающие обряды Опета (проходившие после прибытия процессии из Луксора в Карнак) включали в себя, в том числе, обряд *hnm Itn*, во время которого образ главного храмового бога (в данном случае Амона-

Ра) получал энергию солнечных лучей и затем передавал ее миру. Данное замечание имеет еще одно подтверждение. Как мы говорили, в заключение второй части Опета, проходившей в Карнаке, процессия жрецов вносила барку Амона-Ра в «гранитное святилище» Тутмоса III. В рельефных сценах храма Ахмену мы видим, что изображения участников праздника, идущих из Луксора в Карнак, находятся в северной части Зала праздников и обращены в сторону «солярного алтаря» [PM² II, p. 110 (335–336)]. Исходя из общей планировки Карнакского храма и ее семантики, это может указывать на то, что в реальности праздничная процессия входила в «гранитное святилище», четко соотношенное, таким образом, с «солярным алтарем» храма Ахмену.

Учитывая приспособленность «гранитного святилища» к совершению обряда *hnm Itn*, можно считать, что оно было связующим смысловым звеном между Новым годом и Опетом. Связь этих праздников объясняется также их соотношенностью с явлением разлива Нила: если Новый год, отмечавшийся в первый день сезона Половодья, являлся лишь неким «герольдом» разлива, то Опет справлялся, видимо, непосредственно перед началом разлива или даже во время него (с середины 2-го месяца сезона Половодья) [Bell 1997: 157–158]. Таким образом, Опет являлся своего рода «ответом» Новому году и потому вполне естественно мог вобрать в себя ряд новогодних церемоний, среди которых был, видимо, *hnm Itn*.

Согласно рельефным изображениям Красной капеллы Хатшепсут, на заключительной стадии Опета совершались жертвоприношение Карнакской девятке богов и ритуал повторной коронации фараона Амоном-Ра [PM² II, p. 67(97–121)]. Возможно, последняя церемония имела место после обряда *hnm Itn* образа Амона-Ра и была тесно связана с этим обрядом, поскольку, получая освящение своей власти от Амона-Ра, царь соприкасался с оживляющим солнечным светом, исходящим из тела бога; при этом могло происходить обновление золотой субстанции тела фараона [Берлев 1979: 53].

Итак, обряд *hnm Itn* проходил, видимо, как в «солярном алтаре», так и в «гранитном святилище». Оба эти сооружения играли ключевую роль в праздниках, являясь местами рождения солнечного бога.

Отметим еще один момент. «Гранитное святилище» располагалось среди т.н. Залов подношений Хатшепсут [PM² II, p. 102–107, plan XI, XII (1)]. В мифологическом контексте эти залы можно уподобить Полям подношений, куда прибывал покойный (Руг. 1216а-е) и где останавливалась солнечная барка во время своего дневного путешествия [Piankoff 1942: 20–21]. При этом Поля подношений были связаны с северной частью неба (Руг. 749с-е), т.е. с местом пребывания негаснущих звезд; между тем «солярный алтарь» расположен в северной части Ахмену, которая, если следовать П.Барге, символически является северной областью неба¹. В результате можно выстроить следующую семантическую цепочку: «солярный алтарь»=«гранитное святилище»=Поля подношений. Стало быть, постройки Тутмоса III имели привязку не только к определенному времени (Новый год), но и к пространству загробного мира (Поля подношений).

¹ Имеется ввиду проведенное П.Барге соотношение помещений Карнакского храма с дневным небом, по которому путешествует солнце [Barguet 1962: 336-340].

Гносеологическая природа погребального памятника

В последние годы отмечается усиление интереса к изучению погребального памятника за счет расширения проблемного поля с привлечением материалов и методов широкого круга антропологических дисциплин. Выраженный междисциплинарный характер осмысления феномена погребального памятника обусловлен спецификой его структуры, включающей такие разнокачественные элементы как идеология, обрядовые действие, инвентарь и т.д. (Масон, 1990. С. 85, Ольховский, 1999. С. 88). Соответственно гносеологический потенциал погребального памятника должен проявляться на нескольких уровнях познания. Обобщая данные различных дисциплин можно выделить пять основных факторов, характеризующих гносеологическую природу погребального памятника.

Во-первых, универсальность погребального памятника, которая определяется универсальностью отношения человека к смерти. Погребальная обрядность имманентно присуща человечеству, на это, в частности, указывают мусьерские погребения неандертальцев, счет которых на данный момент ведется на десятки. С.А. Токарев связывает происхождение погребального обряда с врожденными формами поведения. С одной стороны инстинктом опрятности, естественным стремлением избавиться от мертвого тела из гигиенических и санитарных соображений; с другой — желанием сохранить близкого человека, память о нем, инстинктом взаимной привязанности не исчезающим после смерти (Токарев, 1990. С. 162). Характерно, что на амбивалентности в восприятии покойника указывает и психоанализ. По мнению Фрейда, во время потери близкого человека проявляются такие противоположные чувства как нежность и враждебность, печаль и удовлетворение (Фрейд, 2005. С. 107). Поскольку погребальный памятник представляет собой явление общечеловеческое, он принципиально познаваем и открыт для понимания и интерпретации. В этом находит отражение один из фундаментальных принципов методологии исторического познания.

Во-вторых, рефлексивность, т.е. способность погребального памятника отражать различные сферы жизни общества. Зачастую (в случае с комплексом гробницы Цинь Шихуанди, например) погребальный памятник выступает в качестве точной модели культуры. Сама его сущность, предполагает консервацию определенного момента жизни общества, который передается в особой, утрированной форме. Можно сказать, что погребальный памятник является микроскопом культуры. Кроме того, в силу своей специфики он непосредственно связан с характеристиками индивидуальной и культурной памяти. «Если помнящая культура — это прежде всего обращение к прошлому, а прошлое возникает там где осознается различие между вчера и сегодня, то смерть есть первичный опыт такого различия, а память об умерших — первичная форма культурного воспоминания... Память об умерших «коммуникативна», поскольку свойственна всем людям, и в то же время «культурна» поскольку вырабатывает специальных носителей, обряды и институты» (Ассман, 2004. С. 64). Таким обра-

зом погребальный обряд является первым проявлением унификации культуры, что позволяет получать хоть и сильно опосредованную, но достаточно полную информацию не только о заупокойном культе, но обо всех важнейших аспектах жизнедеятельности общества.

Третья характеристика — сохранность. Не после всех погребальных обрядов появляются погребальные памятники. Случаи выставлений, отдельные варианты кремации, водные погребения имеют только теоретическую вероятность быть зафиксированными археологическими методами. И, тем не менее, одна из важнейших функций погребальной обрядности — мемориальная, заключается в стремлении сохранить память об умершем, что вполне естественно проецируется на его останки. Очевидно с этим связано конвергентное распространение такого варианта обращения с телом покойного как мумификация. Достаточно часто погребальный памятник является единственным источником для изучения целой культуры или даже эпохи. Особенно это актуально для изучения мира кочевников.

Изоморфизм — тождественность структуры погребальных памятников — четвертая качественная характеристика гносеологического потенциала погребального памятника. Как отмечает Ю.А. Смирнов «...определенные виды погребений не имеют «исторического детства», ибо их формы повторяются с древности до современности, и уже в период мустье представлен фактически полный набор их основных вариантов» (Смирнов, 1997. С. 13). Структура погребального комплекса, выделенная В.С. Ольховским и Ю.А. Смирновым, практически совпадает — это система, организованная сочетанием четырех составляющих: 1) погребальное сооружение; 2) останки погребенного; 3) погребальный инвентарь; 4) дополнительная некрологическая структура. У В.С. Ольховского первые три составляющих входят в структуру погребения, им также выделяется метаструктура (Ольховский, 1986. С. 65–76).

В тоже время археологически одинаковых погребений не существует. Каждое из них содержит в себе следы ряда уникальных событий связанных с общественной и духовной практикой погребенного, «...ничто так не изменяется в зависимости от этнической принадлежности, возраста, пола, социального положения, как похоронные обряды. Однако во множестве частных вариантов можно выявить основные признаки». (Геннеп, 2002. С. 134–135). Следовательно специфика культуры проявляется в погребальном памятнике в виде различных сочетаний известного набора элементов. Изоморфизм погребального памятника дает возможность эффективно использовать основные методы исторического исследования — системный, генетический, сравнительный, типологический, позволяет проводить масштабные синхронные и диахронные обобщения.

Наконец, пятая характеристика — репрезентативность. В нашем случае значение имеет само количество материалов погребальных памятников, безотносительно генеральной совокупности. Количество исследованных погребений по некоторым территориям составляет тысячи. Массовый источник, позволяет с помощью статистических методов проводить автоматическую классификацию. Независимая систематизация, полученная таким образом, отражает внут-

ренние закономерности, присущие самому материалу, что позволяет получать качественно новый источник информации о прошлом.

Представленные характеристики относятся к различным научным сферам, которые можно обозначить как философская, культурная, археологическая, структурная и статистическая соответственно. Проблема их соотношения видится важнейшей в процессе теоретического осмысления феномена погребального памятника.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
2. Геннеп А. Обряды перехода. М., 2002.
3. Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990.
4. Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. №2.
5. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1.
6. Смирнов Ю. А. Лабиринт (морфология преднамеренного погребения). М., 1997.
7. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.
8. Фрейд З. Тотем и табу. СПб., 2005.

А. П. МОШИНСКИЙ

Дигорская культура и Дигорско-Рачинский металлургический очаг

А.А. Иессен писал об особом очаге местного производства в районе Дигории и Верхней Рачи, по обе стороны Главного Кавказского хребта, продолжавшего существовать и в «кобанское время». Е.И.Крупнов выделил Дигорскую культуру, включающую кроме Дигории Западную Кабарду. Сферу действительности Дигорско-Рачинского металлургического очага он также расширил на западные районы Кабарды, аргументируя это положение наличием там керамического материала, аналогичного дигорскому. Таким образом, как бы признавалось соответствие Дигорской культуры части Дигорско-Рачинского металлургического очага.

Для понятия «археологическая культура» нами с А.Ю.Скаковым была предложена формулировка: «Археологическая культура — это внутренне связанная система оставленных древним населением определенной территории археологических памятников, имеющих значительные черты сходства, обусловленные изначально общими для этого населения традициями».

К настоящему моменту четко выделены присущие Дигорской культуре основные виды артефактов. Установлено наличие устойчивых керамического комплекса и погребального обряда. Совокупность памятников Дигорского ущелья образует внутренне связанную систему, они имеют значительные черты сходства, обусловленные общими для этого населения традициями. Более того, удалось частично проследить динамику развития этой культуры.

Исходя из практической идентичности керамического комплекса, мы можем говорить о единстве происхождения населения, заселявшего предгорную Кабардино-Балкарию и Дигорское ущелье Северной Осетии. В то же время и погребальный инвентарь, и погребальный обряд на этих территориях разительно отличаются. Можно рассматривать Дигорскую культуру как часть северо-кавказской культурно-исторической общности.

Основанием для выделения Дигорско-Рачинского металлургического очага послужило наличие в Дигории и Раче сходных форм металлических изделий. В первую очередь это относится к бронзовым топорам. В обоих регионах распространены подвески в виде бараньих головок сходных форм; птицевидные бляхи с бараньими головками; подвески в полтора оборота округлой, слегка вытянутой формы с приостренными концами; ножи (кинжалы?) с узким подтреугольным клинком, прямыми лезвиями и выделенным черешком.

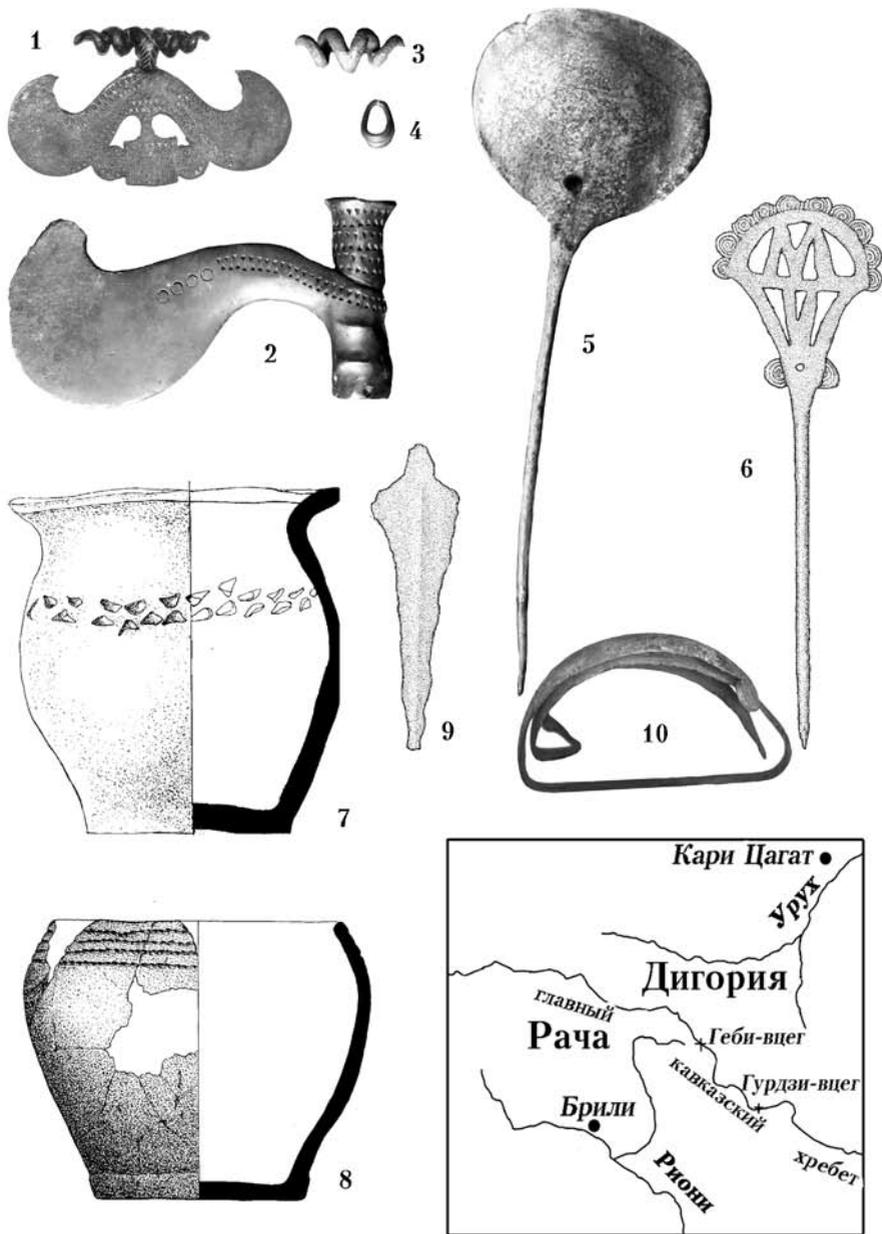
Кроме распространения в Дигории и в Раче ряда сходных артефактов определенное сходство наблюдается и в погребальном обряде. Как в дигорских могильниках, так и в Брильском наряде с ингумацией присутствует и кремация. Определенное сходство можно отметить и в конструкциях погребальных сооружений.

Для того чтобы понять сущность происходивших в Дигории и Раче процессов необходим анализ категорий материальной культуры, которые в наибольшей степени присущи населению в силу традиции. Как известно, таковыми являются лепная керамика и женские украшения. Для Дигории ведущими формами женских украшений являются булавки с ажурными навершиями, булавки с пластинчатым двухвалютным навершием и фибулообразные подвески. Именно эти украшения полностью отсутствуют среди известных нам материалов из Рачи. Там ведущими формами женских украшений являются булавки с дисковидными навершиями и подвески в полтора оборота. Дигорские памятники насыщены керамикой. В Брильском могильнике керамика практически отсутствует. Тем не менее само отсутствие керамики является значимой чертой для южных склонов Большого Кавказа.

Отсутствие в Раче целого ряда женских украшений, определяющих, наряду с керамикой, лицо Дигорской культуры заставляет нас предполагать, что южная граница последней проходила по югу ущелья.

Мамисонский перевал, ведущий из Рачи в Алагирское ущелье более прост для прохода, чем перевалы Гурдзи-вцег и Геби-вцег, ведущие из Рачи в Дигорию. Раскопки Адайдонского могильника в Зарамагской котловине, расположенной в непосредственной близости от Мамисонского перевала, показали, что параллелей с рачинскими материалами там гораздо больше, чем в Дигории. При этом отсутствуют женские украшения, являющиеся маркерами Дигорской культуры. Весьма показательным, что в Айдадонском могильнике керамика представлена весьма незначительно, что характерно для горных памятников южных склонов Большого Кавказа.

Очевидно, что мнение о заселении Дигорского ущелья выходцами из Южного Кавказа абсолютно неправомерен. Несмотря на параллели в металлическом инвентаре и погребальном обряде, керамический комплекс с абсолютной

Дигорская культура и «Дигорско-рачинский металлургический очаг»
 1-5 — Брильский могильник; 6-10 — могильник Кари Цагат
 1-4, 9 — характерно для Дигорши и Рачи; 5 — характерно для Рачи;
 6-8, 10 — характерно для Дигорши

достоверностью свидетельствует о северокавказском происхождении населения, заселившего Дигорию во II тыс. до н. э. Характерные женские украшения говорят о самобытности Дигорской культуры. Тем не менее нельзя отрицать и влияния металлургов, работавших в Горной Раче, на металлургов Горной Дигории.

Общими для Дигории и Рачи были предметы, относящиеся, в первую очередь, к вооружению и к мужской атрибутике. Многие из этих предметов являлись знаковыми в социальном контексте. Дигорские металлурги могли изготавливать престижные предметы по образу и подобию изделий, которые были в ходу у горцев, живших по другую сторону Большого Кавказа.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в Дигории и Раче во II тысячелетии до н.э. существовали две культуры, находившиеся на одном уровне развития. Носители этих культур находились в тесном контакте. В Дигорской культуре существовало высоко развитое металлургическое производство с собственными традициями и особенностями. В то же время ряд изделий, в том числе особо престижных, изготавливался по рачинским образцам.

Возникает естественный вопрос о корректности терминов «дигорско-рачинский металлургический очаг» или «дигорско-рачинский металлургический центр». Говорить о некоем единстве металлургов Дигории и Рачи, выделяющем их из других областей горного Кавказа, не приходится. Параллели в металлических изделиях связаны не с металлургией как таковой, а с социальными и идеологическими моментами взаимоотношений различных по происхождению и традициям племен.

А. Д. НИКИТИНА

Обычаи и нормативные источники в Шумере (влияние шумерских традиций на развитие права во II тыс. до н. э.)

В последнее десятилетие мы можем наблюдать активное обращение к древневосточному юридическому наследию не только отечественных специалистов историков, но и профессиональных юристов, правоведов и даже студентов юридических специальностей.

В своем докладе мы пытаемся восполнить имеющийся пробел, рассмотрев роль обычного права в правотворческой деятельности правителей Шумера (включая III Династию Ура) и царей Иссина, и выявить особенности правовых норм («протонорм»), появившихся в результате подобной деятельности.

Прежде всего нами были изучены правовой практики в рамках частного права (т.н. *di-tilla* — шум. — «судебное решение»). Самые первые из подобных документов появляются в конце III тыс. до н. э. в Лагаше, древнем городе-государстве в Шумере на территории современного Ирака.

Большая часть указанных документов посвящена делам о наследстве, о нарушении брачных контрактов, бракоразводным процессам, обращению в рабство (с попытками доказать незаконность этого акта) и т.д.

В результате изучения указанных правовых документов мы можем отметить, что порядок оформления частных юридических документов, содержащих судебные протоколы, в целом сложился.

Протокол судебного заседания приобрёл тот вид, который он будет иметь на протяжении нескольких тысячелетий (с некоторыми изменениями как минимум до VI в. до н.э.). В начале документа всегда описан юридический случай (причина возбуждения дела). Во второй части фиксируются претензии истца, характеризующие дело. Третья — содержит клятвы сторон и свидетелей, которые также могли дать суду какие-либо показания или пояснения. В последней, четвёртой части перечислялись имена судей, «маш-кима» и «энси» (советников царя — «суккаль-махов»), который мог и не присутствовать на заседании, часто — имена свидетелей, а также ставилась дата (обычно — по году правления царя, или по каким-либо примечательным событиям его правления).

Сравнивая указанные выше правовые документы с источниками публичного права, в т. ч. т. н. реформами правителя Лагаша Уруинимгины (XXIV в. до н.э.), которые были зафиксированы на глиняных конусах (В и С), обнаруженных в последней четверти XIX века на холме Телло (в столице «нома» Лагаша — Гирсу), мы можем выделить следующие отличия:

1) Документ создавался с учётом имевших место злоупотреблений глав общин и царских чиновников. С этим связана и основная идея его создания — понятие «очищение» (*amaargi* — шум., *giuandurâgum* — акк.), или «освобождение», которое, по мнению правителя, приведёт к восстановлению справедливости (т. е. утраченных прав свободных общинников).

2) С большой долей уверенности, мы можем констатировать начало процесса возникновения нормы права (протонормы, которую в современном праве могли бы назвать нормой-обязыванием). При этом, указанная норма права, безусловно опираясь на традиционное обычное право, появляется отдельно от уже существующих и находящихся на более высоком уровне правовой культуры частноправовых документов.

Значительно большее влияние вышеуказанные судебные протоколы оказали на другой источник публичного права — свод законов, который был создан во времена правления основателя III династии Ура царя Ур-Намму (XXII–XXI вв. до н.э.). В этом случае, прецедентные юридические источники, на наш взгляд, успешно дополняют нормативные.

В результате детального изучения упомянутого документа мы можем отметить, что, во-первых, законы применялись судьями для принятия окончательного решения, фиксируя по разным юридическим случаям максимальное наказание для преступника и максимальное вознаграждение потерпевшим; во-вторых, большее количество норм (протонорм) включает в себя элементы «гипотезы» и «санкции».

В начале II тыс. до н.э., с появлением четко фиксированных правовых прецедентов, которым обучались писцы Ниппура, Ура и др. религиозных центров (в дальнейшем они получают название — *Ana ittīšu* (или *hubullu* — акк.)), публичные источники права будут использоваться для создания правовых норм, но только по тем аспектам, которые интересовали верховную власть. Остальные же нормы публичного права не будут носить общеобязательного характера.

Миграции древнеевропейцев на Северный Кавказ в III тыс. до н. э. по данным археологии, лингвистики и мифологии

1. Индоевропейское присутствие на Северном Кавказе с III тыс. до н. э. отмечается как археологами, так и лингвистами. Действительно, материалы археологических памятников III–II тыс. до н. э. указывают на тесную связь Центральной Европы с Северным Кавказом¹.

2. Для определения этнолингвистической атрибуции культур бронзового века Северного Кавказа в работе использована методика атрибуции археологических культур, которая начинается с сопоставления лингвистического портрета пракультуры и ее археологического эквивалента, который соответствует тем же территориальным и временным рамкам. Производные от археологической праиндоевропейской культуры получают статус «индоевропейских» культур, если они соответствуют фактам ареальной лингвистики. Направление миграций индоевропейских культур зависит от локализации прародины индоевропейцев. Однако в этом вопросе нет единого мнения. Автор исходит из концепции локализации поздних праиндоевропейцев в Подунавье и Центральной Европе².

3. Атрибуция археологической культуры лишь как «индоевропейская» уже не может удовлетворять археологов на современном этапе знаний. С помощью ареальной лингвистики, свидетельствующей о контактах индоиранцев, индоариев и праиранцев с финно-уграми³, а также на основании локализации индоарийской топонимики от Трансильвании до Западного Прикубанья⁴ удается определить атрибуцию древнеямной культуры как индоиранскую и праиранскую, а также атрибуцию кубано-днепровской культуры с повозками III тыс. до н. э. как индоарийскую⁵. Иранская и индийская мифология⁶ указывает,

1 Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение дольменной культуры Северного Кавказа. // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. 7. М., 1974. С. 174–198; Николаева Н.А. Выделение кубано-терской культуры ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе. // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С. 97–119; Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный могильник у с. Дзуарикау. // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе (Владикавказ), 1980. С. 18–80.

2 Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

3 Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965; Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 84.

4 Трубачев О.Н. Indoagica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь в соавторстве с А.К. Шапошниковым. М., 1999.

5 Николаева Н.А., Сафронов В.А. Проблема появления колесного транспорта в Восточной Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение кубано-днепровской культуры. // Кочевники Азово-Каспийского междуречья. Орджоникидзе, 1983. С. 43–83.

6 Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983.

по мнению автора, на миграцию индоиранцев с Центральной Европы⁷. Ямная и кубано-днепровская культуры зафиксированы в Предкавказье и в дальнейшем могут быть исключены из числа претендентов на «древнеевропейские».

4. Для установления этнолингвистической атрибуции кубано-терской культуры III/II тыс. до н.э. и культуры новосвободненских дольменов 23–22 вв. до н.э. автор также привлек данные ареальной лингвистики и мифологии⁸.

5. К древнеевропейцам, носителям древнеевропейских диалектов, лингвисты⁹ относят население севера Центральной Европы (предки кельтов, италиков, германцев, балтов, славян), поскольку гидронимия на этой территории была определена Г. Крае как «древнеевропейская». На этом основании все культуры III тыс. до н.э. в этом регионе были определены как «древнеевропейские»¹⁰. Это культура воронковидных кубков (далее КВК: 3500–2200 гг. до н.э.), и производные от нее культура шаровидных амфор (далее КША: 2800–2000) и культуры шнуровых керамик (КШК; 2800–2000).

7. В степных районах Предкавказья раскопаны разнокультурные памятники III тыс. до н.э. Но только культура дольменов Новосвободной и кубано-терская культура могут быть определены как «древнеевропейские».

Связь культуры дольменов Новосвободной с кеми-обинскими и усатовскими памятниками, протобаденскими — производными от КВК, и от КША устанавливается по 28 признакам погребального обряда, форме погребальной конструкции, по всем формам керамики и по 9 признакам технологии производства керамики¹¹. Доминирующий компонент во всех перечисленных культурах связан с центральноевропейскими культурами, т.е. «древнеевропейцами».

Связь кубано-терской культуры с КША и КШК прослежена по 30 формам и типам керамики, по всем 13 формам могильных сооружений¹². Поскольку КВК, КША и КШК — производные от праиндоевропейской культуры и являются древнеевропейцами по языку, то носители кубано-терской культуры

⁷ Николаева Н.А. Мифы как источник по реконструкции индоевропейской праистории. // Восток в эпоху древности. Новые методы исследований: междисциплинарный подход, общество и природная среда. М., 2007. С. 30–31.

⁸ Николаева Н.А. Лингво-археологические реконструкции как форма моделирования исторического процесса в первобытности. // Историческое знание и интеллектуальная культура. М., 2001. С. 204–206.

⁹ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

¹⁰ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

¹¹ Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение дольменной культуры Северного Кавказа. // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. 7. М., 1974. С. 174–198; Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.

¹² Николаева Н.А. Выделение кубано-терской культуры ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе. // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С. 97–119, Рис. 1–7. Николаева Н.А. Северная Осетия в ранне- и среднебронзовом веке. // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов. Археологические источники. М., 1989.

должны также относиться к древнеевропейцам. Хотя приводимые аналогии более чем выразительны, однако они убеждают не всех исследователей-археологов. Расширяя доказательную базу об индоевропейском присутствии на Кавказе в III тыс. до н. э., автор привлек данные лингвистики.

8. В рассматриваемый период население Западного и Центрального Закавказья говорило на пракартвельском и производном от него грузинско-занском языке, в котором отмечены 18 из 40 заимствованных индоевропейцев, получивших развитие в языках славян, балтов, германцев, кельтов, италиков¹³. Следовательно, можно говорить о появлении из Европы на Северном Кавказе в III тыс. до н. э. «неразделенных на отдельные этносы древнеевропейцев».

9. Этот тезис подкрепляется обнаружением на Северном Кавказе синкретичных комплексов, включающих сосуды и топоры как кубано-терской, так и куро-аракской культуры Закавказья, связанных соответственно с древнеевропейскими мигрантами и грузинско-занским населением (Дзуарикау 2/2, 1/15)¹⁴, что также свидетельствует об устойчивых транскавказских контактах населения Закавказья и Северного Кавказа, начиная с последней четверти III тыс. до н. э.

10. Вывод о приходе «неразделенных древнеевропейцев» на Северный Кавказ из Центральной Европы подтверждается и анализом «Нартского эпоса», в котором Ж. Дюмезилем и В.И. Абаевым были выявлены древнегерманские параллели (Бальдр — Локи и Сослан — Сырдон), кельтские сюжеты (Батраз — Кухулин, меч Батраза — меч короля Артура), сюжеты из римской мифологии, мотивы из славянских былин¹⁵. Другими словами, в «Нартском эпосе» представлены сюжеты, встречающиеся в мифологии «древнеевропейских народов» (кельтов, германцев, италиков, балтов), что соответствует лексическим заимствованиям из этого же этнического конгломерата в картвельские языки, а также соответствует типологическим связям материальной культуры центральной части Северного Кавказа конца III–II тыс. до н. э. (Кубано-Терское междуречье) со всеми культурами севера древнеевропейской Центральной Европы (КВК, КША, КШК).

11. Существование «древнеевропейцев» в осетинском языке¹⁶ свидетельствует о том, что древнеевропейцы на Кавказе доживают до появления исторических иранцев, войдя в состав северокавказских иранцев с I тыс. до н. э.. Только существованием этого этнолингвистического слоя в составе иранцев-осетин можно объяснить сохранение древнейшего ядра «Нартского эпоса» до наших дней.

13 Климов Г.В. Древнейшие индоевропейцы в картвельских языках. М., 1994.

14 Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный могильник у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе (Владикавказ). 1980. С. 18–80. Рис. 3, 4, 7.

15 Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976; Он же. Скифы и нарты. М., 1990.

16 Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М. 1965.

Об одном пищевом ограничении для новобрачных (по данным «Ашвалаяна-грихьясутры»)

В одной из глав Ашвалаяна-грихьясутры идет речь о ритуалах, связанных со свадебными церемониями. Даются обстоятельные рекомендации по поводу поведения жениха и невесты в первые дни совместной жизни. Согласно тексту, молодоженам следует спать на земле три или двенадцать ночей, не есть ни острого, ни соленого, соблюдать целомудрие, носить украшения¹. Каждое из этих требований имеет свои объяснения, а в некоторых случаях находит, казалось бы, и всевозможные аналогии как внутри древнеиндийской традиции, так и за ее пределами. К таким общим моментам относится сочетание полового воздержания с какими-либо пищевыми ограничениями. Равно как и использование украшений в качестве оберегов, каковыми они, совершенно очевидно, выступают в данном контексте. Однако сходные на первый взгляд традиции при ближайшем рассмотрении могут иметь совершенно разное происхождение и совершенно разный смысл.

Обратимся к кулинарной составляющей данной части свадебных обрядов, а именно, к исключению из рациона новобрачных острого и соленого (*akṣāralavanam*). О важности кулинарного кода в общей системе используемых в ритуале «языков», в том числе и об устойчивой связи еды и полового акта и о постоянном использовании в свадебных ритуалах еды и напитков неоднократно писалось в литературе². Всевозможные пищевые ограничения типичны для индийской культуры — бытовой и ритуальной, древней и современной. Урезание рациона могло в прошлом и может сегодня принимать всевозможные формы — от постов всякого вида до пожизненного табуирования определенных продуктов. У самих постов могут быть совершенно разные цели — часто гораздо более прагматичные, чем казалось бы естественным человеку иной культуры. Традиционно любой пост предпринимают ради ритуального очищения (к примеру, перед дорогой или после путешествия и в любой иной ситуации, чреватой осквернением), но он же может служить средством, добиться от высших сил получения желаемого (богатства, успеха в начинаниях, рождения сына и т.д.)³. В этом случае, подобно древнему жертвоприношению, пост выступает в роли меновой единицы в отношениях типа «do ut des» между человеком и богами.

Можно заметить, что в большинстве случаев речь идет все же об ограничении списка именно продуктов, а не специй и приправ. Следовательно, вряд ли исключение острого и соленого из рациона следует квалифицировать как классический пост. Тем более что, исходя из конструируемой ситуации и общего контекста, это ограничение не несет в себе очевидных очистительных функций и не способствует достижению конкретных прагматических целей. Вероятно,

1 AG I.8.10.

2 См. например: Байбурина А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб, 1993. С. 86.

3 Бируни, LXXIV

толкование пассажи должно вестись с учетом **общей цели ритуальных действий**, сопровождающих появление в доме молодой жены.

Совершенно ясно, что все рекомендации — по отдельности и в комплексе — напрямую связаны с главной целью обрядов первых дней совместной жизни новобрачных: включения невесты в семью жениха, превращение ее из «чужой» в «свою». Момент перехода, или, точнее, «промежуточного состояния» невесты опасен как для нее, так и для окружающих. Так же как и все эти окружающие, включая обретенного супруга, до поры до времени опасны для нее самое⁴. Соответственно, все предпринимаемые шаги имеют своей целью **обеспечение безопасности** для всех участников ситуации.

Масса примеров ритуальных действий, главная цель которых — обеспечение безопасности в моменты максимальной уязвимости человека, в т.ч. и в свадебной обрядности, существует в культурах разных народов. Обряды свадебного круга, помимо прочего, характеризуются весьма своеобразным поведением новобрачных. Так, в свадебных ритуалах на Русском Севере, обращает на себя внимание нарочитая неподвижность и несамостоятельность невесты⁵ (она специально одевается в бесформенные одежды «похуже», не расчесывает волосы, низко повязывается платком; последнее как бы символизирует «невидение» невесты, и т.п.). Она лишается основных качеств живого человека — способности самостоятельно передвигаться, что-то делать, видеть, говорить, сводя к минимуму обыкновенную, «повседневную» речь. Такая же «бессловесность» характерна и для поведения жениха⁶.

Очевидно, что столь своеобразное поведение главных действующих лиц ритуала, как и их внешний вид, имеют своей целью одно: сделать невесту и жениха как можно «менее заметными», максимально скрыть их от «посторонних глаз». В этом смысле все обрядовые действия являются элементами защитной магии. Возможно, такова же мотивация поведения молодоженов в Ашвалаяна-грихьясутре. С ним связано ношение украшений-оберегов, с ним же, видимо, связано временное воздержание от половых контактов, имеющее соответствующие аналоги в мировой культуре в контексте темы свадьбы⁷.

Но все же, думается, требование отказаться на какое-то время от соленого и острого, не имеет столь широких этнографических аналогий и является сугубо индийской спецификой свадебных обрядов. Сходный контекст присутствует в дхармашастре Ману в рамках темы рациона брахмачарина. Последнему настоятельно рекомендуется воздерживаться от «гаса»⁸. Кажущееся на первый взгляд различие тематики на самом деле не столь кардинально. В литературе неоднократно делались наблюдения об изоморфности взаимоотношений мужа/жены и гуру/брахмачарина⁹. Отмечалось и некоторое сходство рационов ново-

4 Байбурин. Ук.соч. С. 190.

5 Байбурин. Ук.соч. С. 66; Новак Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 2004. С. 190.

6 Байбурин. Ук.соч. С. 67.

7 Ван Геннеп А. Обряды перехода. М., 1999. С.117.

8 Manu II. 177.

9 См. например: Глушкова И.П. Этикет подчинения у маратхов (к постановке проблемы)

брачных и брахмачарина¹⁰. Но в сходных пассажах происходит замена терминов: вместо «соленого и острого» (kṣāralavanaṃ) Ашвалаяна-грихьясутры появляется «gasa» Ману. В переводах дхармашастры Ману на европейские языки преобладает толкование «gasa» как «специи»¹¹.

Однако словари, как правило, в качестве первичного значения «gasa» дают «сок», «жизненный сок» и т.п.¹² В эпоху поздней Древности сам термин встречается не только в дхармашастре Ману, но и в иных текстах жанра смрити¹³. В «Натьяшастре» (шастре театра), как предполагает Ю.М.Алиханова, в названиях рас можно было бы «усмотреть обозначения древних ампула»¹⁴. Но при этом автор обращает внимание и на древнейшие контексты употребления слова, засвидетельствованные в поздневедийской литературе, где оно используется, прежде всего, с исходным значением «сок», «жизненный сок», наконец, «сущность»¹⁵.

Если принять во внимание характер текстов дхармашастр, в первую очередь, дхармашастры Ману, ориентирующейся на систему представлений и понятий не времени своего составления, а именно поздневедийской эпохи, то кажется правильным анализировать рассматриваемый фрагмент, исходя из исходного значения употребляемого термина. В этом случае именно контекст, предлагаемый Ману объясняет весь смысл рекомендаций «Ашвалаяна-грихьясутры».

Еда в представлении индийца и сейчас, как и в древности, способна изменить статус/сущность/качества человека; потребляемая им пища наделяет его определенными качествами, являясь одновременно визитной карточкой его социального (и ритуального) статуса. В этой связи пристального внимания заслуживает представление о приправах (раса) как о некоей сущности, «жизненном соке» и блюда, и человека, его поглощающего. Блюдо, сдобренное приправами (раса), очевидно, наделяет потребляющего его человека своей сущностью.

Вполне естественной в таком случае будет выгядеть мысль о том, что лишенная приправ еда, т.е. не обладающая «жизненным соком», при поглощении не будет наделять никакой сущностью едока, лишая тем самым его «ампула». Иначе говоря, будет делать его «невидимым». Именно эту цель и преследуют многие свадебные обряды.

// Этикет у народов Южной Азии. СПб, 1999. С. 98.

10 Food and Drinks in Ancient India. By *Om Prakash*. Delhi, 1961. P. 41-42.

11 The Laws of Manu. Transl. by *G. Bühler* // SBE, 1886, Vol. 25; Законы Ману. Пер. с санскрита *С.Д.Эльмановича*, пров. и испр. *Г.Ф.Ильиным*. М., 1960; The Laws of Manu. Transl. by *W. Doniger*. London, 1991; The Laws of Manu with *Bhāṣya* of *Medhātithi*. Vol. 1–5.

12 Saft, Geschmack (Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bearbeitet von *Otto Böhtling*. St. Petersburg, 1884). Sap, taste (A Sanskrit-English Dictionary of Sir *Monier Monier-Williams*. Delhi, 1993). От того же санскритского термина происходит название блюда *расам* — настоя перца с добавлением разных компонентов (томатов, лимона и т.д.), приправленных всевозможными специями, придающего разные оттенки вкуса рису.

13 *Алиханова Ю.М.* К истокам древнеиндийского понятия «раса» // Литература и театр Древней Индии. М., 2008. С. 205.

14 *Алиханова.* Ук.соч., с. 221.

15 *Алиханова.* Ук.соч., с. 224–225.

О культуре эллинистического периода и художественных тенденциях в греческом искусстве в преддверии эллинизма

Понятие синкретизм является ключевым для определения эллинистической культуры, хотя по существу характеризует оно вообще всю художественную культуру I тыс. до н. э. Соединение, совмещение, сочетание разнородных составляющих, образующих некое единство, — это то, что присуще многим культурам данной эпохи. Однако в первую половину I тыс. до н. э. результатом подобного соединения был, как правило, синтез, слияние, сплав, благодаря которому рождалось новое художественное качество, новые стили в искусстве (будь-то стиль в искусстве ассирийской державы, стиль персидского искусства времени Ахеменидов или древнегреческого искусства в эпоху архаики). Такой стиль оказывался совершенно особым, новым, оригинальным, неповторимым. Спутать произведения этих художественных стилей невозможно. Иначе было во второй половине I тыс. до н. э. На этом историческом этапе синкретизм уже не достигал высшей своей ступени, не давал синтеза. Сплава различных составляющих уже не происходило. Синкретизм был только соединением, совмещением, но не давал органического единства. Синтез был возможен тогда, когда только формировались новые культуры, стремились к процветанию и репрезентативным стилям в искусстве утверждавшиеся государства. Вторая половина I тыс. до н. э. — это уже другой исторический этап. Это — преддверие эллинистической эпохи, время короткого существования державы Александра Македонского — имперского государства, претендовавшего на мировое значение, и время самого эллинизма, последовавшее за неизбежным распадом этой державы. Последовали столетия временного процветания, творческой активности разных территорий Древнего мира и, вместе с тем, нараставших внутренних противоречий и постепенного угасания самой греческой цивилизации. Ей уже не хватало сил для сохранения определенной целостности и баланса в огромном эллинистическом пространстве, таком многоликом, многообразном в его культуре.

Синкретизм, — действительно, основная особенность эллинизма (если рассматривать этот этап не только в хронологическом, но и в культурно-историческом аспекте). Только теперь синкретизм становится явлением программным. Он определен идеями самого Александра, последовательно создававшего огромную греко-македонскую державу и мечтавшего под влиянием идей греческих философов о единстве разных народов и культур в целостном идеальном государстве. Он хотел и единства в искусстве, и в языке на основе классического греческого наследия и художественной культуры V–IV вв. до н. э. Такой единение культур при приемниках Александра начало складываться в ранний период эллинизма (в III и первой половине II вв. до н. э.), тем более, что элитарные слои древневосточных государств поначалу приняли эллинизацию как благо и не противились ей. Программный синкретизм на этом этапе пока давал свои положительные результаты в разных направлениях, в том числе и в искус-

стве. Главным направлением и доминирующей составляющей в синкретическом единстве пока оставалось классическое греческое начало, но это было только до середины II в. до н. э. Далее нарастает влияние собственных древних культур, причем, на всех восточных территориях, независимо от степени их эллинизации (а она была, как известно, неравномерной изначально). В результате, определяющим в синкретическом единстве становится уже не привнесенное греческое, а традиционное собственное. Вариативность в общей картине эллинистической художественной культуры только нарастает, она становится все более сложной, многообразной и противоречивой.

Любопытно то, что процесс программного соединения, или совмещения разных составляющих и осознанное желание достичь новых художественных результатов на этой основе проявился даже не в IV в. до н. э., а раньше. В IV в. до н. э. он уже очень нагляден в самом греческом искусстве, быстро расширявшем свои контакты с соседними культурами. Поиски, направленные на создание нового панэллинского стиля в греческом искусстве, по существу начались еще во 2-й половине V в. до н. э. в эпоху Перикла, когда разворачивались масштабные работы по созданию мемориального архитектурно-пластического ансамбля на Афинском акрополе, который должен был стать памятником особой значимости для всего греческого мира. Впервые использованное Иктином и Мнесиклом соединение двух греческих ордеров в пределах одной постройки (дорического и ионического вместе) объясняется не только собственно художественными идеями, но и идеями политическими. Традиционно дорическое для Аттики не могло не соединиться здесь с ионийским. Этого требовала сама историческая ситуация, особое значение союза ионийских полисов, во главе которых стояли Афины. Сочетание ордерных систем, которое использовано и в Парфеноне, и в Пропилеях, было первым опытом программного синкретизма. Далее на основе новых идей, действительно, появляется новый архитектурный ордер, названный коринфским (по сути, он представлял собой усложненный вариант ионического), однако он не стал панэллинским. Все три ордера в разных сочетаниях свободно соединялись в греческих постройках IV века до н. э., а в дальнейшем — и в комплексах эпохи эллинизма. Мощное влияние художественного стиля, сложившегося в Аттике во второй половине V века до н. э. (в высоко-классический период) начало стремительно распространяться на разные территории запада и востока, прежде всего, — на районы Малой Азии. Наемные греческие художники и строители работают в IV веке до н. э. повсюду. Особенно интересна их деятельность на территории Македонии (сначала при Филиппе II, а затем при самом Александре). Здесь, при дворе македонских правителей, работали лучшие греческие скульпторы и живописцы (Лисипп и Леохар, Никомах, Филоксен), а также известные своим мастерством мозаичисты, торцевты и ювелиры. Так что идеи Александра об идеальном государстве, универсальной культуре и космополитичном искусстве были навеяны не только мыслями и рассуждениями Платона и Аристотеля, но и политическими идеями Перикла, уже задумывавшегося о единении греческих территорий.

Развитие представлений о загробном мире в текстах и изображениях вельможеских гробниц 5 династии

Важнейшая цель текстов и изображений, служащих оформлением для вельможеских гробниц при 5 династии, как и в более ранний период, состоит в том, чтобы организовать и гарантировать непрерывное жертвенное обеспечение владельца гробницы. Но в это же время в них проявляются и начинают развиваться идеи и мотивы, связанные с загробным миром, существующим за рамками «мира гробницы», в который умершему следует попасть и обеспечить себе благополучное существование. Основной мотив при этом — мотив путешествия, дарование покойному свободы передвижения. Об этом свидетельствует появление и распространение в жертвенных формулах новой «просьбы» — о странствии по дорогам, «по которым шествуют почтенные», а в изображениях — путешествий на лодках и в паланкине. В изображениях мы также встречаем намеки на существование «полей тростника», а в текстах — загробного суда богов. В гробничных надписях впервые появляется имя Осириса, владыки Иного мира. С этим связано также развитие этических идей, поскольку человеку необходимо доказать, что он достоин наилучшей доли после смерти, в загробном мире. Разумеется, речь не идет о том, что эти представления появляются впервые, но очевидно, что в рассматриваемый период они обретают особое значение и поэтому возникает необходимость обозначить эти идеи в изображениях и надписях. Одна из причин этого явления, видимо, состоит в желании сделать шаг в сторону независимости загробного благополучия умершего от регулярного проведения заупокойного культа и помощи живых людей.

Два сюжета на батальную тему из Старой Нисы

На ранних стадиях изучения многие предметы из Большого квадратного дома активно привлекались для характеристики собственно парфянской культуры. Парфянское происхождение приписывалось большинству находок — предметам вооружения, ритонам и даже мраморной скульптуре. Небольшая статуя Афродиты Анадиомены во многих изданиях упорно продолжает называться статуей Родогуны.

С другой стороны все большей популярностью пользуется противоположная точка зрения — найденные в Большом квадратном доме предметы, в основной своей массе, имеют иноземное происхождение. Преимущественно это военные трофеи, пожертвованные местному святилищу. Они отражают не вкусы парфянских царей, а вкусы их политических противников. Для парфян это были лишь иноземные диковины, свидетельства успешных походов в сопредельные страны.

Еще одним подтверждением этой, второй версии могут служить два художественных изделия, обнаруженных в пределах Северного комплекса. Найдены они давно, еще при раскопках ЮТАКЭ, о них имеются упоминания в предварительных публикациях (Массон 1978, с. 143), но объектами специального рассмотрения они никогда не были.

Одно из них — бронзовая пластина, найденная в помещении 16 Большого квадратного дома. Современное местонахождение подлинника мне неизвестно. В архиве ЮТАКЭ о ней сохранились упоминания в ряде отчетных документов и фотография. К моменту находки пластина была уже разломана на три или четыре части. На фотографии эти фрагменты разложены в условном порядке. М.С. Мерсчиев и М.Е. Массон предполагали, что на пластине представлена композиция из двух сражающихся пар. Более внимательное изучение фотографии позволяет предложить иную интерпретацию. На сохранившейся части пластины представлены не две, а три сражающиеся пары. Слева два пехотинца, в центре всадник, намеревающийся поразить копьём противника, поверженного к ногам его коня, справа еще один пеший воин пытается добить или пленить другого поверженного противника. Достаточно уверенно можно определить и этническую принадлежность участников сражения. Особенно наглядно это прослеживается по левой паре. Персонаж с круглым щитом, несомненно, грек, гопплит в доспехе и шлеме беотийского типа. Он вооружен копьём и изображен в активной наступательной позе. Его противник, вероятно, перс или другой персонаж иранского происхождения. Это определяется по просторным штанам, длинным волосам, или головному убору типа башлыка, крупному носу. В левой его руке большой овальный щит с вертикальным ребром жесткости. Мерсчиев и Массон предполагали, что в правой его руке короткий меч, но, судя по манере хватки, это копьё.

В средней части сохранившегося фрагмента находился всадник. Он отломан от пластины-основания, поэтому его соотношение с другими композицион-

ными элементами точно не устанавливается. Наблюдение за контуром обломов позволяет настаивать на том, что задние ноги коня непосредственно примыкали к пластине-основанию, рядом с ногами пехотинца с овальным щитом, а сам конь был вздыблен (осажен). Всадник же намеревался поразить копьём несохранившегося в натуре поверженного противника, расположенного где-то внизу рядом с конем. Во всяком случае, коленопреклоненный персонаж размещался не под брюхом коня, а много правее. Коленом левой согнутой ноги он упирался в поверженного противника. Изображение последнего сохранилось очень плохо.

Изображение всадника недостаточно четкое, но, судя по манере посадки, это кочевник, варвар (можно предполагать, что у него длинные волосы и он в штанах). Коленопреклоненный персонаж определенно грек — он обнажен (героическая нагота), с короткими волосами и изображен в характерной для греческих батальных сцен позе.

Сохранившийся фрагмент (его длина ок. 12 см) — это часть более крупного изделия, накладного украшения на щит или шлем. Пластина-основание, на которой смонтированы все фигуры, в средней части имеет небольшой утолщение. Если предположить, что это центр изделия и оба его «плеча» имели одинаковую длину, то на пластине должно располагаться значительное количество участников битвы. Сохранившийся фрагмент демонстрирует явное доминирование греков (в двух из трех эпизодов). В основу сюжета положена трудная, а от этого и более славная, победа греков над варварами, в данном случае, вероятно, над персами. Греческое происхождение этого рельефа не вызывает сомнений.

В нескольких десятках метров от Большого квадратного дома, в одном из помещений хозяйственного комплекса найдена каменная многогранная печатка. На верхней и нижней ее плоскостях помещены два однотипных изображения. Они также представляют борьбу греков с персами, но это уже взгляд с другой стороны. На прямоугольном поле изображен всадник с копьём, активно атакующий стоящего перед ним пешего воина. Изображение мелкое, детали на фотографии прослеживаются плохо, тем не менее, достаточно уверенно определяется и сюжет — схватка грека-гоплита с конником-персом, и принадлежность этого изделия к числу произведений прокламативного ахеменидского искусства. Принадлежность этого изделия к парфянской эпохе менее вероятна. Возможно, она хранилась как реликвия и принадлежала одному из важных чиновников, принимавших участие в управлении Нисийским комплексом.

Эти две находки важны именно в сопоставлении. Печатка демонстрирует решительность и бесстрашие персов и вообще иранцев в борьбе с греками. Эти идеи были близки парфянам в период борьбы с эллинистическим окружением, но позднее они были вытеснены новыми политическими установками. Бронзовая пластина — еще одно подтверждение инородности большинства предметов из сокровищницы идеологическим установкам и традиционной культуре парфянского общества. Вне сокровищницы ей нет места в нисийском культурном контексте.

Памятники лчашенского типа. Особенности культуры восточного ареала

Начало эпохи поздней бронзы на Южном Кавказе ознаменовано сложением яркой и самобытной металлургии. Хотя эта металлургия имела очевидные местные корни, в ее фомировании важную роль сыграли южные, ближневосточные, импульсы. Историко-культурная общность, объединенная производством великолепных бронзовых изделий, проявлялась главным образом в элитных погребениях, объединенных и особенностями погребальных сооружений и обрядом захоронения. Большинство памятников этого типа сосредоточено в районе к западу, югу и северо-западу от Севана, где они составляли достаточно компактную группу, наиболее яркими представителями которой служат курганы у г. Лчашена, располагавшиеся на северо-западном побережье Севана. В пределах этой группы сосредоточено и наибольшее количество известных в Закавказье печатей митаннийского типа. К северу от отмеченной территории памятники с элементами «лчашенской» металлургии известны на территории Грузии, где они, однако, не образуют столь четкого ареала. Что касается восточных районов Куро-Араксского междуречья, памятников «лчашенского типа» здесь вообще известно не было. Однако за последнее время к востоку от Севана открыты чрезвычайно интересные погребения, позволяющие пролить новый свет на ситуацию в ареале лчашенского металлургического центра. Речь идет о курганной группе, обнаруженной в районе города Шамкира (бывшего Шамхора) у с. Гараджамирли, то есть в непосредственной близости от отмеченного выше ареала памятников «лчашенского типа». Несколько курганов (1, 2, 4, 5) раскопанных, опубликованных и проанализированных азербайджанскими исследователями — Г.М. Аслановым, Ф. Аббасовой, М.А. Гусейновой, И.Н. Алиевым, М.М. Сурхаевым — обнаружили несомненную связь с памятниками лчашенского ареала. Все эти курганы представляют собой элитные захоронения, в инвентаре которых есть и части колесничной упряжи лчашенского типа, и в одном случае (курган 1) и остатки дерева, возможно от колесницы, и бронзовое оружие (курганы 1 и 2), входящее в круг лчашенской металлургии. Тем не менее памятники Гараджамирли имеют ряд особенностей, привлекающих внимание. Так, прежде всего, есть основания считать их наиболее древними из известных на данный момент памятников лчашенского ареала. Основанием для такого заключения служит анализ керамики, тщательно осуществленный авторами публикаций. Керамика эта отличается архаичностью и в подавляющем большинстве принадлежит эпохе не поздней, а еще средней бронзы. Курганы 1 и 2 датированы М.М. Сурхаевым XV–XIV вв до н.э и отнесены к ранней ступени эпохи поздней бронзы, а курганы 4 и 5 по определению М.А. Гусейновой и И.Н. Алиева, принадлежат к рубежу средней и поздней бронзы, к концу XVI–XIV вв до н.э. Наиболее вероятная дата функционирования лчашенского металлургического очага — конец XV–XIV вв. до н.э., что в значительной степени определяется печатями митаннийского типа. До обнаружения новых памятников вопрос

о времени курганов 4 и 5 Гараджамирли остается открытым, так как не менее вероятным представляется продолжение использования архаичной керамики при формировании или заимствовании новых металлургических форм и элементов социально-экономического развития. Интересны и другие особенности курганов Гараджамирли. Так здесь, в отличие от памятников западного ареала, обнаружены не только черепа, но и целые конские скелеты. Это позволяет по иному взглянуть на причины широкого развития подобной погребальной практики в Восточном Закавказье в эпоху поздней бронзы/раннего железа. Определенное своеобразие курганов Гараджамирли проявляется и в таких связях с культурой Ближнего Востока, которые в весьма богатых инвентарем погребениях западных областей Куро-Аракского междуречья зафиксированы не были. Таково наверху, увенчанное фигурой льва, попирающего лежащего человека, и палии в виде львов из курганов 1 и 2. Но наиболее интересный сюжет представлен выполненной белой пастой и состоящей из двух фризов орнаментацией одного из сосудов кургана 5. В верхнем фризе изображены четыре колесницы с треугольным кузовом и большими многоспицевыми (10–13) колесами, запряженными оленем. В нижнем фризе среди геометрических фигур изображена и одна лошадь без следов запряжки. Совершенно необычная для Кавказа практика использования (во всяком случае, ритуального) оленя в качестве упряжного животного имеет прямую аналогию в «погребениях с оленями», раскопанных Я.И. Гуммелем около г. Ханлара. Как известно, здесь были обнаружены, в частности, скелеты двух оленей, положенных по сторонам дышла деревянных повозок или саней. Напомним, что среди скелетов животных, окружавших повозку, один принадлежал лошади. Исследователи курганов 4 и 5 Гараджамирли связывают запряжку оленей в колесницу с упоминанием такой практики в «древних индийских мифах» и рассматривают изображение на сосуде как свидетельство заимствования колесниц на Кавказе из Южной Сибири, где слияние образов коня и оленя неоднократно зафиксировано более поздними археологическими памятниками. Не говоря уже о том, что данные Ригvedы использованы не точно, для доказательства сибирского заимствования кавказских колесниц необходимо выявить условия, обеспечивающие такую возможность, чего пока не сделано. Сомнительным представляется и тезис о присутствии в Восточном Закавказье керамики «андроновского типа». Более правомерно связать колесницы Гараджамирли с лчашенскими, переднеазиатское происхождение которых не вызывает сомнений. Автором доклада уже была высказана гипотеза об отражении в Ханларских погребениях культа, заимствованного из ареала хеттской культуры, а об их создателях как о группе, мигрировавшей на берег Куры из южных районов Западного Закавказья. Ощутимые переднеазиатские импульсы в памятниках лчашенского типа свидетельствуют в пользу данной гипотез. Можно предположить и общее происхождение создателей Ханларских и Шамкирских погребений, особенности которых были обусловлены различием социального статуса и местных условий.

Опыт подводно-археологических исследований Херсонеса Таврического

Древнее поселение Херсонес Таврический — средневековый Херсон (основан в V в. до н. э. и просуществовал до XIV в н.э.) является объектом исследования ученых самых разных областей науки. Несмотря на почти двухсотлетнюю историю исследований города, на сегодняшний момент его общая территория изучена лишь на одну треть.

Значительное место в исследованиях древнего поселения — Херсонеса Таврического, располагавшегося в прибрежной зоне, отводится подводной археологии.

Сегодня совершенно очевидно, что обнаруженные подводно-археологические объекты являются уникальными историческими источниками. Они помогают понять образ жизни ушедших цивилизаций и восполняют лакуны в общем ходе исторических событий. Ярким примером могут служить локализованные в ходе подводно-археологических исследований в акватории современно Севастополя — древнего Херсона — нескольких мест кораблекрушений. Датировка (X в. н. э.) и изучение поднятого материала позволили реконструировать события осады города киевским князем Владимиром и предположить, что Херсон был осажден не только с суши, но и с моря. Письменные источники данный факт не упоминают.

Обнаруженные под водной объекты (датируемые II–X вв. н. э.) позволяют проследить торговые контакты древних херсонеситов и оценить значение и роль города в различные исторические периоды.

Первостепенное значение подводно-археологические исследования приобретают в изучении береговой линии Херсонеса Таврического, подвергающейся постоянной абразии. Измерения сохранившейся части берега, а также исследования подводного ландшафта акватории древнего поселения позволяют реконструировать древнюю береговую линию и в значительной степени восстановить границы городища.

Об этнониме «Сечетиу» Элефантинской стелы Сетнахта

Недавно опубликованный папирус Louvre 3136 позволил автору доклада выдвинуть гипотезу, согласно которой филистимляне впервые появились в Палестине и Египте не после 1190 г. до н.э., когда они были разбиты Рамсесом III, а, по крайней мере, за несколько лет до этого. Текст папируса упоминает наемников филистимлян и *шардана*, которых египтяне использовали в войне против ливийцев в 1193 г. до н.э. Эти данные, по мнению автора, подтверждались и рельефами из заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу, на котором воины в т.н. «перьевых» шлемах (типичная иконография филистимлян и прочих «народов моря» времени Рамсеса III) изображены сражающимися в египетской армии против ливийцев на 5-й год правления Рамсеса III (1193 г. до н.э.)¹. Учитывая факт, что филистимляне уже служили в египетской армии еще до их масштабных нападений на Египет в 1193 и 1190 гг. до н.э., возникает вопрос, когда они могли появиться впервые в Палестине и Египте.

Раскопанный Дж. Таббом в слое XII в Телль ас-Саадийа (центральная долина Иордана) некрополь содержал большое количество захоронений в сосудах и т.н. «двойных пифосах», часто в обложенных камнями ямах. Подобные захоронения были найдены и в других городских центрах Палестины (60 захоронений в Телль-Зерор)². Этот совершенно не характерный для Палестины обряд захоронений позволил Дж. Таббу справедливо приписать данные захоронения «народам моря» и указать аналогии подобному погребальному обряду в Анатолии вплоть до Сард³. Дж. Табб датировал подобные захоронения концом 13 – началом 12 в. до н.э., что указывает на то, что «народы моря» уже присутствовали в центральной долине Иордана перед их нападением на Египет на 8-й год правления Рамсеса III⁴. Таким образом, археологические данные Палестины полностью согласуются со свидетельствами папируса Louvre 3136 и рельефов Мединет Абу, на которые указал автор данного доклада.

В связи с этим к исследованию был привлечен текст Элефантинской стелы основателя XX династии Сетнахта, который описывает смуту в Египте, предшествующую воцарению этого фараона. В тексте стелы упоминается, что в борьбе за престол Сетнахт столкнулся с оппозицией неких мятежников, которые пытались воспользоваться услугами наемников *сечетиу*, призвав последних из

1 Сафронов А.В. Датировка рLouvre 3136 и раннее появление филистимлян в Египте и Палестине. // Труды Государственного Эрмитажа XLV. Петербургские египтологические чтения 2007–2008 памяти О.Д. Берлева к 75 летию со дня рождения. Доклады. СПб, 2009. С. 249–262.

2 Tubb J. Sea Peoples in the Jordan Valley. // Sea Peoples and their World: the Reassessment. Philadelphia. 2000, P. 186.

3 Idem. P. 186, 189. Автор данного доклада привел также аналогии данному обряду погребения, происходящие с северо-запада Анатолии, из района Троады (Сафронов А.В. Упоминание о войне на северо-западе Анатолии в надписях Рамсеса III. // ВДИ. 2006. № 4. С. 131, Прим. 37).

4 Tubb. Op. Cit. P. 192.

сопредельных с Египтом северо-восточных областей. В тексте говорится⁵: [hr hrw.]w hr h3.t=f nhm.n snd=f jb=sn wth=sn r [...] [10] [mj hp.w.t] sf.w bjk hr-s3=sn jw w3h=sn hd nbw [bj3] [11] [hbsw] t3 mrj.(w) jw rdj.n=sn n nn St.tw r wh3 n=w nht.w [12] [...t3]š.w t3 mrj.(w) sh.w=w whj.jw šr.w=w wsf.(w) – «[пали враги] перед ним (Сетнахтом – А.С.), его ужас объял их сердце, бежали они [...] [подобно птахам и] птицам малым, когда сокол позади них. Оставили они серебро, золото, [медь] [11] [ткани] Та-мери (Египта – А.С.), которое они положили для этих *сечетиу*, чтобы искать себе воинов [...] [12] [...] грани]цы Та-мери. Их планы не имели успеха, их угроза отменилась».

Автором доклада на основании ряда косвенных данных было выдвинуто предположение, что термин *сечетиу* (традиционное значение «азиаты») в тексте стелы мог обозначать и племена «народов моря» как обитателей северо-восточных от Египта областей, которые к рубежу 13/12 вв. до н.э., судя по археологическим данным, уже присутствовали в Палестине и немногим позже, при Рамсесе III, напали и на сам Египет⁶. Подобное предположение позволяло связать воедино свидетельства вышеупомянутых рельефов Мединет Абу, данных папируса Louvre 3136 и археологических исследований Палестины и датировать появление филистимлян в Палестине рубежом XIX/XX династий (13/12 вв. до н.э.).

Единственное, что не удавалось обнаружить в поддержку данной гипотезы, так это бесспорное свидетельство того, что обобщенный термин *Сечет-«Азия»* мог маркировать в египетском языке эпохи Нового Царства также регионы, которые традиционно считаются «прародиной» «народов моря» (Эгеида, Южная Греция, западная Анатолия). Однако такое свидетельство все же существует. На одном из пяти постаментов статуй, найденных в 1964 году в заупокойном храме Аменхотепа III в Ком эль-Хетан, содержится список, который перечисляет города и страны Эгеиды, юга Балканского полуострова и запада Малой Азии. В надписях на постаменте имеется любопытная приписка: *t3.w nb(.w) št3.w phw.w n(.j)w St.t* «Все страны сокрытые северных пределов Сечет»⁷. Под припиской стоят топонимы *Kft.w* и *Tn3uw* «Кефтиу» и «Танайу», которые принято отождествлять с Критом и греками-данайцами (Рис. 1). Далее перечислены города Кносс, Фест, Микены, Илион и другие⁸. Судя по этой приписке, районы Эгеиды, Южной Греции и запада Малой Азии, по крайней мере, с 15–14 вв. до н.э. относились египтянами к крайним пределам *Сечет* (Азии). Это подтверждает справедливость утверждения, что под собирательным термином *сечетиу* стелы Сетнахта могли скрываться не только обитатели Сирии и Палестины, но и наемники из «народов моря», которые традиционно служили в армиях правителей Древнего Востока и, видимо, участвовали в смуте в Египте на рубеже XIX/XX династий.

⁵ Транслитерация по: *Seidlmayer S.J. Epigraphische Bemerkungen zur Stele des Sethnachte aus Elephantine. // Stationen: Beiträge zur Kulturgeschichte Ägyptens Rainer Stadelmann gewidmet. Mainz, 1999. Beilage 3a.*

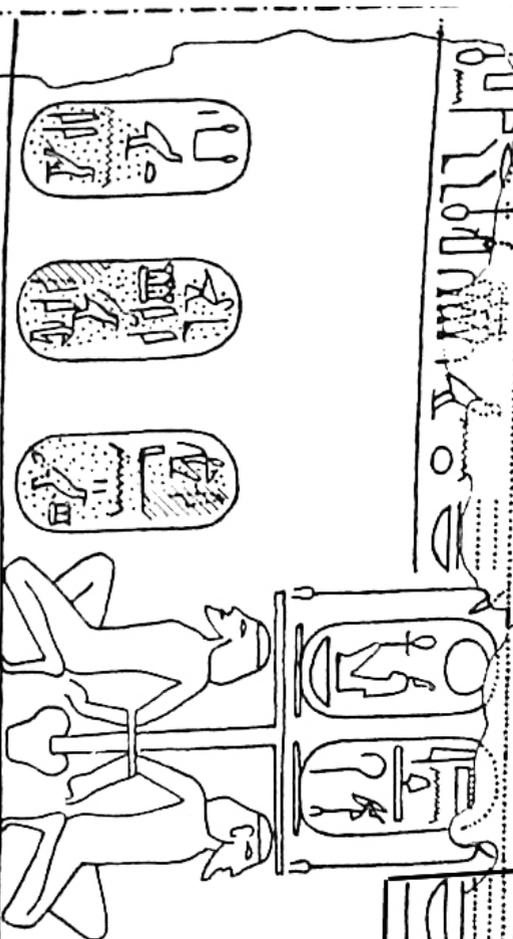
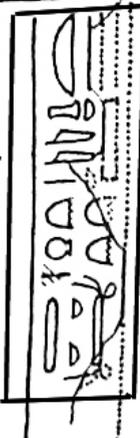
⁶ *Сафронов*. Датировка pLouvre 3136... С. 252–253.

⁷ *Edel E. Die Ortsnamenlisten aus dem Totentempel Amenophis III. Bonn. 1966. Tf. 3, см. также S. 34).*

⁸ *Cline E. Amenhotep III, the Aegean, and Anatolia. // Amenhotep III. Perspectives of his reign. Ann Arbor, 2004, P. 237–238.*

«Все страны сокрытые север-
ных пределов Сечем»

нык пределов Сечем»

Начало списка городов Эеуиу
и веа Балканского подгосстрова

Кефшиу Танаиу

Фрагмент постаментов статуи из заднююкоинного храма Аменхотена III в Ком эль-Хетин (по: Edel E. Die Ortstammlisten aus dem Totentempel Amenophis III. Вост. 1966. Т. 3).

Признаки устного бытования Текстов саркофагов

В научной литературе время от времени высказываются предположения об устном бытовании египетских заупокойных текстов¹, однако, насколько я знаю, никто до сих пор не задавался целью собрать воедино признаки устной традиции, содержащиеся в дошедших до нас письменных источниках. Попытавшись это сделать, мы обнаружим, что таких признаков на самом деле достаточно много, и если каждый из них в отдельности можно попытаться объяснить, не прибегая к гипотезе устного бытования, то, взятые в совокупности, они предстанут в ином свете: множество разрозненных фактов превращается в сложно-составной аргумент в пользу гипотезы, объединяющей эти факты в рамках единой причины.

В целом интересующие нас признаки можно разделить на две группы: признаки, относящиеся к сфере бытования/распространения заупокойных текстов (I), и признаки, присутствующие во внутренней структуре/ткани этих текстов (II).

I.1. Известно, что СТ появляются практически одновременно (при XI династии, в правление Ментухотепа II) в различных центрах. Очевидно, должна была существовать основа, на которую эти тексты ложились, иначе процесс их распространения должен был бы идти гораздо медленнее: если бы в сфере погребального культа эти тексты были новшеством, то, учитывая консерватизм традиционной культуры, их неожиданное появление в разных местах следовало бы считать чудом.

I.2. Анализ текстов, происходящих из разных центров, показывает, что есть случаи, когда текст заклинаний на саркофаге восходит к традиции одного центра (столица), а последовательность, в которой они зафиксированы, — к традиции другого (ближайшего)². Такую двойственность легко объяснить тем, что папирусные списки заклинаний, с которых тексты переносились на саркофаги, могли заимствоваться из более авторитетного центра, а последовательность заклинаний — восходить к той ритуальной последовательности, которая была

1 См., например, Ogdon J. R. *Studies in Ancient Egyptian Magical Thought*, IV. An Analysis of the «Technical» Language in the Anti-Snake Magical Spells of the Pyramid Texts // DE, 13, 1989. P. 59–71; Topmann D. Die «Abscheu»-Sprüche der altägyptischen Sargtexte. Untersuchung zu Textemen und Dialogstrukturen. Wiesbaden, 2002. S. 206; S. Bickel. D'un monde à l'autre: le thème du passeur et de sa barque dans la pensée funéraire // D'un monde à l'autre: Textes des Pyramides & Textes des Sarcophages. Actes de la table ronde internationale «Textes des Pyramides versus Textes des Sarcophages» IFAO — 24–26 septembre 2001. Ed. par S. Bickel et B. Mathieu. Le Caire, 2004 (Bibliothèque d'Étude, 139). P. 91–117; Hays H. M. *The Typological Structure of the Pyramid Texts and its Continuities with Middle Kingdom Mortuary Literature*. Chicago, 2006 (diss.). P. 225–226 и др.

2 Такой случай (асьютский саркофаг S10C, тексты которого восходят к фиванской традиции, а последовательность заклинаний — к традиции близлежащего эль-Берше) разбирался в моем докладе, прочитанном в Санкт-Петербурге в апреле 2007 г. См. М. И. Соколова. Анализ расхождений между различными списками СТ 1–26 // Петербургские египтологические чтения 2007–2008. СПб, 2009 (ТГЭ XLV). С. 269, 272–273.

принята в данной местности. Но каким образом могла распространяться «голая» последовательность, если не в рамках устной традиции?

1.3. Общее количество заклинаний, известных в каждом центре, превышает количество текстов, имеющих на каждом отдельном саркофаге. Устойчивой совокупности текстов не было: все саркофаги демонстрируют разный состав заклинаний. Отсюда следует, что существовало некое множество текстов, из которого делалась выборка, причем каждый раз она была индивидуальной. Зададимся вопросом: чем определялся выбор в каждом конкретном случае? Если предположить, что традиция СТ была сугубо письменной, то мы либо должны допустить «анархию списков» (т. е. произвольный выбор из имеющегося множества, что, однако, противоречит установленному факту: программа отдельного саркофага подчинялась определенной логике³), либо наличие каких-то письменных указаний, число которых должно быть больше либо равно числу саркофагов. Последнее явно абсурдно, ибо очевидно, что сугубо письменная система должна была бы стремиться к унификации для экономии усилий. Неограниченная и не стремящаяся к ограничению вариативность системы при одновременном сохранении в ней внутренней логики — признак устойчивой устной традиции.

1.4. Имеются вариации заклинаний на одну и ту же тему, бытовавшие в разных центрах⁴. По сути, перед нами ни что иное, как явление полиморфизма, описанное А. Б. Лордом применительно к балканской устной традиции: «...обсуждаемые здесь изменения вызваны не воздействием сил, направленных к изменению как таковому..., но постоянным и консервативным стремлением во что бы то ни стало сохранить основную мысль, выраженную в отдельной теме или в группе тем. Вопреки кажущейся очевидности полиморфизм, или многообразии форм, в традиционном творчестве по сути своей консервативен. Это сложное воздействие различных деформирующих сил, направленных на поддержание стабильности, и создает многообразие форм, типичное для бытования песни в устной традиции»⁵.

1.1. Постоянные эпитеты, рефрены и формулы⁶, которыми изобилуют заклинания СТ, — это формальные признаки, указывающие на устное бытование текстов.

3 Доказательству этого положения была посвящена диссертация Х. Виллемса: Willems H. The Coffin of Heqata (Cairo JdE 36418). A Case Study of Egyptian Funerary Culture of the Early Middle Kingdom. Vol. I, II. Leuven, 1996.

4 К таковым относятся, например, заклинания «о воссоединении семьи»: варианты 131–133, 135 происходят из Сиута и Гебелейна, 136–143 — из Берше и Саккары.

5 Лорд А. Б. Сказитель. М., 1994. С. 138.

6 «Рефренами» я называю фразы, которые повторяются на протяжении одной конкретной цепочки заклинаний (пример: «даны мне семья моя, дети мои, братья и сестры мои, отец мой, мать моя, челядь моя вся, со-жители (*dmj*) мои все» — в упоминавшейся выше цепочке 131–133). «Формулами» я называю фразы, которые встречаются в разнородных заклинаниях, не принадлежащих к одной цепочке (пример: «посох мой — в руке моей» — закл. 90 на сарк. из Берше и Фив; закл. 106 на сарк. из Бени-Хасана; закл. 136 на сарк. из Берше и Саккары; и др.).

II.2. Пропуски слов (эллипсис) в диалогах — явление, характерное для устной речи (наблюдение Дорис Топман, сделанное на материале т. н. «заклинаний отвращения»)⁷.

II.3. Избыточность текстов, которые временами содержат массу повторов, совершенно бессмысленных в письменном виде. Яркий пример — фрагмент заклинания 137:

II, 167, d — 172, c:

Если замедлится что-либо в давании мне челяди моей сей в месте всяком, в котором она (находится),

что в Пе, что в Дepe,

тогда будет отнят жезл (?) *hw-jb-tzm* у Pa,

(и) не войдет отборный скот и птица на бойню бога,

что в Гелиополе, что в Вавилоне;

тогда будет отнят жезл (?) *hw-jb-tzm* у Pa,

(и) не войдет отборный скот и птица на бойню бога,

что в Летополе, что в Абидосе;

тогда будет отнят жезл (?) *hw-jb-tzm* у Pa,

(и) не войдет отборный скот и птица на бойню бога,

что в (городе) *ʿb3t*, что в Обители Великих (Тельцов);

тогда будет отнят жезл (?) *hw-jb-tzm* у Pa,

(и) не войдет отборный скот и птица на бойню бога,

что в Панопольском номе, что в Тинисском номе;

тогда будет отнят жезл (?) *hw-jb-tzm* у Pa,

(и) не войдет отборный скот и птица на бойню бога,

что в Тинисе;

тогда будет отнят жезл (?) *hw-jb-tzm* у Pa,

(и) не войдет отборный скот и птица на бойню бога,

что в Нуне;

тогда будет отнят жезл (?) *hw-jb-tzm* у Pa,

(и) не войдет отборный скот и птица на бойню бога,

что на небе, что на земле;

тогда будет отнят жезл (?) *hw-jb-tzm* у Pa,

(и) не войдет отборный скот и птица на бойню бога,

что в воде, что на западе;

тогда будет отнят жезл (?) *hw-jb-tzm* у Pa,

(и) не войдет отборный скот и птица на бойню бога,

что на востоке, что на юге;

тогда будет отнят жезл (?) *hw-jb-tzm* у Pa,

(и) не войдет отборный скот и птица на бойню бога,

что на севере;

тогда будет отнят жезл (?) *hw-jb-tzm* у Pa,

(и) не войдет отборный скот и птица на бойню бога.

Если же (*jr swt*) запечатаны повеления эти добрые [...] (богини) *š-swt* (?), дающей ему челядь его сию,

⁷ См. Topmann D. Die “Abscheu”-Sprüche der altägyptischen Sargtexte. S. 148, 151–152, 206.

что в Пе, что в Дepe,
 (то) жезл (?) *hw-jb-tzm* (будет) у Ра,
 (и) отборный скот и птица — на бойне бога,
 что в Гелиополе, что в Вавилоне;
 (то) жезл (?) *hw-jb-tzm* (будет) у Ра,
 (и) отборный скот и птица — на бойне бога,
 что в Летополе, что в Абидосе;
 (то) жезл (?) *hw-jb-tzm* (будет) у Ра,
 (и) отборный скот и птица — на бойне бога,
 что в (городе)-abAt, что в Обители Великих (Тельцов);
 (то) жезл (?) *hw-jb-tzm* (будет) у Ра,
 (и) отборный скот и птица — на бойне бога,
 что в Панопольском номе (Mnw), что в Тинисском номе;
 (то) жезл (?) *hw-jb-tzm* (будет) у Ра,
 (и) отборный скот и птица — на бойне бога,
 что в Тинисе;
 (то) жезл (?) *hw-jb-tzm* (будет) у Ра,
 (и) отборный скот и птица — на бойне бога,
 что в Нуне;
 (то) жезл (?) *hw-jb-tzm* (будет) у Ра,
 (и) отборный скот и птица — на бойне бога,
 что на небе, что на земле;
 (то) жезл (?) *hw-jb-tzm* (будет) у Ра,
 (и) отборный скот и птица — на бойне бога,
 что в воде, что на западе;
 (то) жезл (?) *hw-jb-tzm* (будет) у Ра,
 (и) отборный скот и птица — на бойне бога,
 что на востоке, что на юге;
 (то) жезл (?) *hw-jb-tzm* (будет) у Ра,
 (и) отборный скот и птица — на бойне бога,
 что на севере;
 (то) жезл (?) *hw-jb-tzm* (будет) у Ра,
 (и) отборный скот и птица — на бойне бога.

П.4. Широкое распространение параномасии, т. е. сопоставления слов по звучанию, тоже является признаком устной традиции, т. к. эта стилистическая фигура зачастую лишена какого-либо конкретного смысла, за исключением звукового уподобления, реализуемого только в устной речи, например:

I, 287, f-h:

Не дам я, (чтобы и дальше) ночевал (*b3n*) ты в имени своем Бену (*bnw*)!
 Поднимись (*tz(j)*) в имени своем "Относящийся к сундуку" (*tzjw*),
 встань (*aha*) в имени своем "Заступник" (*h^cw*).

II, 120, f:

Я — Ужас (*nrgw*), я — Лев (*rgw*), вышедший из членов моих.

П.5. Магические колофоны, т. е. пояснения, где и при каких условиях следует произносить данный текст, — прямые, содержащиеся в самих заклинаниях, указания на их произнесение.

I, 156, h:

Произнесение слов над восемью Беспредельными, написанными желтой краской (*knjt*) и охрой (*stj*) на ладони (*drt*) человека, (знаки которых следует лизать (*nsb*) каждый день (на) рассвете.

Последний пример показывает, что некоторые заклинания, входящие в состав СТ, вообще, по-видимому, не были «специфически заупокойными текстами»: возможно, они попадали на саркофаги вкупе с другими заклинаниями, сопровождавшими тот или иной ритуал, вершившийся как на земле, так и в потустороннем мире умершего⁸.

П.6. В непосредственной связи с последним наблюдением находится еще одно явление: в примечании 6 я упоминала о формулах, которые встречаются в разных, не связанных между собой заклинаниях. На самом деле, единая фразеология выходит далеко за рамки одного корпуса заупокойных текстов. Так, Х. Виллемс обратил внимание на то, что в двух группах заклинаний Текстов саркофагов, параллелей которым нет в Текстах пирамид, — речь идет о заклинаниях воссоединения семьи (131–146) и обращении сына к отцу против преждевременной смерти (30–41) — содержатся цитаты из Текстов пирамид⁹. А Х. Хейс в уже упоминавшейся статье «The Worshipper and the Worshipped in the Pyramid Texts» приводит примеры сходных фраз в карнакском храмовом ритуале и Текстах пирамид¹⁰. Очевидно, что в силу параллелизма между Текстами пирамид и Текстами саркофагов его примеры нетрудно распространить и на саркофаги. В силу краткости данных тезисов приведу лишь один пример: к сопоставлению Moret, *Culte divin journalier*, эпизод 38 и РТ 81 (Руг. 56а) можно добавить СТ VII, 135, е (934).

Очевидно, что это явление, носящее общий характер, легче объяснить бытованием фраз «на слуху», нежели их выборочным переписыванием из текста в текст.

Остается добавить, что тема устного бытования заупокойных текстов требует не только конкретных аргументов, но и обсуждения ряда вопросов, которые невозможно вместить в краткий формат тезисов, а именно: каково соотношение между письменной и устной традицией, как совмещается с идеей устного бытования роль жрецов-чтецов, которые читали тексты со свитков, все ли заклинания имеют устное происхождение, как делить признаки устного бытования на генетические и функциональные (т. е. признаки, указывающие на происхождение и на декламацию) и др.

⁸ Одно из самых ранних наблюдений об общности храмовых и заупокойных культов было сделано А. Морз, см. Moret A. *Le rituel du culte divin journalier en Égypte d'après les papyrus de Berlin et les textes du temple de Sêti Ier, à Abydos.* P., 1902. P. 190. В последнее время об этом много писал Я. Ассман, см., в частности: Assmann J. *Egyptian Mortuary Liturgies // Studies in Egyptology. Presented to Miriam Lichtheim / Ed. by Sarah Israelit-Groll.* Vol. 1. 1990. P. 1-45; Assmann J. *Altägyptische Totenliturgien.* Bd. 1, 2. Heidelberg, 2002, 2005. Из новейших работ на эту тему интересна статья Hays H. M. *The Worshipper and the Worshipped in the Pyramid Texts // SAK 30, 2002. S. 153–167.*

⁹ Willems H. *Les textes des sarcophages et la démocratie: éléments d'une histoire culturelle du Moyen Empire Égyptien.* P., 2008. P. 213-214, n. 179.

¹⁰ Hays H. M. *The Worshipper and the Worshipped in the Pyramid Texts.* S. 159–167.

Киш в контексте месопотамской истории III тыс. до н. э. (от триумфа до фиаско)

Киш возник как поселение на берегу Евфрата в Средней Месопотамии в эпоху Джемдет-Наср (3200–3000 гг. до н.э.), а, возможно, и ранее, ибо зондаж в районе холма Ингарра позволил получить материалы, датируемые временем культур Эль-Убейд и Урук (конец V–IV тыс. до н.э.).

Археологи обозначают его руины как Западный Киш и идентифицируют с холмом Тель-Охеймир (в 14,5 км от Вавилона). Чуть позже Киш соединяется с поселением Хурсагкаламма в 3 км 200 м к востоку от него: это, по определению археологов — Восточный Киш, руины которого располагаются под холмом Ингарра. Стимулами к подобному синойкизму послужили прирост населения, расширение застройки, способствовавшей сближению населенных пунктов, а также присоединение к культу бога-воителя Забабы, покровителя Киша, культ богини плодородия и тоже воительницы Иштар (покровительницы Хурсагкаламмы) в целях обеспечения взаимного благополучия городов.

Согласно гипотезе И. Гельба, в I Раннединастический период (РД-I — 3000–2750 гг. до н.э.) Киш играл роль лидера, главы политического объединения не только Южной и Средней Месопотамии, но и, возможно, Северной Сирии (контакты с Мари и Эблой). Не исключена и его заглавная торговая роль. Его процветанию способствовали стратегически и экономически выгодное местоположение и возможность контролировать ирригационную систему — основу жизни. Но тезис об «империи Киша» выглядит модернистски.

В РД-I правила I династия Киша (23 правителя-лугаля), из которых самым знаменитым был Этана, известный по мифу о полете на крыльях орла на небо, где он от богов получил «растение рождения» и «царственность» (*nam lugal*), что подняло Киш в глазах как современников, так и потомков на невиданную высоту.

В период РД-II (2750–2600 гг. до н.э.) Киш вел достойную жизнь, свидетельством чего является строительство двух дворцов — первых образцов шумерской монументальной светской архитектуры, т. наз. «погребения с колесницами» с богатым погребальным инвентарем и человеческими жертвоприношениями. Однако необдуманно затеянный военный конфликт с Уруком привел к пленению урукитами правителя Киша Агги, воцарению там Месилима, царя Авана, ставшего обладателем престижного титула «лугаль Киша». На этом этапе Киш теряет гегемонию, но не теряет надежды вернуть ее в борьбе номов.

Период РД-III (2600–2350 гг. до н.э.) И.М. Дьяконов определяет как борьбу «всех против всех». Соперниками Киша выступают Ур, Урук, Лагаш, Адаб и Мари. Кишу дважды удается на короткое время вырвать гегемонию у Авана и Мари. Город в это время все-таки строится: главный холм Ингарры

сохранил руины двух зиккуратов. Но и кладбищ обнаружено многовато, что не удивительно для военного времени.

Период РД-III заканчивается для Киша трагедией. Правитель Уммы и Урука Лугальзагеси, собрав армию подчиненных ему 50 правителей Шумера и претендуя на титулы «лугаля Киша» и «лугаля страны», наносит поражение Кишу.

В 24 в. до н. э. для Киша наступает период «отказа от амбиций». На территории Кишского нома образуется Аккадское царство со столицей в г. Аккад (Агаде), с новым царем Саргоном, который побеждает Лугальзагеси, восстанавливает Киш, но низводит его до положения среднестатистического города своего царства. Последний всплеск, последняя попытка Киша вернуть былую славу и власть произошла в правление внука Саргона Нарам-Суэна. Киш выбирает из своей среды вождя — Ипхур-Киша, сажает его на царство, заручается помощью правителей ряда других городов и поднимает восстание против Аккадской династии, но терпит полное фиаско.

Крушение гегемонии и всех амбиций не помешало Кишу прожить весьма долгую жизнь при всех режимах политической власти, смене этносов и религий на территории Месопотамии. Город просуществовал до 7 в. н. э. и превратился в гряду больших и малых холмов, протянувшихся вдоль древнего русла Евфрата в пустынной местности и подвластен теперь только археологам.

Ф. И. ТЕР-МАТИРОСОВ

Предание о Паруйре Скайорди и Скифское царство в Передней Азии¹

В истории скифов спорной темой была локализация скифского царства в VII в. до н. э. на Переднем Востоке. Дошедшие до нас источники по рассматриваемому вопросу неполны. Наиболее часто используются данные Геродота оставившего краткую историю о господстве скифов над Азией. В Библии «царство Ашкеназ» упоминается без уточнения месторасположения. Важным источником о скифах в Передней Азии, учитывая их синхронность происходившим событиям, являются ассиро-вавилонские документы. В труде историка V в. Мовсеса Хоренаци «История Армении» имеются сведения о Паруйре Скайорди (т. е. сыне скифа) как о первом царе Армении. Наиболее распространено мнение, что скифское царство находилось в Закавказье, основанное на сведениях Геродота о сражении здесь скифов с мидянами. Однако в данном сообщении имеется сжатие событий и сжатие представлений. Так для начала VII в. до н. э. Геродот уже

¹ Данная тема была предметом обсуждения с Э. Грантовским и Д. Раевским во время всесоюзной научной конференции в г. Орджоникидзе, а в 1994 г. была опубликована в N1-2 «Историко-филологическом журнал» АН АрмССР в статье «Скифское царство в Передней Азии и исторические основы предания о Паруйре Скайорди как царе Армении».

предполагал господство мидян над Азией. Исследование материалов памятников Закавказья показало наименьшую вероятность локализации здесь «Скифского царства». Сообщения Страбона и Плиния о Сакасену — плодородной области исторической Армении в правобережье р. Куры, связаны с более поздними походами саков. Высказывались предположения о нахождении «Скифского царства» в Приурмийском регионе, в Каспие или в Каппадокии. Локализация «Скифского царства» непосредственно по соседству с Мидией крайне сомнительна, так как скифское царство упоминается еще в период могущества мидян в начале VI в. до н. э. Область Гамирк в Каппадокии, согласно древним преданиям, связана с локализацией киммерийцев. В арменоведении предполагалось, что потомок скифов Паруйр-Партатуа оказал мидянам помощь в разгроме Ассирии, за что получил царский венец в 612 г. до н. э. и организовал царство в стране Арме, а одноименность стран Арме и Армении послужила поводом для восприятия Паруйра армянским царем. Форма имени Паруйр предполагает исходную парфянскую форму Paḡod, которую нелегко возвести к древнеиранскому Paratatava. По мнению Э.А. Грантовского, более точно это имя звучит как Prtatava(h), означая могучий в битве или обладающий боевой мощью. У Хоренаци Паруйр назван современником Сарданапала и союзником мидийского царя Варбака. Имя Сарданапал (искаженная форма имени Ашшур-бану-аплы, 668–635 гг. до н. э.) восходит к Ктесию и Евсевию Кесарийскому. В противопоставлении Паруйра с Сарданапалом надо видеть стремление армянского историка показать армянского царя противником осуждаемого в Библии ассирийского царства. Сравнительное сопоставление списков мидийских царей у Геродота, Ктесия и Хоренаци выявили соответствие царя Арбакиса — Арбака царю Мидии Фраорту — Каштарити (675–653 гг. до н. э.) и к времени упоминания скифского царя Партатуа. Это согласуется с отнесением Хоренаци убийства ассирийского царя Синахериба (в 681 г. до н. э.) к времени Ишпака, возможно, отца Партатуа. Партатуа упоминается в запросе царя Асархаддона к оракулу бога Шамаша и у Геродота. Запрос Асархаддона отмечает начальный этап союза скифов и ассирийцев, завершившегося браком царя скифов с ассирийской царевной. Сведения Геродота показывают, что этот союз отсрочил гибель Ассирии. Переход Партатуа на сторону Ассирии способствовал прекращению наступления мидян, но не помешал созданию «мидийского царства». Заключение союза скифов с Ассирией произошло после гибели Ишпака, союзника Мидии, еще не имевшего царского титула. В запросе Асархаддона, еще до момента заключения союза ассирийцев со скифами, Партатуа уже именуется царем скифов. То есть, принятие царского титула произошло еще в период союзнических отношений скифов с мидянами. Можно с уверенностью предположить, что в ритуале коронации Партатуа важную роль играл мидийский царь Фраорт, что согласуется с сообщением Хоренаци о венчании Паруйра царем маров Варбаком. Переход Партатуа на сторону Ассирии отражал политику скифской знати на укрепление царской власти. В это время, на восьмой год правления Асахаддон организует поход против Шубрии. Основной причиной войны явилось наличие в Шубрии мятежной ассирийской знати и царевичей, оспаривавших царский престол. Сведения

Вавилонской хроники, показывают, что реляция о захвате на восьмой год горной страны Шубрии в декабре месяце 672 г. до н.э. было написано в соответствии с официальной пропагандой. В действительности же Шубрия сохранила независимость. Есть косвенное свидетельство, что скифы во главе с Партатуа оказали помощь Ассирии в разгроме Шубрии в 671 г. до н.э. Победная реляция была написана от лица Асархаддона, что обозначает личное участие царя в походе. Интерес вызывает в реляции Асархаддона о разгроме Шубрии отрывок: «...они полонили... его добычу... доставили ко мне», который свидетельствует об участии в походе против Шубрии союзных с Ассирией войск, которыми могли быть только скифы. Судя по тому, что ассирийцы вывели с территории Шубрии плененное население, скот и имущество, можно предположить, что территория Шубрии досталась скифам как военная добыча. Территория для организации «Скифского царства» была нужна по идеологическим представлениям Древнего Востока, в которых понятие «царская власть» связывалась с владением землей. Расположение «царства» позволяло скифам совершать походы на Ближнем Востоке. Возвышение Мидии привело к разгрому «Скифского царства» и уходу основной массы скифов на север через территории ослабленного государства Урарту. Оставшаяся часть скифов, стала одной из составных частей армянского этноса, привнеся с собой легенду о первом царе Партатуа, венчанного мидийским царем. С течением времени эта легенда уже воспринималась, как историческое предание о первом царе Армении. С воцарением в Армении представителей парфянской династии Аршакидов произошло сведение в единый свод исторических записей, существовавших в Армении и архивах соседних стран, а также исторических легенд и преданий Армении. Вероятно так сведения о «Паруйре сыне Скайорди первом царе Армении» дошли до Мовсеса Хоренаци, который включил их в свою «Историю Армении».

Техника инкрустации золотом по серебру и железу в V–IV вв. до н. э. (по материалам из Филипповского могильника)

Раскопки курганного могильника у д. Филипповка, проведенные Приуральской экспедицией ИА РАН в 2004–2009 гг., дали замечательные результаты. В том числе, там были обнаружены многочисленные находки, сделанные из драгоценных металлов. Коллекция этих находок включает и предметы, выполненные в традициях ахеменидского изобразительного стиля. Особое место среди них занимают вещи, при изготовлении которых была использована техника инкрустации золотом по серебру и железу.

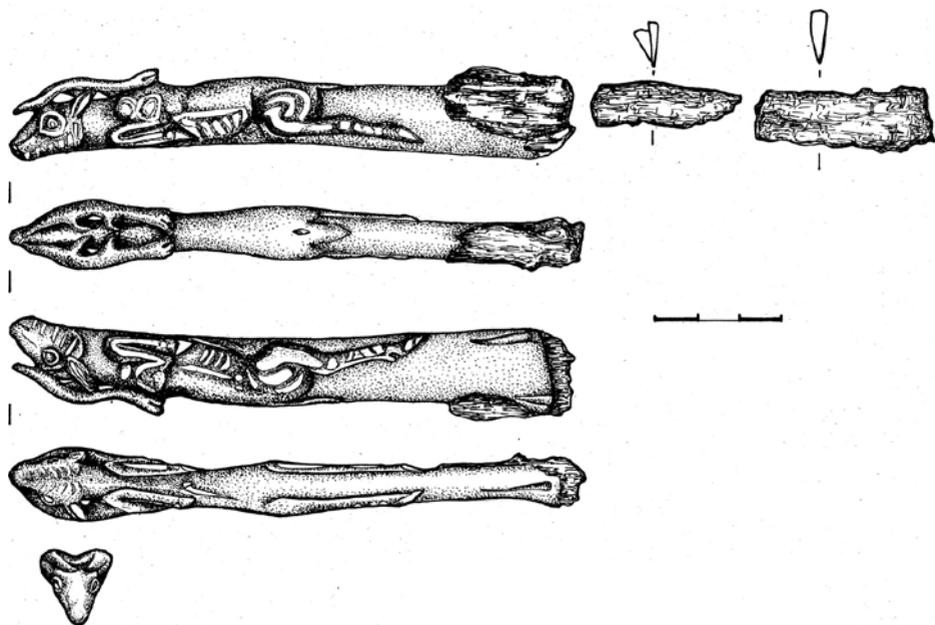
Техника инкрустации серебряных изделий золотом засвидетельствована в ахеменидской металлообработке, по меньшей мере, с VI в. до н. э. Это отчетливо видно, в частности, на серебряных сосудах, которые были инкрустированы фризами из золотых пластинок с изображениями персидского царя, воинов, птиц или розеток.

Находки из Филипповки представляют разнообразные по форме и назначению предметы: серебряные колчанные крюки, железный меч, серебряная рукоять ножа в виде фигуры оленя, миниатюрный железный нож. Так, декор золотом железного меча, миниатюрного железного ножика и серебряных колчанных крюков бы выполнен в, так называемой, технике врезной таушировки, когда золотые проволоки или пластинки вколачивались внутрь высеченных в теле изделия углублений (или вклеивались в них, как на одном из колчанных крюков). Углубления для инкрустации золотом могли оттискиваться еще на восковой модели, а золотые вставки, подчеркивающие элементы тела животного, фиксировались в углублениях на амальгаме (или ртути), что подтверждается анализом микропробы, взятой с границы золотой вставки, и содержащей золото, серебро и ртуть. Таким образом была выполнена золотая инкрустация на серебряной рукоять железного ножа. В некоторых случаях, как на железном мече, анализ золота позволил выявить включения платины, осмия и иридия. Это позволяет диагностировать местное, приуральское происхождение металла.

Значительная часть предметов из Филипповки предположительно принадлежит к местным формам, характерным для раннесарматской эпохи Южного Приуралья. Однако, серебряная рукоять ножа в виде фигуры оленя из погребения 5 кургана 4 этого могильника заслуживает специального внимания. Материал инкрустации, по данным микрорентгенспектрального анализа, включает около 84% золота, около 14% серебра и небольшое количество меди. Поверхность рукояти была преднамеренно покрыта сернистым серебром почти черного цвета для контраста с золотой инкрустацией. Рукоять ножа из Филипповки находит близкую параллель в рукояти ножа, вырезанной из кости гиппопотама, найденной в кургане Дедетепе (Северо-Восточная Турция), погребение в котором датируется 480–460 гг. до н. э. Принадлежность рукояти ножа из Дедетепе к произведениям ахеменидского искусства подтверждается среди прочего выде-

ленным низким рельефом задней части туловища, приемом, который мы часто можем наблюдать на ахеменидских ритонах, амфорах-ритонах или на ювелирных украшениях. Вместе с тем, трактовка отдельных элементов фигуры оленя из Филипповки (глаза, уши, суставы, поверхность плеч и т. д.) не соответствует канонам собственно ахеменидского стиля. Хотя серебряные фигурки животных, которые использовались чаще всего в виде ручек сосудов, часто украшались золотом, золотой декор серебряной рукояти из Филипповки отличается от них и по форме, и по технике орнаментации. Формы золотых вставок рукояти ножа, лезвия миниатюрного ножика, меча и колчаных крюков из Филипповки скорее напоминают вставки на кинжале из кургана Иссык в Казахстане.

Таким образом, рукоять ножа из Филипповки не может быть трактована, как пример собственно ахеменидского «международного стиля». Хотя очевидно, в качестве образца для подражания при производстве филипповской рукояти выступало изделие первой половины V в. до н. э. малоазийской мастерской, работавшей в ахеменидском стиле. Нам неизвестно точно, кто сделал эту рукоять. Особенности стилистического исполнения и техники золотой инкрустации не исключают возможности, что она могла быть выполнена в провинциальной ахеменидской мастерской, где мастер пытался использовать ахеменидские прототипы, но с учетом вкусов степного заказчика.

Серебряная рукоять из кургана 4, погр. 5 (прорисовка И. В. Рукавишниковой)

Кому был посвящен Пергамский алтарь?

Пергамский алтарь — выдающееся сооружение древнего Пергама, важнейший образец представительской архитектуры династии Атталидов эллинистической эпохи. Алтарь был построен пергамскими братьями-царями Евменом II и Атталом II около 167–159 гг. до н.э., когда территория Пергамского царства достигла наибольшего размера и город являлся важнейшим ведущим политическим и культурным центром на территории Малой Азии и вообще греческого Востока.

Алтарь представляет собой высокое П-образное двухъярусное здание размерами 36х34х9м с широкой парадной лестницей. Верхний ярус был украшен ионической колоннадой, внутри которой находился алтарный дворик. Строение находилось на особой террасе ниже соседнего храма Афины. От улицы терраса со всех сторон была ограждена стенами.

Наружный фасад алтаря опоясан в нижней части рельефным бордюром высотой в 2,30 м и длиной в 114 м, состоящим из толстых мраморных плит. Сюжет изображения на фризе — мифологическое сражение богов с гигантами, т.н. «гигантомахия».

Маленький фриз дворика представлял легенду об основании самого города сыном Геракла Телефом.

Алтарь традиционно называют «алтарем Зевса» (Майер 1983, с. 66). Предполагается, что он был посвящен именно отцу богов, в первую очередь из-за изображенной на четырех плитах сцены битвы, где представлен глава олимпийских богов Зевс. Сама фигура Зевса — одна из лучше сохранившихся фигур фриза.

Но прямых свидетельств относительно посвящения алтаря Зевсу не имеется и, таким образом, данное название является не вполне корректным.

О том, что алтарь был кому-то посвящен, указывают два фрагмента надписи, некогда нанесенной на плиты архитрава (Heilmeyer, 1997, S. 188–189). На каждом камне сохранились по пять высеченных букв, которые составляют следующим образом:

[... βα]σιλίσσ[ης ... ἐπι τοῖς γεγενημένοις ἀγαθ[οῖς]
(сын) царицы ... за (оказанные) благодеяния

Указанная царица — Аполлонида, мать Евмена II.

К сожалению, не сохранились имена тех, которым посвятили сооружение. Следовательно, выяснение вопроса о посвящении алтаря требует внимательного рассмотрения ряда различных архитектурных, художественных и литературных деталей.

На возможность посвящения главному божеству — Зевсу могут указывать следующие детали.

— Зевс — самая большая фигура фриза. Он представлен высоким, полубогаженным, с превосходно развитой мускулатурой. Размашистым движением кидает он молнии в своих противников-гигантов. Как самый мощный бог, он сражается одновременно с тремя гигантами, пока соратники его справляются лишь с одним или двумя противниками.

— Необычное расположение рельефной группы Зевса на алтарном фризе. Она размещена на главной (восточной) стороне алтаря, где находятся и другие главные олимпийские божества. Однако, находится она не в самом центре фриза, как обычно положено главным персонажам художественного сюжета, а на правой половине, ближе к северу. Это месторасположение соответствует месту главного входа — простого прохода-спуска с улицы на алтарную террасу, расположенного напротив фигурной группы в восточной стене террасы (Kunze, Kästner, 1985, с.23; Heilmeyer 1997, с. 82). Войдя через вход на террасу, древний посетитель в первую очередь видел фигуру Зевса, главу олимпийских богов. Такое намеренное размещение рельефа с изображением Зевса напротив главного входа указывает на повышенное значение бога для памятника.

Четыре рельефных изображения орлов Зевса, размещенные по разным местам фриза.

— Один представлен на восточном фризе рядом с Зевсом, с распростертыми крыльями, сражающимся с гигантом Порфиром;

— Второй изображен на южном фризе у фигурной группы с богиней Реей. У орла крылья полураскрыты, и он сидит на хвосте священного льва — верховного животного богини;

— Третий орел представлен на южном боковом фризе парадной лестницы, с полураскрытыми крыльями, сражающимся со змееногим гигантом;

— Четвертый орел находится напротив третьего, на северном боковом фризе лестницы, он так же сражается со змееногим гигантом. (Kästner, 2007, с. 285–289).

Вместе с тем, необходимо отметить целый ряд других деталей, которые указывают на возможность посвящения алтаря другому божеству, а именно Афине.

— Изображение богини на алтаре тщательно продумано и этим уникально для этого времени. Высокая, вооруженная богиня размашисто шагает вперед, хватая крылатого гиганта за волосы и отрывая его от матери-земли Геи, лишая тем самым его источника силы. Таким образом, художник показывает Афину в двух ее образах — как богиню войны, так и богиню мудрости. Столь большое значение, придающееся выделению обоих образов, доказывает значение и высокий статус богини в городе.

— Афина была покровительницей города Пергама. Предание гласит, что культ Афины в данном регионе (Мизии) был введен жрицей Афины Авгой, матерью Телефа, легендарного основателя города (Еврипид. Фраг. 265–282, 6).

— Размер храма Афины указывает на значение этой богини для города, ведь он в эллинистическую эпоху был самым большим храмом Пергама. Стоит отметить, что размеры храма Зевса гораздо меньше размеров храма богини (Ноерфнер 1997, с. 29).

— Месторасположение террасы алтаря указывает на связь с храмом Афины, так как она располагалась рядом и немножко ниже храма.

— На прямую связь с храмом Афины указывает тот факт, что здание алтаря построено на одной линии со зданием храма — т. е. алтарь по всей вероятности был связан с этим храмом (Kunze, Kästner, 1985, с. 23; Rohde, 1976, с. 17).

— Обнаружены в Пергаме базы с надписями принадлежавшими статуям жриц богини Афины. Судя по всему, статуи стояли на террасе алтаря (Kunze,

Kästner, 1985, с.30), что тоже указывает на прямую связь сооружения с данной богиней.

— Строительная программа Атталидов, в частности в II в. до н.э., была четко направлена на прославление города Афины. Атталиды сооружали в Афинах разные памятники и монументальные сооружения: стоя Аттала II, стоя Евмена II, колоссальные статуи Аттала и Евмена в честь победы Евмена на Панафинейских играх 178 г. до н.э. В собственном городе Евмен II пристроил к храму Афины новые парадные пропилеи. Надписью „ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΕΥΜΕΝΗΣ ΑΘΗΝΑΙ ΝΙΚΗΦΟΡΩΙ“ он посвящает их приносящей победу Афине. В пергамской библиотеке, размещенной в северных залах колоннады храма, была поставлена колоссальная статуя Афины. Это была не обычная статуя Афины, а копия известной работы Фидия — статуи Афины Парфенос (Rohde 1976, с. 15).

— В традиции изображения гигантомахии в рельефе и вазописи наблюдаются тенденции, идущие с классического периода. Художник сосредотачивается на одной группе богов — Зевс-Афина-Геракл, либо только на одной богине Афине. Именно она изображается чаще всего одна, без всяких соратников, в борьбе с одним или с несколькими гигантами (LIMC 1988).

— Изображение Афины Пергамского алтаря сильно повлияло на стиль рельефного изображения богини Гекаты на храме конца II в. до н.э., посвященном ей в Лагине (Кария). Поза Гекаты полностью соответствует позе Пергамской Афины (Schober, 1933).

Несмотря на их количество, данные аргументы в пользу Афины не доказывают того, что алтарь был бесспорно посвящен именно ей. Стоит учесть и возможность посвящения алтаря нескольким богам, например, Зевсу-Афине-Гераклу и даже то, что он служил в качестве панэллинистического памятника всем богам.

Рассмотрение здесь ряда разных деталей, касающихся алтаря и его фриза, показывает не вполне верный характер традиционного названия «алтарь Зевса». И хотя при нынешнем уровне знаний об алтаре окончательно этот вопрос решен быть не может, в целях точности стоит употреблять более нейтральное название, например, «Пергамский алтарь» или «Большой алтарь Пергама».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Kästner, V. // Scholl, A., Platz-Horster, G. Die Antikensammlung — Altes Museum, Pergamonmuseum. Mainz 2007.
2. Heilmeyer, W.-D. (ред.) Der Pergamonaltar — Die neue Präsentation nach Restaurierung des Telephosfrieses. Tübingen/Berlin 1997.
3. Hoepfner, W. Die Architektur von Pergamon // Heilmeyer, W.-D. Der Pergamonaltar — Die neue Präsentation nach Restaurierung des Telephosfrieses. Tübingen/Berlin 1997.
4. Kunze, M., Kästner, V. Der Altar von Pergamon. Hellenistische und römische Architektur. — Antikensammlung III. Berlin 1985.
5. LIMC = Gigantes // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Bd.4. Zürich/München, 1988.
6. Майер, Г. П. Государственные музеи Берлина, ГДР. Москва, 1983.
7. Rohde, E. Pergamon — Burgberg und Altar. Berlin, 1976.
8. Schober, A. Der Fries des Hekataions von Lagina. // *Istanbuler Forschungen* 2, 1933.

Цветовая символика в культуре Туркестана (I–II тыс.н.э.)

1. Цвет, точнее семантика цвета — как будто совсем не занимают историков, хотя в некоторых ситуациях (изучения ритуалов или искусства) отдельные значения того или иного цвета традиционно отмечают. В последние десятилетия в среде психологов и культурологов оформилось целое направление — *цветоведение* или *хроматизм*, которое справедливо определяют как «междисциплинарное изучение человека в реальном цветовом окружении» (Миронова, 1984; Серов, 1997; Базыма, 2001 и др.). Но для историка в этом утверждении всё же остаются не вполне ясными по крайней мере два вопроса: что такое цвет в свете современных научных разработок? И как его использовать в качестве исторического источника?

Последние изыскания в области цветоведения свидетельствуют, что часть информации, которую несёт цвет, человек воспринимает на рациональном уровне (сознанием), а остальная её часть, которую формальная логика игнорирует, всё же воздействует на человека, но не через сознание, а через его подсознание, передавая сущностные *архетипические* идеи бытия посредством символов (Арнхейм, 1974, гл. 7 и др.). Таким образом, для нас важно отличать понятие цвета как выражения эмоционального (бессознательного) состояния человека (что является предметом психологии, физиологии и др.) от *проблемы цвета как символа*, образованного сочетанием подсознательного восприятия (архетипов по Юнгу) и их сознательной трактовки. Эти последние и являются предметом изучения историка, поскольку интерпретация символов опирается на обыденный опыт людей и их религиозно-мифологические воззрения. Символическое использование цвета было своеобразным «языком», традиционным способом передачи идей и душевных состояний на всем протяжении культурной истории человечества, но особенно — в архаических и средневековых обществах. В современной культуре цветовосприятие уже редуцировано, символика цвета обеднена или вовсе утрачена, архетипические смыслы стерты и замещены сиюминутными, субъективными, «земными» толкованиями, правда отчасти «цветовой код» всё же сохранился в т.н. традиционных культурах позднего времени, которые исследует этнография.

2. Интересующий нас больше всего период древности имеет много общих черт в восприятии цвета у разных народов. Для их изучения важно учитывать следующую закономерность. Анализ восприятия цвета позволил психологам различать объективную и субъективную его стороны: субъективная составляющая — личностные предпочтения цветов, связанные с деятельностью сознания человека, а объективная составляющая восприятия устойчиво связана с архетипами подсознания. В исторической перспективе субъективная составляющая повидимому была в древности не столь актуальна, как сейчас, и в цветовосприятии доминировала объективная составляющая, причем, хроматические свойства архетипов — в мифах, ритуалах, произведениях искусства — многие тыся-

челетия сохраняли *трансцендентный смысл*, независимо от места, времени и уровня культуры (Серов, 1997). Выдвинута даже гипотеза о трех этапах развития цветового символизма (в соответствии с критерием *степени сакральности* цвета), выделены: *космологический* этап (от первобытности до античности), когда цвет был символом и фактически отождествлялся с мировыми силами и началами; *богословский (религиозный)* этап (от античности до возрождения), когда цвет символизировал уже лишь отдельные признаки высших сил или стихий, явлений; и, наконец, *социально-психологический* этап (новое и новейшее время), когда цвет становится выразителем качественных характеристик человека или социально-политических структур общества (Б.Базыма, 2001).

Кроме этого, во многих древневосточных традициях также было представление о священном, *сакральном цвете*, который обычно ассоциировали со светлым, монохромным и устойчиво-упорядоченным Верхом — в противоположность Земному миру, полихромному и хаотичному. Иногда, если Мир представляли трехчленным, подземная его часть, Низ — также воспринимался как сакральный и монохромный, но уже темный, (часто черный — пещера) и опасный. Та же закономерность выявлена и филологами на материале античной литературы с той разницей, что там обе тенденции ещё и четко коррелируют с идеей Прошлого («ахроматические» изображения у Гомера) или с Настоящим временем («полихромные» описания).

3. Поскольку архаическому мышлению присуще, как известно, преимущественно ассоциативное, а не причинно-следственное восприятие окружающего мира, то и каждый конкретный цвет даже в пределах одной традиции обычно «указывал» на разные свойства и качества, состояния и признаки цветного объекта. Получалось, что содержание каждого цветового символа было чрезвычайно наполненным и совсем не однозначным, а часто и противоречивым в конкретных ситуациях (например, черный цвет — мог символизировать и смерть, и половую любовь). Ещё сложнее сравнивать цветовую символику в разных традициях, потому что аспекты сравнения многочисленны и разноплановы: от геосимволики и связи конкретного цвета с прошлым, настоящим или будущим — до указаний на связь цвета с состоянием материи (её напряжением, теплотой или холодом) либо на соотношенность его со стихией Добра или Зла, с положительными или отрицательными эмоциями и нравственными качествами. Так что историкам культуры остается лишь выявить эти «разные традиции», но пока вся эта тематика разработана столь незначительно, что первые суждения и гипотезы, основанные в силу обстоятельств лишь на отрывочных, кратких и довольно противоречивых данных, требуют неустанного накопления материалов и постоянной проверки.

Для Туркестана могут быть актуальны, как минимум, *мусульманская традиция* цветовосприятия (возможно и предшествовавшая ей и отчасти унаследованная среднеазиатским населением *зороастрийская традиция*), а также *буддистские представления* середины I тыс. н.э. (Аджина-тепе, Кара-тепе и др.) и более поздний ламаистский вариант, возможно, частично воспринятый туркестанцами вследствие монгольского завоевания 13–14 в. Именно в этих координатах и будет в докладе рассмотрен туркестанский материал.

Алалах и Хатти в эпоху сирийских походов Хаттусили I

Согласно тексту «Мужественных деяний Хаттусили», на второй год, описываемый в этом источнике, приходится первый хеттский поход в Сирию, в ходе которого был разрушен город Ал(х)алха, давно отождествлённый с Алалахом (современный Телль Атчана) благодаря употреблению в хеттской версии часто встречающегося в богазкёйских текстах названия сирийского топонима¹. Никто из исследователей, кроме Олбрайта, Корнелиуса, Гиорградзе и Аветисяна, после обретения «Мужественных деяний Хаттусили» не думал подвергать сомнению связь указания этого источника на разрушение Алалаха с концом Алалаха VII. За отнесение сообщения летописи Хаттусили к Алалаху VII косвенно может говорить указание «Осады Уршу» на холодное время года, когда происходила осада Уршу (КВо I 11 ЛС¹ 19'), следующего города на пути Хаттусили I в этом походе после Алалаха. Из раскопок Алалаха мы знаем, что разрушенная крепость VII слоя была восстановлена после прошествия одной зимы². Уничтожение северо-западных ворот через поджог должно говорить за атаку Алалаха VII извне в связи с устройством крепостной башни, которую было легче поджечь нападающим извне, чем изнутри³, что свидетельствует против предположения Вулли о восстании как причине уничтожения города, хотя не исключено, что восстание охватило город после взятия северо-западных ворот войсками Хаттусили I, поскольку предпосылки к нему имелись⁴. Возможно, имел место предварительный сговор Хаттусили I с лидерами алалахской оппозиции. Едва ли он мог бы быть отражён в царской летописи, ведь отмечавшаяся исследователями концентрация внимания текста на личности царя⁵ едва ли позволила бы автору описать факт сговора хеттского царя с сирийцами. Это связано с моделью взаимоотношений между хеттами и сирийцами на первых порах — в годы максимального отчуждения Сирии при одностороннем военном проникновении хеттов, заметного на материале хеттских источников.

В летописи ничего не говорится о способе преодоления городских укреплений Алалаха, однако мы знаем об осадных башнях как одном из главных осадных орудий хеттов. Данные «Осады Уршу» говорят против их применения в Алалахе. Здесь они могли не использоваться из-за мощного наклонного гласиса, не позволявшего использовать штурмовых башен нападающим⁶. Считается, что для взятия города хетты также обычно использовали таран, подкоп или поджог ворот⁷. Таран, видимо, не применялся в Алалахе по тем же причинам, которые не предполагают употребления здесь и башни, исходя из данных «Осады Уршу», хотя при

1 Otten H. Keilschrifttexte // MDOG. 1958. Bd. 91. S. 78. Anm. 14.

2 Вулли Л. Забытое царство. М., 1986. С. 75.

3 Ср. Там же. С. 60.

4 Там же. С. 71.

5 Hoffner H.A. Jr. Histories and Historians of the Ancient Near East: The Hittites // Or. 1980. Vol. 49. Fasc. 4. P. 298f.

6 Вулли Л. Ук. соч. С. 58.

7 Bryce T.R. Hittite Warrior. Oxf., 2007. P. 43.

осаде Уршу таран использовался (КВо I 11 ЛС¹ 13⁷). Если использовался подкоп, его следы едва ли можно теперь обнаружить, но исключать вероятность такового не следует, тем более, ввиду того, что две стены дворца были городскими стенами на земляном валу⁸, это был наиболее доступный путь для осаждавших во дворец, который показывает удивительно мало жертв нападения для штурма⁹. Таким образом, после поджога крепостных ворот хеттами в Алалах либо вспыхивает заранее подготовленное по сговору с неприятелем восстание, либо часть хеттских войск синхронно вторгается через заранее подготовленный подкоп в царский дворец, причём первое из двух допущений, объясняющих малочисленность жертв во дворце, кажется более вероятным. За наличие у Хаттусили I союзника при штурме Алалаха может говорить и то обстоятельство, что «Мужественные деяния Хаттусили», многоречиво рассказывающие о приношениях обильной добычи из походов хеттским богам, не упоминают о таких приношениях во втором году походов. Мы знаем, что алалахский храм VII слоя перед сожжением был полностью ограблен¹⁰, и это никак не отразилось в хеттской летописи. Вероятно, часть добычи, имевшая отношение к культу, досталась не Хаттусили I, а кому-то другому — той самой мятежной местной оппозиции, благодаря которой ему достаточно легко удалось овладеть городом. Отношения этой оппозиции с хеттами должны были строиться не на доверии, а на временной блокировке, что очень хорошо показывает случай с Ирияей, пообещавшим хеттам помощь при осаде Уршу, но не оказавшим её, что крайне возмутило хеттского царя (КВо I 11 ЛС¹ 28⁷-30⁷).

Поход второго года Хаттусили I был задуман как первый шаг к контролю над некоторой частью Сирии, возможно, обусловленному необходимостью обезопасить торговые пути, но замысел удался лишь частично и, закрепившись в Киликии, хетты не смогли захватить ни одного опорного пункта в Сирии, а вскоре были вынуждены поспешно отступить в предвестии угрозы из Ханигальбата.

На шестом году своих походов Хаттусили I вернулся к активным действиям в Сирии, о чём нам рассказывает «Текст о походе на Хассуву с упоминанием Цукраси алеппского» (СТН 15). Придя в Сирию в первый раз с запада, Хаттусили искал себе союзников на востоке, и вполне вероятно, что теперь, ограничив сферу своей экспансии с востока по Африну и нанеся лишь упреждающий удар к западу от реки разрушением Царуны, он стремился заручиться поддержкой западных городов — Зальвара и Алалаха. Вместе с тем, не похоже, чтобы Зальвар стал надёжной опорой хеттов в регионе, как это произошло и с Каркемишем, но в этой борьбе у Хаттусили всё же был союзник в Сирии — ЛИКАСКАЛЬ, противостоявшем правителю Хашшу с противоположной стороны, чем хеттский царь (КВо VII 14 ЛС 8-9). С противоположной наступлению хеттского царя стороны находился Алалах, где после смещения Аммитакума II, как мы видели, к власти могли прийти представители местной оппозиции, склонные к сотрудничеству с хеттами. Вероятно, на почве совместной борьбы с Ямхадом второй раз происходит блокировка этих алалахских деятелей, одним из которых был ЛИКАСКАЛЬ, с Хаттусили I. Примечательно, что в битве при Адалуре выходцы из Алалаха действуют с обеих сторон: правителю Хассуву на помощь пришли

8 Вулли Л. Ук. соч. С. 62.

9 Там же. С. 71.

10 Там же. С. 68.

из Хальпы военачальники Цукраси и Халути. Цукраси (или Зуграши) — это хурритское имя¹¹, а ЛИКАСКАЛЬ — не хурритское, а, учитывая то обстоятельство, что хурриты составляли один из компонентов населения Алалаха¹², мы можем констатировать принадлежность Цукраси и ЛИКАСКАЛЯ к различным противоборствующим группировкам в Алалахе и считать Цукраси, совершившего при Аммитакуме II карьеру до поста начальника воинов-редумов UGULA UKU.UŠ¹³ (AIT *6:28)¹⁴, сохранившим последний высокий пост при бегстве после свержения Аммитакума II к Яримлиму III, при дворе которого он, судя по включению его в число свидетелей завешания о престолонаследии в Алалахе при сохранении сюзеренитета Ямхада, пользовался доверием. Вместе с тем, никакой этнической подоплёки в выборе Хатгусили союзников в Сирии не могло быть, учитывая, что он сотрудничает с Зальваром, преимущественно хурритским городом, тогда как Хашшу был более семитским¹⁵, и под дополнительным подтверждением принадлежности ЛИКАСКАЛЯ и Цукраси к разным алалахским группировкам ввиду их различной этнической принадлежности мы понимаем лишь то, что это едва ли указывает на их родственные связи.

Таким образом, Хатгусили I, испытавший в конце правления ряд потрясений в результате сотрудничества собственной оппозиции с иноземцами, сам активно взаимодействовал с оппозицией своего внешнеполитического противника в начальный период своего правления.

11 Laroche E. *Les noms des Hittites*. Paris, 1966. P. 212: № 1566.

12 Гиоргадзе Г.Г. Хетты и хурриты по древнехеттским текстам // ВДИ. 1969. № 1. С. 72. Среди известных жителей Алалаха VII хурритов насчитывают около $\frac{3}{8}$, см. Вильгельм Г. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 39.

13 Спорным является чтение данной идеограммы, поскольку Вайзман первоначально читал UGULA ŠANGA (Wiseman D.J. *The Alalakh tablets*. L., 1953. P. 33), Куппер склонялся к чтению UGULA SUKKAL (Kupper J.-R. Рец. на: Wiseman D.J. *The Alalakh tablets*. L., 1953 // *BiOr*. 1954. V. 11. № 3/4. P. 118), а Ландсбергер прочитал спорное место как UGULA AGA.UŠ (Landsberger B. *Assyrische Königsliste und "Dunkles Zeitalter"* // *JCS*. 1954. V. 8. № 2. S. 52), где AGA теперь также транслитерируют как UKU, ср. Borger R. *Assyrisch-babylonische Zeichenliste*. Neukirchen-Vluyn, 1988. S. 144: № 347. Аргументация Банненса за отказ от синхронизма Цукраси во многом основана на возврате к чтению Вайзмана и пониманию положения Цукраси как начальника жрецов, и считая его, как и выделяемых им остальных трёх Цукраси гражданскими фигурами, что, по его мнению, говорит против отождествления какого-либо из известных при Аммитакуме Цукраси с халапским военачальником в битве при Адалуре, см. Bunnens G. Was There a Military Officer Named Zukraši in the Alalakh Texts? // *AbNahrain*. 1994. V. 32. P. 96f. Вместе с тем, на наш взгляд, именно чтение Ландсбергера является верным, поскольку приводимые Куппером и Банненсом параллельные к их чтениям знаки гораздо менее похожи на наш, и даже если принять критерием отсчёта не взаимное расположение клиньев, а лишь их взаимную последовательность, то контраргумент двух горизонтальных серий (*Ibid*, p. 97) не может считаться серьёзным, поскольку начало второй мы видим в автографии, а конец знака UKU, равно как и знак UŠ оказываются в лакуне, допустимость которой и за гранью этой стороны таблички вполне допустима при сравнении нашей строки с 21-ой. При этом наиболее похожим на наш знак является именно UKU в AIT *374:6.

14 О карьере Цукраси ср. Gaál E. On the chronology of Alalah level VII // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio historica*. 1982. T. 22. P. 33f.

15 Astour M.C. *Les hourrites en Syrie du Nord. Rapport sommaire* // *RHA*. 1978. T. 36. P. 5 avec n. 43sq.

Динамика языка древнеперсидских текстов и социолингвистическая ситуация в ахеменидском Иране¹

Письменные памятники эпохи Ахеменидов не только позволяют выявить основные черты древнеперсидского языка, но и наводят на предположения о лингвистической и социолингвистической ситуации в древнем Иране. Поскольку текст каждого времени фиксирует относительно синхронное состояние языковой системы данного хронологического уровня (с возможной архаизацией «высокого штиля»), у нас есть возможность проследить динамику письменного языка.

Известно, что письменный древнеперсидский язык стремительно изменялся. Так, в языке текстов Дария I (522–486 гг. до н.э.) еще налицо унаследованное из праиранского состояния флективное склонение (хотя и с меньшим количеством падежей, чем в праязыке) и спряжение (хотя и с более скудным инвентарем форм), древние синтаксические функции падежей, порядок слов в определительном сочетании. Однако начиная уже с текстов Артаксеркса I (465–424 гг. до н.э.) наблюдается перестройка синтаксиса определительных сочетаний по среднеперсидскому и новоперсидскому типу — с постпозицией определения определяемому (и с подразумеваемой вставкой элемента «который» — праобраза *изафета*), ошибки в написании падежных форм (см. текст A¹ [Kent 1950: 153]). Далее в текстах Артаксеркса II (404–359 гг. до н.э.) и особенно Артаксеркса III (359–338 гг. до н.э.) нарастают примеры инновационных определительных сочетаний, ошибок в употреблении и написании падежей. Как неоднократно отмечалось в литературе, это свидетельствует об омертвелости древней падежной парадигмы, о приближении языка составителей текстов к среднеперсидским нормам и о том, что составители поздних текстов уже слабо владели древнеперсидской грамматической системой (см. например [Kent 1950: 24, 98–99; Brandenstein, Mayrhofer 1964: 89; Соколов 1979: 255, 283; Szemerényi 1980]).

Особенно значимо в этом отношении изменение генеалогических формул. Их сопоставление в текстах Дария I [Kent 1950: 116] и Артаксеркса III [Kent 1950: 156] показывает, что даже такой, казалось бы, шаблонный текст у Артаксеркса III отличается вопиющими ошибками в написании падежных окончаний, сбоями в функциях падежей, использованием поздних определительных конструкций и другими отклонениями от древней грамматической нормы, хотя и с вставкой некоторых древних трафаретных оборотов (подробнее [Эдельман 1987: 160–161]).

Поскольку «омертвление» падежей и инновационные определительные сочетания фиксируются уже в текстах Артаксеркса I, то бросается в глаза стремительность ухода из языка древней именной морфологии, невероятная с точки зрения исторической лингвистики. После окончания царствования Дария I до

¹ Работа подготовлена по Программе Секции языка и литературы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации». V. «Лингвистические аспекты исследования текста». Проект «Текст и языковые процессы в переходные эпохи».

начала царствования Артаксеркса I прошло всего около 20 лет, и даже до упомянутого текста Артаксеркса III — менее 130 лет. Даже с учетом общей для иранских языков тенденции к упрощению древней флективной системы, в условиях нормальной этнолингвистической ситуации именная морфология за такой короткий срок не могла отмереть (ср. именную морфологию русского языка — литературы XIX в. и современного).

Налицо внелингвистические причины. Ближе всех, как кажется, подошел к их объяснению О.Семереньи в статье 1980 г. «Порча языка — результат имперского возвеличения?», однако он усматривал в этом процессе результат воздействия на писцов царской канцелярии норм арамейского языка [Szemerényi 1980: 213–214]. С этим можно согласиться для конкретных составителей текстов. Вместе с тем, такое же резкое «упрощение» падежной системы почти до нуля (кроме рудиментов генитива) с утратой рода, потерей таких языковых «тонкостей», как косвенные наклонения глагола, с генерализацией определенных синтаксических оборотов, описательных структур и с целым рядом других признаков аналитизма, — наблюдается в истории персидского языка в целом (а также других языков юго-западной группы). Арамейский язык царской канцелярии едва ли мог наложить такой отпечаток на широкие массы населения.

Можно предположить сочетание двух социолингвистических причин.

1. Явление пиджинизации обиходного древнеперсидского языка, аналогичное пиджинизации ряда других языков мира при общении носителей престижного языка с «низшими» массами (подробнее [Эдельман 1988: 60; 2000: 41]). Древнеперсидский — язык господствующего этноса, а затем и государственный (в условиях жестко централизованного государства), стал (в уже опрошенном, пиджинизированном виде) языком общения его носителей с носителями других языков, а затем и общенародным.

2. Явление диглоссии, свойственное составителям ранних текстов — эпохи создания письменности, но частично измененное позднее. Ранние писцы могли в быту пользоваться уже обиходным языком «низкого» стиля, однако знали (помнили) древний нормированный язык «высокого» стиля и применяли его на официальном уровне. Позднее — с естественным уходом знатоков древней нормы — элементы обиходного стиля поднялись на «высокий» — официальный уровень.

ЛИТЕРАТУРА:

Соколов С.Н. Древнеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

Эдельман Д.И. Взаимодействие языковых уровней в истории иранских языков // Иранское языкознание: Ежегодник 1982. М., 1987.

Эдельман Д.И. Некоторые вопросы сравнительно-исторической морфологии иранских языков // Вопросы языкознания. 1988, № 6.

Эдельман Д.И. К реконструкции социолингвистической ситуации древнеиранского мира // Вопросы филологии М., 2000, № 2 (5).

Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des altpersischen. Wiesbaden, 1964.

Kent R. Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1950.

Szemerényi O. Language Decay — the Result of Imperial Aggrandisement? // Recherches de lingu. Hommages à Maurice Leroy. — Bruxelles, 1980.

О вещах переднеазиатской и закавказской традиции в Ульских курганах

Ульские курганы среди знаменитых памятников скифского времени Прикубанья в хронологическом отношении занимают промежуток между Келермесскими и Семибратними курганами. Древнейший Ульский курган 1/1908 синхронен келермесским курганам Шульца, которые сейчас датируются временем близким к рубежу VII–VI вв. до н. э., а позднейший курган 11/1983 датируется V в. до н. э. и имеет ряд параллелей среди уздечных наборов с ранними Семибратними курганами. Если учесть что в крайних в хронологическом отношении курганах отсутствуют изделия, имеющие переднеазиатско-закавказское влияние, то можно сказать что Ульские курганы относятся к тому периоду, когда в Закавказье прекратили функционировать урартские мастерские и не еще не возникли мастерские, работающие в духе ахеменидской традиции. В то же время в курганах второй хронологической группы Ульских курганов, датирующейся в пределах второй половины VI в до н. э., имеется ряд вещей, появление которых мы можем отнести к ближневосточной традиции. Среди них есть как предметы, выполненные в Прикубанье в духе этой традиции, так и вещи, сделанные на заказ для меотской элиты в мастерских к югу от Кавказа, а также прямые импорты.

1. Пронизи типа «Сиалк». В свое время И.Н. Медведская, обосновывая дату погребения 15 могильника Сиалк В, в качестве аргумента привела и пронизи для перекрестных ремней с округлой бляшкой. Она указала на их средне-европейские параллели, датирующиеся временем НАВЗ-С, и обосновала время этого комплекса в районе середины VIII в. до н. э. В Причерноморье пронизи-обоймы встречаются в протомеотских и черноговорских комплексах, например в погребении 51 могильника Пшиш I. В раннескифских памятниках эпохи Келермесских курганов эти пронизи не обнаружены и можем говорить о перерыве этой традиции. Неизвестны они и в Средней Европе этого времени.

В Ульских курганах в комплексах курганов 2/1898 г., 1/1909 г. и 10/1982 г. имеются бронзовые пронизи с пятью отверстиями и плоской или немного выпуклой бляшкой, выполненные из серебра, бронзы и железа (Ульские курганы (в печати), кат. 19, 94, 96, 292). Появление таких пронизей во второй половине VI в. до н. э. можно считать возрождением традиции пронизей типа «Сиалк». Мы можем предполагать, что эта традиция продолжала существовать в Иране до ахеменидского времени (Амударьинский клад, Пасаргады).

2. Тоже можно сказать и возрождении другого типа уздечных пронизей: это — клювовидные пронизи «каменноостского типа». Древнейшие клювовидные бронзовые пронизи на Северном Кавказе встречаются уже в комплексах начала — середины VII в. до н. э., они имеют слабо изогнутый клюв и отверстия, одновременно служащие изображением глаз у птичьей головки (Каменноостский, Клады к.41, Келермес 1/В и 2/В, Нартан, Красное Знамя, Владимировка). Они маркируют раннекелермесский этап, не встречаясь уже в комплексах конца VII — первой половины VI в. до н. э.

В то же время уздечки верховых коней с использованием клювовидных пронизей хорошо известны в ахеменидском Иране по персепольским рельефам и ритонам из Эрбуни. Однако они датируются концом VI–V вв. до н.э. Их далекими прототипами без сомнения являются раннескифские образцы. Судя по рельефам персепольской Ападаны, где клювовидные пронизы используются у лошадей делегации данников № IX, III, XI, XVI, и ритонам из Эрбуни, в ахеменидском Иране импользовалась стандартная уздечка с четырьмя подобными пронизями. В самом Персеполе найдены две каменные «клювовидные» пронизы, которые напоминают скорее коготь. Несколько подобных пронизей, выполненных из золота, бронзы и рога, известны в Грузии, в уздечных комплексах Итхвиси, п. 1962 г., Саирхе п. 5, в комплексе из Зестафони, датирующихся V в. до н.э. Такую же форму имеют и железные пронизы, которые встречены в 10-м Ульском кургане (1982 г). Они уникальны для Причерноморья как по времени (вторая половина VI в. до н.э.), так и по своему материалу. В связи с этим, мы можем объяснить их появление влиянием с юга.

3. Происходящие из кургана 2/1909 г. серебряные S-овидные псалии (ОАК, 1909–1910, с. 150, рис. 213–214), покрытые гравированными изображениями, не находят нигде близких синхронных аналогий. Е.В. Переводчикова в подготовленном издании Ульских курганов относит их к смешанному переднеазиатско-скифскому стилю. В то же время она обратила внимание на сходство изображения на концах псалиев и изображения на бутероли ахеменидского времени из Ирана, где выгравирован хищный зверь с таким же огромным выпуклым глазом, обведенным концентрическим рельефом, и примыкающей непосредственно к нему «лотосовидной» пастью с ноздрей в виде завитка. Ближневосточные параллели имеет и хищник с повернутой головой, с короткой пастью и треугольным ухом. По стилистике его можно сопоставить с хищниками с ахеменидского сосуда из Уляпского кургана 1.

4. К «смешанному» стилю, подверженному малоазиатскому влиянию, относится и золотой наконечник в виде головы лошади с зооморфными изображениями и элементами инкрустации из этого же кургана (ОАК, 1909–1910, с. 149, рис. 211, а–в). Фигурки зайцев, обозначающие ноздри животного — типичный для скифского звериного стиля случай «зооморфных превращений», и по ряду деталей они вполне «скифские». Однако, не менее явны и признаки переднеазиатского искусства: это рубчатый кант вокруг зрачков и полоска из треугольников, проходящая по лбу и щекам. Эти треугольники похожи на гнезда для инкрустации на ухе «пантеры» из Келермеса. Эта признаки традиционно трактуются исследователями как переднеазиатские.

5. Встреченные в Ульских курганах в кургане 1/1909 и 2/1909 изображения горного козла в лежащей позе и подобные им бляшки из кургана Витова могила под Харьковом, возможно, восходят, не к келермесской традиции, а к развивающейся параллельно в Иране и Малой Азии традиции лежащих горных козлов, с обернутой назад головой. Первую сводку их дал П. Амандри, показав, что этот мотив может быть необязательно скифским.

6. 14 серебряных ажурных фаларов или налобников происходят из кургана 2/1909 г (ОАК, 1909–1910, с. 152, рис. 218). Л.К.Галаниной справедливо

были указаны ближайшие им аналогии — ажурные фалары Мильского кургана. Она же напомнила, что М.И.Ростовцев высказывал «не лишнее оснований мнение о закавказском, скорее всего урартском их происхождении» (Галанина, 1983, с. 45; Ср. Ростовцев, 1925, с. 317, 335). Однако нужно учесть то обстоятельство, что хронологический разрыв между мильскими фаларами и ульскими набобниками более 100 лет. В эпоху создания рассматриваемого нами Ульского кургана уже не было урартских мастерских в Закавказье. В тоже время традиция ажурных фаларов и блях продолжала существовать в Закавказье (Эргета III, п. 1; Базалети п. 83, Ркинис-Кало, п. 27).

7. Бронзовая ручка сосуда в форме оленя из кургана 2/1909 г. (Ульские курганы, кат. 118; ОАК, 1909–1910, с. 150, рис. 212). Аргументация Г.И. Боровки, отнесшего ее к работе «греческого мастера, принадлежавшего к художественной школе, стоящей в теснейшей связи со школой, так называемых милетских или родосских ваз», работавшего предположительно в Фанагории, вызывает сомнение. Этот вывод был сделан на основании отдаленного сходства с изображениями животных на восточно-греческой керамике (Боровка 1922, 193–203). Однако, другие произведения греческой металлопластики этой мастерской нам не известны. Гораздо ближе ручки в виде животных на металлических сосудах из Малой Азии или Ирана. В музейных собраниях известны близкие по стилю металлические ручки амфор или курильниц, происходящие из Лидии и Ирана (Луконин 1977, рис. на с. 83 и 92; Özgen, Öztürk 1996, 118, 119, cat. 73).

8. Из кургана 1/1909 г. происходит фрагмент серебряной чаши-фиалы с лепестковым орнаментом. Подобный орнамент встречается на ряде ближневосточных сосудов (урартских, лидийских, ахеменидских). Однако ближайшая аналогия этому фрагменту — серебряная фиала из ритуального комплекса 1 могильника Уляп (первая половина IV в. до н. э.), которая входит в круг предметов ахеменидского производства.

9. Золотые калачевидные серьги с подвесками-колпачками, имеющими желудевидные подвески, происходят из кургана 4/1909 г. (Ульские курганы, кат. 189; ОАК, 1909–1910, с. 152, рис. 219). Близкими аналогиями являются калачевидные серьги из Нартана к. 7, 9, 12, являющиеся, вероятно, продукцией одной закавказской либо переднеазиатской мастерской, а также серьга из майкопского клада (Leskov, 2008, cat. 223). Импортный характер этого украшения нам очевиден.

Приведенные нами примеры показывают, что после завершения «скифских походов» и до попадания Прикубанья в сферу влияния ахеменидской державы, которое все-таки произошло не раньше начала V в. до н. э., обменные контакты местной элиты с Закавказьем и Передней Азией не прекращались. Однако для нас пока остается не ясным, где именно во второй половине VI в. до н. э. к югу от Кавказа находились мастерские, которые могли работать на «заказ» для прикубанского вожества.

The Origin of Sumerian

Dedicated to Professor Dr. E.A. Grantowsky

Sumerian

The people called Sumerian lived long ago in the estuaries of two large rivers, Tigris and Euphrates (second and third millenniums B.C). Nowadays our knowledge about the people shows that they were the first people who resided in this region and achieved amazing developments in urban life and different sciences. The most important of these state cities are Uruk, Ur, Shurruk, Lagash and Umma. «The Sumerian Language is one of the most ancient written languages, and cuneiform is one of their inventions». «The basis of math science and geometry was designed by Sumerians. Sumerians put signs for figures such as ten, hundred and million. These figures are still used nowadays, however there are no memories of Sumerian who were the inventors of the signs». «Sumerians designed the numerical system. This system was applied in mathematics by many civilized nations of the world for successive centuries. There are still traces of this system in the world. The division of day time to 24 hours (4x8) the division of each hour to 60 seconds and the division of a circle perimeter to 360 degrees are the memorials of the very Sumerian mathematical system.» Sumerians made their culture, civilization and language known throughout Mesopotamia. Within a short period of time This effect was gradually known to the whole world so that some people will think of the progress and achievements of these people as the building block of human development and progress in different fields of science. The Sumerians' stories became part of the beliefs of different religions. «Many of Babeli and Naynva Gods and their religious myths roots have in Sumerian myths.» The ancient Greek has adopted the principals of astronomy and medicine and also industries from Sumerians. «Sumerians had some centers where they taught children different sciences. The holiness of figure «seven» throughout the world is a reminder of Sumerians' ancient thought». As a whole, Sumerian can be known as the first real initiators of civilization in its absolute concept. Through studying the traces and evidences of this great and civilized people, we will find out that such fortunate people would always regret the land they belonged to, being their main origin. They worshiped their origin so much that after their arrival in Mesopotamia , they established temples called «Ziggurat» in the from of a mountain in order to remember original territory all the time.» The affection to their mythical land was so formed in Sumerians' minds that caused the appearance of one of the most beautiful and ancient human epopees called «Gilgamesh» which doubtlessly is one of the most beautiful and ancient products of human thought throughout the whole Orient and that is what can be the source of all those similar myths found in the books of different nations. Gilgamesh's never forgettable Journey to the ancestral territory to find, the plant of youth in twelve tables attained, gives us a lot of characteristics of mainland and origin of Sumerians But what is of importance for scientists and researchers on Sumerians is that from which land Sumerians have migrated to Mesopotamia. This is the question about which many scientists researchers have put forward guesses and possibili-

ties. Various comments on the mainland of Sumerians present the principal that the discussion about the first origin of Sumerians is totally serious and raising the subject in this investigation is fully away from guesses and possibilities, but many evidences prove it.

The Land and Ancestral Territory of Sumerians

“As a matter of fact, who are the Sumerians? Are they the representatives of a group of a very old pre-historic dwellers of Mesopotamia? Or they have come from another country? If so, where have they come from? “This important problem has been discussed several times since the memorials of Sumerian civilization were discovered about hundred years ago and has not yet been solved”

Out of the most workers written about Sumerians’ civilization and Mesopotamia, this point has been addressed and many of the explorers have just been trying to guess the answers. Overall, the theories about the Sumerians’ real and ancestral homeland are concentrating on some different points. Some of the explorers believe that they’ve migrated from Syria and Lebanon and overall from the Mediterranean Coast. Others consider this fact that they’ve been from Iran’s plateau. Those who believe in the second idea are divided into two groups: The first guess that they came into Mesopotamia from the southern part of Iran’s plateau, while the second group think that they’ve come from the North. Now we’re going to point out some of these view points.

The first group: Syria and Lebanon

Some of those who’ve found Syria and Lebanon as the first base for Sumerians, have presented some clues for their claim, which have always been rejected.” The subject is that “Sargon” once took his army to the Northeast and then with his follower’s help called “Dehagon” could make his way to the “Silver mountain” and “cedar Jungle” which was the Sumerians’ first base. The findings of this fight have nothing to do with what has been mentioned about the Amanus mountains in Syria and Lebanon.”What has been said about “Humbaba” manner, is in a way which seems to be about a volcano. But considering this fact that it refers to a volcano, it still can’t be referred to Amanus or Lebanese territory.”

The Second group: Iran

Part one: The South and Southeast of Iran plateau.

The origin of wide-headed people, considering their physical characteristics and their practical language, is still controversial. Some events caused them to appear in the south — east or South and the Persian gulf and their familiarity with navigating proves the second theory more efficiently.

Using up the descriptions made about the ancestral lands of Sumerians which are given in Gilgamesh battle and comparing that area with the south-east or the south of Iran, we find great differences between them. For instance, the dense jungle mentioned in Gilgamesh is unlikely to be situated in south of Iran. Secondly,” most of the findings available and comparable to the Sumerian civilization are found in the northern part of Iran not in the south. For instance, the discovery of archaeological works which belong to the pottery age in the North of Iran and out of Mesopotamia.”

Part two: North of Iran Plateau.

In the views of many scientists and researchers, the Sumerians migrated to the plain area from the mountainous districts of North and north — east of Mesopotamia.

The Sumerians' myths show that their living conditions have been drastically different from their new place." These people were a completely different race compared to their neighbors. Their civilization and culture which used to be older than the other cultures of the western Asia, may have been made by their living place. Of course there are some clues that show they first came from the east or north-east. Even the holy book helps us to conclude that the Sumerians came here from the eastern parts.

«People in all the world had one language, they migrated from the east, found a plain area in Shenar and settled in there they said, Let's make sun — dried bricks.» They had brick instead of stone and tar instead of chalk «Let's make ourselves a city and a tower which touches the sky, till we find ourselves a name. Be ware not to scatter all over the Earth,» says the holy book.

Having extended researchers studies about the discovered tablets, such as The Epic of Gilgamesh clear paths from the early settlements of Sumerians are presented.

«One point is that all these fictions are about the dark relationships between Uruk and Erate, the far — fetched places which were probably located in Iran.» Hook writes, «It can be claimed that the Sumerians and Aryans have had the same past experiences considering their old fictions, we understand that they've migrated from mountain to the plains.» He also says, «we've found many works under Gilan, Mazandran and Kerman hills which make a link between the Aryans mentioned and the Sumerians on north of Iran.» Safavi believe that The best has been done by Henry Field. He writes, «It's probable that the Sumerians have been settling in Gilan and Mazandran. Investigations about the folk music in the mid — centuries in Iran and has rendered some clues from Gilgamesh, but in Mediterranean or Sami stories, there's no one like him, and maybe it can be a reason that, at first, the Sumerians migrated from Kuchoor, Amardes, Medes, and Persians.» So, the Iranian Aryans have been familiar with Gilgamesh.

It must be noted that, with regarded to some perspectives and views which are existed about ancient land of Sumerians. This suspicions and scattered signs, at first, imply that: supposing that Sumerian had been migrated from northern part of Iran had been occurred into researchers mind as a probability and because there was a little clue to demonstrating this hypothesis for researchers and scholars, identifying the initial land of Sumerian had been secreted generally up to now. In this survey we will deal with recognizing some evident which link the main and initial land of Sumerian to North of Iran, especially to Gilan.

In the texts related to Sumerian, What is attracted at first, each researcher view about their ancestral and holy land vicinity of three elements: **mountain, forest** and **sea**.

In the other theories, This three elements or three natural and geographical components are not along each other but lonely is appear as a full composition from Amanus forest, syrai to southern Iran. But with a little precision in the characteris-

tics of this regions we will see that they are lack in the mentioned details in Sumerian texts. One can say that such a composition in nowhere is as much as north of Iran, like Gilan, which have various details wont help to identify the initial origin of Sumerian. Now, we compare and investigate each of this three factors (mountain, forest and sea) according to Sumerian text and what found in the modern Gilan land. since our goal in this research is comparing the Sumerian main land with some part of modern Gilan, so we leave the most part of the details to future articles an have we consider the following briefly.

Mountain

Sumerian had been insisted to sanctify eastern land and they suppose that Sumerian deads would return there and they live eternally there. One of this land was Dilmun which was located in vicinity to a mountain called Mashu. Some signs which obtained from this mountain according to Sumerian texts are as follow;

Mashu is a very tall mountain which guard sunrise and sunset.

Also this mountain had been called as “heaven wall” and “silver mountain” or “silver pure mountain”. According to Sumerian belief, this mountain enjoyed from high religious credit. The broadness among its two vertices is so deep as if to reach beneath world and there is a high door on the head of slope which elongated to underground.

Although a mountain which had been located on Gilan mountainous part and the east of Sephid Rood river is not called Mashu, but it called Dorfak , just in northern and southern part of this mountain there are some places where still the old name of this mountain Mashu, that is , apply for them.

This names are include “Mashu main” in southern part and “Mahi Mashu” in northern part. Probably the reason for changing the name of this mountain was settlement of “Dorbaki” ethnos in this region who gave their name to this mountain but as we were mention early, still the old name of this mountain left a memorial around “Dorfak” mountain.

Here, should be noted that word “Mashu” is not the only existed Sumerian word in this region, around “Dorfak mountain”, but, still we are facing with some Sumeri words such as :

<i>The Sumerian words</i>	<i>The words exits in Gilan</i>
<i>Mashu</i>	<i>Mashu</i>
<i>Lebanon</i>	<i>Lebabon</i>
<i>Enmul</i>	<i>Enmul</i>
<i>Lagash</i>	<i>Lagtash</i>
<i>Shurrapak</i>	<i>Shurrachak</i>
<i>Ereshkigal</i>	<i>Ereshki</i>
<i>Ishullanu</i>	<i>Ishuko</i>
<i>Dilmun</i>	<i>Dilmun</i>
<i>Meluha</i>	<i>Melumeh</i>
<i>Sumer</i>	<i>Shumer, Surmul , Sumeran</i>
<i>Silili</i>	<i>Sili</i>

Nissir	Nissir
Lanu	Lana
Apsu	Apsu
TiTi	TiTi
Utuki	Tutuki
Cas	Cas
Inana	Inana
Mardok	Mardos
Utu	Utu
...	...

Undoubtedly, sunrise and sunset in “Dorfak” always give a certain beauty to the region. Mir Abulghasemi writes that: “sunrise in all other altitude such as Terar and Javaher dasht and Taleghan Alborz and Alamunt is attraction but for me, watching the group movement of children and their gladness in a place where sunrise is seen very greatly had been more pleasant.” Undoubtedly, those who were seen “Dorfak” mountain closely confirm that this mountain had been elongated as a wall from the ground to sky.

Chodzko writes, “During long centuries, Gilan’s rulers because of supporting with mountain wall and existing hard way in foggy swamp in their land did not pass away it to other land”. Additionally, we can see in history that the initial inhabitant of valleys such as Ashurian who authorized long centuries after fall of Sumerian government and run toward plateau when they reached to southern slope of Alborz range of mountains, in face of high wall of Alborz which were call “Bicni or Lajavard mountain” in that time, supposed that they reached to the end of the world.

Some of the researchers belief that if we consider this mountain as same as “silver pure mountain” in Sumerian ancestors land border, undoubtedly we must seek it in modern Iran. One of the beauty of Dorfak mountain is its silver color which is one of the region attractions in sunny day and naming “silver mountain” or “silver pure mountain” and this name was for its silver color, especially on northern wall. Publicity of “Dorfak” in all over the Gil and Dilam is because of its special and extraordinary situation. Horizontally, this area as all altitude had religious credit. After wards, pious villagers of Gilan area would determine their Kiblah direction according it as still someone say to their children that: “When praing you must face with Dorfak, or still many local people of this mountains region turn toward Dorfak when swearing and say: “I swear to this glory.” Which remind sun God, that is, “Utu” far Sumerian and sun — worship for ancient Gilanian people. There is a depth in vicinity of Dorfak peak which is go down to interior of ground and also there is a long care at the initial slope of this mountain along a stony gate which is elongated it to interior depth of the ground.

Forest

The name of mentioned forest in the epic of Gilgamesh is “living country” within it there is a very tall mountain which is “heaven God base” and also is the start way of sub world and some river are originated from it. “You will see a valley in that as a big channel and you see a big tree at the middle of this valley which its branches

are more green than the most greenest common fig- tree.” The mentioned mountain here may be Dorfak which at the slope of it there is a way to sub world, that is the most beneath layers of this region which we already point to it. It is flow a spring at the end of the cave which must consider it as a source of river or sources which are located around the Dorfak. A river which is flowing in a green valley is “Zaliki” which have a clear and pleasant water. The second part of river’s name ki indicate that this word zeliki is a Sumerian word because the meaning of, ki in Sumerian language is “God lady of the Earth” or simply is “Earth”, (Zeli?).

Cedar tree is one of prominent mark of mythic forest for Sumerian. Some signs which are obtained from this tree in the texts related to Sumerian, especially The Epic of Gilgamesh, indeed, this tree have good odor, firmness, resin and certain beauty which separated it from the other trees. The other name of cedar tree which had been recorded in Moen dictionary are: larch «Soleyman and Ghatran tree». There are a lot of resin into the wood of cedar tree which have a very nice odor. Since this tree also is growing in Lebanon forest, some researchers had been supposed the mythic forest of Sumerian in this regions but this forest is lack of the mentioned details in The Epic of Gilgamesh, on the other hand.

There is find some form of Cedar tree in many cylindrical nut which had been obtained from the hilly slope in the north forest and old cemetery which itself is a strong reason for linking the forest of this region with mythic forest of Sumerian in their ancestor land. As we mentioned already one of the other name of this tree is Lebanon. Extracting tar industry for Sumerian who were skilled navigators was very important for built ships. We can say about extracting tar industry in Gilan that this historical and old industry is forgetting, gradually.

Sea

There is a question that where Sumerian consider a border sea geographically?”. Some researchers thought that this sea can be Persian Gulf or Caspian sea or may be Russia north sea. Any way, from Sumerian point of view this place had been same with “Dilmun” — river source land — If we suppose the mentioned sea in Sumerian resources as same as the Caspian Sea, it is necessary to investigate its signs according to Sumerian texts.

Among some characteristics which can infer for this sea from Sumerian texts is indeed its wonderful depth and roaring and central waves. It must be noted that Caspian sea have a very deep depth especially in southern part. Also, this sea because of high waves known as a uncalm sea. On the other hand, this sea is known as «Post Sea and border sea». pigulevskaia about the first Shapur Sasani writes, «since first year of kingship, he battled with «Kharazmian» and hilly Medes and defeated them totally and then he went to Guilan, Dilmun and Ghorzan to command the people who would living in the distant mountain and border of post sea.» He also writes about three mentioned region near the Caspian sea: «this is the same thing which are in syriac source with the name of «post sea» or «the latest sea». Safavi said that: Gilgamesh must passing the sea for becoming an eternal man which had been an identified border for all ancient people of Sumeri, Sami, Iranian and Greek. This evidence is demonstrating the Sumerian beliefs about geographical situation of border sea more than anything.

Undoubtedly, with regard to the mentioned subjects we can claim that Gilan region, that is the distance between Dorfak mountain with the around land, to Caspian sea is the most similar place to Sumerian mythic and holy land. Among the other reliable evidence in demonstrating the relationship of Sumerian ancestor land with Gilan region, we can mentioned some other case which include:

Sumerian remind words in Gilan which mentioned.

Oral literature and folk culture and comparing the myth and people beliefs of this land with what is available from Sumerian. For example, Gilan's people are narrating a myth which is very similar to mythic visit of «Gilgamesh» with «Siduri», sumeri honey maker lady. On the other hand, investigating the archaeology findings in Caspian area and in its mountainous part and linking them with Sumerian civilization, for instance, finding some goblet which carved some sumeri picture on it or discovering dishes earthen (pottery era) were related to Sumerian which had been found in Mesopotamia and some dishes which had been found in the borderline of Caspian sea are demonstrating the growth of Sumerian civilization in this area.»I believe that such a literature can create a new motivation in the other researchers to answer the unreplied questions in Summer civil.

REFERENCES :

- 1 Blance.Y., *Enquete sur la Mort de Gilgamesh*, Paris,1991.
- 2 Dandamayev .M.A., *Iranians in Acheamenid Babylonia*, New York, 1996.
- 3 Herzfeld, E., *Iran in the Ancient East*, London, 1914.
- 4 Cameron, G., *History of Early Iran*, Chicago, 1936.
- 5 Jacobson, Th., "The Sumerian king — list", *Assyriological studies*, No. 11, Chicago: The Oriental institute of Chicago, 1939.
- 6 Mc Call, H., *Mesopotamian Myths*, translated by Mokber, A. Markaz publication. Tehran, 1994.
- 7 Kramer, S.N., *from the Tablets of summer*, Colorado, 1956.
- 8 Sandars, N.K., *The Epic of Gilgamesh* , London, 1960.
- 9 Gaster, T.H., *Thespis — Ritual, Myth and Drama in Ancient Near East*, New York, 1950.
- 10 White, A.T., *lost world*, translated by Jahandari, k.,Elmifarhangi publication, Tehran, 2001.
- 11 Hooke, S.H., *Middle eastern Mythology*, translated by Bahrami and Mazdarpur, Rushangran publication. Tehran, 2002.
- 12 Jacobsen, T. and J.A. Wilson., *Most Ancient verse*, University of Chicago, 1963.
- 13 Grimal, P., *World Mythology*, Hamlyn , 1989.
- 14 Natel Khanlari, P., *Persian language history*, vol.1,Tehran, 1997
- 15 Admiat, F., *thought history from summer to Greek and Room*. Roshangarn publication, Tehran, 1997.
- 16 Safavi, H., *Gilgamesh hero letter*, Amirkabir publication, Tehran, 1973.
- 17 Pirniya, H.,*old Iran, Iran briefly history*, Asatir publication. Tehran, 1994.
- 18 Moin, M., *a Persian dictionary* , Tehran, 1996.
- 19 Pigulevskaiia, N., *Citis of Iran...* , translated by Reza, Elmi farhangi publication. Tehran, 1988 .
- 20 Chodzko, A., *Region of Gilan*, translated by Sahami, Faros publication. Tehran, 1975.

Научное издание

**ДРЕВНОСТЬ:
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ
И СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКА**

Материалы конференции

Верстка *А. Ельцева*

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28.04.2001

Подписано в печать 07.12.2007

Формат 60х90/16. Бумага множ.

Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 9

Тираж 100 экз.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Зайцев